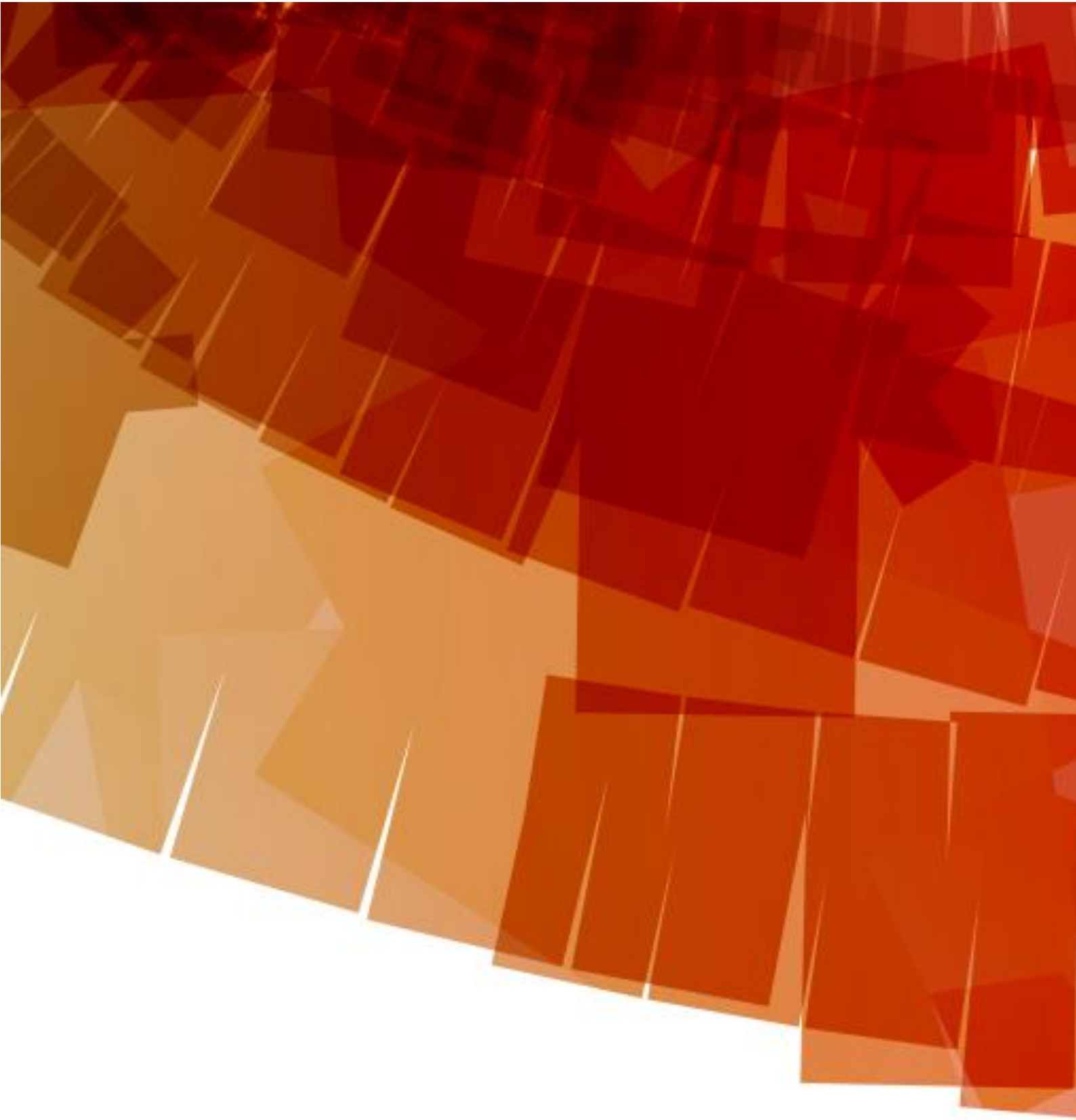

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+ **«Праксиология»** 08.06.2026
«Praxeology»

Редакционный совет / EditorialBoard:

Суровцева Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор
Surovtseva Ekaterina Vladimirovna,
Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief
Ананченкова Полина Игоревна,
кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко
Ananchenkova Polina Igorevna,
Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko
Афанасьев Максим Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;
Afanasyev Maxim Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;
Бочкарева Екатерина Дмитриевна,
кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;
Bochkareva Ekaterina Dmitrievna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;
Журавлева Евгения Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева
Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology
Кудринская Ирина Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Kudrinskaya Irina Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University
Куницына Светлана Михайловна,
кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;
Kunitsyna Svetlana Mikhailovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;
Лукина Анастасия Сергеевна,
кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;
Lukina Anastasia Sergeevna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;
Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;
Neverov Alexander Viktorovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Резаков Максим Равильевич,
кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;
Rezakov Maxim Ravilevich,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;
Сухоносов Александр Петрович,
кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
Sukhonosov Alexander Petrovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University
Трушкова Светлана Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;
Trushkova Svetlana Viktorovna,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;
Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.
Churin Vladimir Vladimirovich,
PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Учредитель: ПОТАПОВ Д.А.
Издатель: ИП ПОТАПОВ Д.А.
Веб-сайт: https://education-art.ru/праксиология
Электронная почта: pracsiolog@yandex.ru

Founder: POTAPOV D.A.
Publishing house:IP POTAPOV D.A.
Web-site: https://education-art.ru/праксиология
E-mail: pracsiolog@yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. БЛАГОРАЗУМОВА М.Г. ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-АФФЕКТИВНОЙ СФЕРЫ МАТЕРЕЙ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 5
2. БУРНУТЯН Я.К., ГЕРМУС М.О. ТАНЕЦ ИНИЦИАЦИИ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ КАК ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ 12
3. КУКЛЕНКО К.Т., БЕЗУГЛАЯ Г.В. ОТЛИЧИЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ ОТ МАНИПУЛЯЦИИ 17
4. АЗАНОВА К.Ю., НИКИТИНСКАЯ Л.В. ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДРАМАТУРГИИ ГАРОЛЬДА ПИНТЕРА: СОЗДАНИЕ ПОДТЕКСТА И РЕЧЕВОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЬЕСЕ «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» 22
5. ВЕДРОВ Д.А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ И ОПИСАНИЙ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, ОБЪЕКТОВ, ЖИЛИЩ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК) 29
6. НИКИФОРОВА Д.Д. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 38
7. ГОРЯИНОВ С.О. ПРИМЕНЕНИЕ ИНТАРСИИ В КОСТОРЕЗНОМ ИСКУССТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.. 43
8. ГРОМАКОВА Э.С. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «РЕАЛИЯ» 52
9. ПОЛИТИКА О.И., ГУЩИНА Э.А. ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЦ С РАССТРОЙСТВАМИ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНОГО ТРАКТА.. 57

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

10. БАЙКИН И.А. МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: ИНСТРУМЕНТЫ ОЭЗ ШЭНЬЧЖЭНЬ И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ОЭЗ «ДУБНА» 62
11. БАЙКИН И.А. ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОСОБЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ОЭЗ «ДУБНА» (РФ) И ОЭЗ ШЭНЬЧЖЭНЬ (КНР) 66
12. ВАГИДОВ Т.Я. АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ЗАПРЕТЫ КАК ВНЕШНИЙ ПРЕДЕЛ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК 70

13.ВАГИДОВ Т.Я. КОМПЕНСАЦИОННЫЙ ТРОЛЛИНГ В СФЕРЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ 76

14.ПАЧЕВСКИЙ С.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 81

15. КИРОВА П.В. ПРОБЛЕМА БАНКОВСКИХ БАНКРОТСТВ И ИХ СВЯЗЬ С БАНКОВСКИМИ РИСКАМИ 85

16.ПАЧЕВСКИЙ С.В. САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 91

17.МУСАТОВ М.А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 96

18.КИСЛЯКОВ С.В. РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИМ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ 105

19.МЕЛЬНИК А.Д. ОТМЕНА СУДЕБНОГО ПРИКАЗА ПО ФОРМАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ: ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ 113

20.МЕЛЬНИК А.Д. ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 119

21.КРЮКОВ Ф.О., СУРКОВА В.В. НАЛОГОВАЯ АМНИСТИЯ: КОНЕЦ «СЕРЫХ» СХЕМ ИЛИ ЛОВУШКА ДЛЯ БИЗНЕСА? 125

22.ПАНФИЛОВ А.К., СЕМЫКИН М.П. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ 132

23.ДМИТРИЕВ Д.Е. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ 136

24.ВОЛКОВА Л.А. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 141

25.АТАЕВ С.М. ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА 146

26.ШАЙКИНА П.С., ПАНИН С.И. ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АГРОЕДИНСТВО» БУТУРЛИНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ) 156

27.КИСЕЛЕВА И.В., ВИННИЧЕНКО А.С. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПОКАЗАНИЯХ.. 161

28.ХАВЖОКОВА З.Б., ТЕКУЖЕВ А.А. ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ. 165

29.ЖИГАЛОВА А.А. ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 171

30.КОБЗАРЕВА В.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ 176

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Благоразумова М.Г.
преподаватель
кафедра педагогики, психологии и психосоматической медицины
ФГБОУ ВО «Ижевский государственный медицинский университет»
e-mail: moongirl8@yandex.ru

Blagorazumova M.G.
Lecturer
Department of Pedagogy, Psychology and Psychosomatic Medicine
Izhevsk State Medical University

ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-АФФЕКТИВНОЙ СФЕРЫ МАТЕРЕЙ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования эмоционально-аффективного состояния матерей, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра (РАС), в сравнении с матерями нормотипичных детей. Исследование проводилось с использованием аппаратно-программного комплекса «Варикард 2.51» для анализа вариабельности сердечного ритма (ВСР), а также методики PCERA (Parent – Child Early Relational Assessment). Выявлено, что у матерей детей с РАС наблюдается более выраженное увеличение частоты сердечных сокращений при взаимодействии с ребёнком (на 10% против 2,1% в контрольной группе). Установлены различия в преобладании типов вегетативной нервной системы: среди матерей детей с РАС преобладает симпатикотония (80%), тогда как в контрольной группе – парасимпатикотония (70%). Описана специфика эмоциональных нарушений у матерей детей с РАС. Разработана и апробирована психокоррекционная программа с использованием методов арт-терапии, направленная на снижение стресса и улучшение эмоциональной регуляции.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, матери, эмоционально-аффективная сфера, вариабельность сердечного ритма, стресс, тревожность, арт-терапия, взаимодействие матери и ребёнка.

ASSESSMENT OF THE EMOTIONAL-AFFECTIVE SPHERE OF MOTHERS IN INTERACTION WITH CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the emotional-affective state of mothers raising children with autism spectrum disorder (ASD) in comparison with mothers of typically developing children. The study was conducted using the hardware-software complex "Varicard 2.51" for the analysis of heart rate variability (HRV), as well as the PCERA (Parent – Child Early Relational Assessment) method. It was revealed that mothers of children with ASD show a more pronounced increase in heart rate when interacting with the child (by 10% compared to 2.1% in the control group). Differences in the predominance of autonomic nervous system types were established: among mothers of children with ASD, sympathicotonia prevails (80%), while in the control group, parasympathicotonia prevails (70%). The specifics of emotional disorders in mothers of children with ASD are described. A psychocorrectional program using art therapy methods, aimed at reducing stress and improving emotional regulation, has been developed and tested.

Keywords: autism spectrum disorder, mothers, emotional-affective sphere, heart rate variability, stress, anxiety, art therapy, mother-child interaction.

Введение

Расстройство аутистического спектра (РАС) представляет собой сложное нейроразвивающее расстройство, которое существенно влияет на коммуникацию, социальное взаимодействие и поведение ребёнка. Матери, воспитывающие детей с РАС, сталкиваются с комплексом специфических проблем, которые значительно влияют на их эмоциональное состояние, уровень тревожности и общее психофизиологическое благополучие. Эмоционально-аффективное состояние матерей детей с РАС – это не просто индивидуальная проблема, а важный системный фактор, влияющий на всю семейную динамику и, опосредованно, на развитие ребёнка. Хронический стресс, социальная изоляция, неопределённость прогнозов и высокая нагрузка по уходу создают предпосылки для формирования устойчивых негативных эмоциональных состояний. Вариабельность сердечного ритма (ВСР) является объективным физиологическим маркером, отражающим состояние автономной нервной системы и способность организма к адаптации при стрессе. Низкая ВСР ассоциирована с хроническим эмоциональным напряжением, снижением регуляторных ресурсов и повышенным риском психосоматических нарушений.

Цель исследования – изучение эмоционально-аффективного состояния матерей детей с расстройством аутистического спектра в сравнении с матерями нормотипичных детей в процессе взаимодействия с ребёнком.

Задачи исследования:

1. Провести анализ современной литературы по теме эмоционального состояния матерей детей с РАС.
2. Оценить исходный уровень состояния вегетативной нервной системы у матерей детей с РАС и матерей нормотипичных детей.
3. Провести сравнительный анализ динамики физиологических показателей у матерей обеих групп в процессе взаимодействия с ребёнком.
4. Описать специфические особенности эмоционально-аффективной сферы матерей детей с РАС.
5. Разработать и апробировать программу арт-терапевтической коррекции для родителей детей с РАС

Особенности эмоциональной сферы матерей детей с РАС

1. Хронический стресс и эмоциональное истощение

Воспитание ребёнка с РАС сопряжено с постоянным психоэмоциональным напряжением. Матери сталкиваются с необходимостью круглосуточного ухода, частыми поведенческими срывами ребёнка, трудностями коммуникации и отсутствием прогнозируемого поведения. Это приводит к формированию хронического стресса, который, в отличие от острого стресса, не имеет чёткого окончания и истощает адаптационные ресурсы организма [4].

Клинические проявления у матерей детей с РАС включают:

- Постоянное чувство усталости, не восстанавливающееся после сна;
- Эмоциональную лабильность (резкие перепады настроения);
- Снижение толерантности к фрустрации (раздражительность на незначительные поводы);
- Чувство безнадёжности и беспомощности.

2. Тревожность и депрессивные расстройства

Согласно данным зарубежных исследований, уровень тревожности и депрессии у матерей детей с РАС значительно превышает популяционные показатели [4]. Характерны следующие проявления:

- Генерализованная тревога: постоянное беспокойство о будущем ребёнка, его социализации, обучении, трудоустройстве;
- Социальная тревожность: страх осуждения окружающими поведения ребёнка в общественных местах, избегание выходов в люди;
- Депрессивная симптоматика: сниженное настроение, ангедония (утрата способности радоваться), чувство вины («я плохая мать», «я делаю недостаточно»), нарушения сна и аппетита.

3. Синдром эмоционального выгорания (профессиональное выгорание родителей)

Матери детей с РАС часто демонстрируют симптомы, сходные с профессиональным выгоранием у специалистов помогающих профессий. Этот феномен получил название «родительское выгорание включает:

- Эмоциональное истощение (чувство пустоты, отсутствие сил);
- Деперсонализацию (отстранённое, механическое отношение к ребёнку);
- Редукцию личных достижений (чувство неэффективности, что «всё делаю неправильно»).

4. Социальная изоляция и одиночество

Многие матери детей с РАС постепенно сужают круг социальных контактов. Причины:

- Трудности с посещением общественных мест из-за поведенческих особенностей ребёнка;
- Непонимание со стороны других родителей и друзей;
- Отсутствие времени на поддержание дружеских связей (уход за ребёнком требует больших временных затрат);
- Чувство стыда и страха осуждения.

Социальная изоляция усугубляет депрессивную симптоматику и лишает мать важного ресурса поддержки.

5. Чувство вины и стыда

Для матерей детей с РАС характерны стойкие чувства:

- Вина за то, что «не смогла родить здорового ребёнка», «пропустила ранние признаки», «недостаточно занимается»;
- Стыд перед окружающими за поведение ребёнка, за «особенность» семьи;
- Вина за собственные негативные эмоции («я злюсь на ребёнка → я плохая мать»).

Эти переживания часто не вербализуются, остаются внутренними и усиливают психоэмоциональное напряжение.

6. Физиологические маркеры эмоциональных нарушений

Исследования с использованием вариабельности сердечного ритма (Kern и др., 2016) показали, что у матерей детей с РАС наблюдаются:

- Снижение общей ВСР (уменьшение адаптивных резервов);
- Преобладание низкочастотного компонента (LF), отражающего хроническую симпатическую активацию;
- Снижение высокочастотного компонента (HF), связанного с парасимпатической активностью и способностью к расслаблению.

Полученные в нашем исследовании данные о преобладании симпатикотонии у 80% матерей детей с РАС полностью согласуются с этими наблюдениями.

Организация и методы исследования

Выборка:

- Группа 1 (основная): 10 матерей, воспитывающих детей с РАС;

- Группа 2 (контрольная): 10 матерей нормотипичных детей.

Средний возраст участниц – 35 лет в обеих группах.

Методики исследования:

1. Аппаратно-программный комплекс «Варикард 2.51» – для регистрации ЭКГ и анализа вариабельности сердечного ритма (ЧСС, ВСР, спектральный анализ).
2. Методика PCERA (Parent – Child Early Relational Assessment, Clark, 1985) – экспертная оценка взаимодействия в диаде «мать – ребёнок» по трём блокам: поведение взрослого, поведение ребёнка, качество взаимодействия.

Процедура проведения:

1. Измерение исходных физиологических показателей матери в покое.
2. Свободное взаимодействие с ребёнком в течение 5 минут.
3. Повторное измерение физиологических показателей.
4. Видеозапись взаимодействия для анализа по PCERA.

Результаты исследования

1. Динамика частоты сердечных сокращений

- Матери нормотипичных детей: увеличение пульса на 2,1%.
- Матери детей с РАС: увеличение пульса на 10%.

Различие статистически значимо и указывает на более высокий уровень стрессовой реакции у матерей детей с РАС.

2. Тип вегетативной нервной системы

Тип ВНС	Матери детей с РАС	Матери нормотипичных детей
Симпатикотония	8 человек (80%)	3 человека (30%)
Парасимпатикотония	2 человека (20%)	7 человек (70%)

Преобладание симпатикотонии в основной группе свидетельствует о хроническом состоянии повышенной физиологической активации и сниженных адаптационных резервах.

3. Взаимосвязь типа ВНС и реакции на взаимодействие

Наиболее выраженное увеличение пульса наблюдалось у родителей с исходной симпатикотонией, особенно в группе матерей детей с РАС, что подтверждает аддитивный эффект хронического стресса и стрессогенного характера взаимодействия.

Арт-терапия как метод психокоррекции для родителей детей с РАС

Обоснование применения арт-терапии

Традиционные вербальные методы психотерапии (беседы, консультирование) часто оказываются недостаточно эффективными для родителей детей с РАС в силу нескольких причин:

- Высокий уровень эмоционального напряжения затрудняет вербализацию переживаний;
- Чувство стыда и вины блокирует открытое обсуждение проблем;
- Родители часто не имеют времени на длительную терапию [3,5];
- Многие родители не готовы «жаловаться на свою жизнь», опасаясь осуждения.

Арт-терапия (терапия творческим самовыражением) обладает рядом преимуществ:

- Обходит цензуру сознания (чувства выражаются через образы, а не слова);
- Снижает защитное сопротивление (рисовать, лепить может любой);
- Даёт быстрый разгрузочный эффект (отреагирование негативных эмоций);
- Позволяет работать в краткосрочном формате (от 4–6 занятий);

- Создаёт безопасное, неосуждающее пространство.

Структура программы арт-терапии

Разработанная программа рассчитана на 8 групповых занятий (1 раз в неделю по 90 минут). Группа – 6–10 человек. Ведущий – психолог, прошедший подготовку в области арт-терапии.

Блок 1. Диагностический (занятие 1)

- Знакомство, установление правил группы;
- Тестирование родителей с помощью специально подобранных методик;
- Выполнение проективного рисунка «Моя семья» или «Барашек в Бутылке»;
- Обсуждение ожиданий и актуальных трудностей.

Блок 2. Стабилизационный (занятия 2–4).

- Занятие 2. Тема «Мои чувства». Задание: нарисовать свои чувства в виде цвета, пятна, абстрактной формы (без изображения людей и событий).

Цель: легализация негативных эмоций, снятие запрета на чувство гнева или усталости.

- Занятие 3. Тема «Гнев и вина». Задание: нарисовать свою «ярость» или «вину» (бумага для разрывания) с последующим символическим уничтожением рисунка (сжигание, разрывание, дорисовывание в нечто новое).

Цель: отреагирование агрессии, прощение себя.

- Занятие 4. Тема «Мои ресурсы». Задание: коллаж «Что меня поддерживает» (из журнальных вырезок).

Цель: актуализация позитивных аспектов жизни, поиск опор.

Блок 3. Коррекционный (занятия 5–7)

- Занятие 5. Тема «Моё тело и стресс». Задание: лепка из глины или пластилина «Как я чувствую своё тело».

Цель: телесная релаксация, работа с психосоматическими симптомами.

- Занятие 6. Тема «Мои желания».

Задание: рисунок «Мир, который я хочу».

Цель: восстановление способности желать, планировать, надеяться.

- Занятие 7. Тема «Мой ребёнок глазами моего сердца».

Задание: свободное изображение ребёнка (не портрет, а чувство к нему).

Цель: отделение своего отношения к ребёнку от его трудного поведения.

Блок 4. Интегративный (занятие 8)

- Обсуждение изменений, произошедших за время программы;
- Создание общего коллажа «Наша группа»;
- Ритуал прощания, поддержка.

Формы работы в программе

Метод	Описание	Цель
Свободное рисование	Рисунок на заданную тему без ограничений	Самовыражение, отреагирование
Мандала	Раскрашивание готовых или создание своих мандал	Релаксация, центрирование
Коллажирование	Композиция из вырезок	Поиск ресурсов, структурирование

Метод	Описание	Цель
Лепка (глина/пластилин)	Создание объёмных форм	Телесная разрядка, снижение напряжения
Рисунок миндал (метод)	Превращение негативного образа в позитивный через дорисовывание	Переработка травматического опыта
Групповой коллаж	Совместное творчество	Ощущение принадлежности, поддержка

Ожидаемые результаты

На основе нашей апробации программы были получены следующие эффекты (по данным наблюдения и опроса участниц):

- Снижение уровня субъективного стресса (самоотчёты);
- Улучшение настроения (регулярное посещение занятий нормализовало эмоциональный фон);
- Снижение чувства изоляции (благодаря групповому формату и осознанию «я не одна такая»);
- Повышение толерантности к поведенческим особенностям ребёнка;
- Улучшение качества взаимодействия в диаде (по данным повторной оценки PCERA);
- Появление новых способов совладания со стрессом (использование творчества в домашних условиях).

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают результаты зарубежных исследований (Kern и др., 2016; Lecavalier и др., 2014; Hartley и др., 2010) и дополняют их новыми фактами о вегетативном статусе матерей детей с РАС.

Ключевые положения обсуждения:

1. Стресс и тревожность. Выраженное увеличение ЧСС у матерей детей с РАС подтверждает, что взаимодействие с ребёнком является для них мощным стресс-фактором. Это связано с поведенческими особенностями детей (стереотипии, трудности коммуникации, агрессия) и высокими когнитивными затратами на контроль ситуации.
2. Эмоциональная регуляция. Преобладание симпатикотонии (80%) указывает на сниженную способность к саморегуляции. Хроническая симпатическая активация истощает резервы организма и повышает риск психосоматических заболеваний (артериальная гипертензия, нарушения сердечного ритма, расстройства желудочно-кишечного тракта).
3. Влияние на ребёнка. Эмоциональная атмосфера в семье, опосредованная физиологическим состоянием матери, влияет на развитие ребёнка с РАС. Дети чувствительны к невербальным сигналам тревоги, что может усиливать их собственную тревожность и дезадаптивное поведение.
4. Эффективность арт-терапии. Разработанная программа показывает хорошие результаты в снижении стресса и улучшении эмоциональной регуляции. Арт-терапия позволяет обойти вербальные защиты, что особенно важно для родителей, испытывающих стыд и вину. Групповой формат даёт дополнительный ресурс социальной поддержки.

Заключение

Проведённое исследование показало:

1. Матери детей с РАС демонстрируют более выраженные физиологические реакции (увеличение ЧСС на 10%) в процессе взаимодействия с ребёнком по сравнению с матерями нормотипичных детей (2,1%).
2. Среди матерей детей с РАС достоверно чаще встречается симпатикотония (80%), что указывает на хроническое стрессовое состояние и снижение адаптивных резервов.
3. Эмоционально-аффективная сфера матерей детей с РАС характеризуется высоким уровнем хронического стресса, тревожности, депрессивной симптоматики, родительского выгорания, социальной изоляции, чувства вины и стыда. Эти особенности находят объективное отражение в показателях вариабельности сердечного ритма.
4. Разработанная программа арт-терапии является эффективным инструментом коррекции эмоционально-аффективной сферы родителей детей с РАС. Программа способствует отреагированию подавленных эмоций, снижению стресса, улучшению саморегуляции и восстановлению ресурса для взаимодействия с ребёнком.

Литература:

1. Clark R. The Parent-Child Early Relational Assessment (PCERA). – Madison: University of Wisconsin, 1985.
2. Kern J.K., Geier D.A., Sykes L.K. et al. The relationship between mercury and autism: A comprehensive review // Journal of Neurology and Neurophysiology. – 2016. – Vol. 7 (2). – P. 100–112.
3. Благоразумова, М. Г. Методы системно-семейной арт-терапии в практике личностной реализации родителей детей с ОВЗ / М. Г. Благоразумова // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов (шифр - МКНТ): Сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции, Москва, 21 марта 2024 года. – Москва: ООО "Издательство Академическая среда", 2024. – С. 185-189.
4. Благоразумова, М. Г. Проблема тревожности у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья / М. Г. Благоразумова // Перспективы клинической психологии в медицине и образовании: Коллективная монография. – Санкт-Петербург: ИП Сергеев Д.В., 2024. – С. 188-193.
5. Благоразумова, М. Г. Специфика психокоррекционной программы системно-семейной арт-терапии для родителей детей с нарушениями развития / М. Г. Благоразумова, И. В. Реверчук, М. М. Главатских // Давиденковские чтения: Материалы XXVI Всероссийского конгресса с международным участием, Санкт-Петербург, 19–20 сентября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская общественная организация "Человек и его здоровье", 2024. – С. 34-37.

Бурнутян Я.К.
студент
ФГБОУ ВО ««Тюменский государственный институт культуры»
Гермус М О.
студент
ФГБОУ ВО ««Тюменский государственный институт культуры»
e-mail: Sidny2000@mail.ru
научный руководитель – старший преподаватель кафедры народного танца
ФГБОУ ВО ««Тюменский государственный институт культуры»
В.В. Казанцев

Burnutyan Ya.K.
Student
Tyumen State Institute of Culture
Germus M.O.
Student
Tyumen State Institute of Culture
scientific director – Senior Lecturer of Department of Folk Dance
Tyumen State Institute of Culture
V.V. Kazantsev

ТАНЕЦ ИНИЦИАЦИИ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ КАК ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена танцу инициации в русской деревне как части женской субкультуры. В работе рассматриваются традиционные танцы, которые сопровождали переход девушки во взрослую жизнь. На основе фольклорных и этнографических материалов автор раскрывает значение таких танцев: как через движения передавались культурные традиции, нормы поведения и представления о женской роли в традиционном обществе.

Ключевые слова: танец инициации, женская субкультура, традиционная культура; русские обряды; русская деревня.

INITIATION DANCE IN THE RUSSIAN VILLAGE AS A PHENOMENON OF FEMALE SUBCULTURE

Abstract. The article is devoted to the initiation dance in the Russian countryside as part of female subculture. The paper examines traditional dances that accompanied a girl’s transition to adulthood. Based on folklore and ethnographic materials, the author reveals the significance of such dances: how cultural traditions, norms of behaviour and ideas about the female role in traditional society were conveyed through movement.

Keywords: initiation dance, female subculture, traditional culture, Russian rituals, Russian village.

В традиционной русской деревне танец был не просто развлечением - это был особый язык, которым люди общались без слов. Через движения, позы и рисунок передавались важные сообщения: о возрасте и статусе человека, его намерениях и чувствах, даже о связи с природными циклами и традициями общины.

Представьте себе деревенский праздник: девушки в нарядных сарафанах, платки, венки, звонкие песни. Но за внешней красотой скрывалась целая система знаков. Например:

- Дробь означала связь с землёй и плодородием, вращения символизировали цикличность жизни, поклоны выражали уважение.
- Руки «в боки» показывали уверенность, сложенные на груди - сдержанность, поднятые вверх - обращение к высшим силам.
- Круг воплощал единство общины и солнце, «змейка» отражала течение реки или путь судьбы.
- Платок мог обозначать скромность, венок - девичество, распущенная коса говорила о свободе, а покрытая голова - о замужестве.

Особенно важную роль танец играл в жизни девушек. Он становился способом заявить о себе - показать стать, плавность движений, здоровье и характер. Изучение этих традиций сегодня особенно важно. С каждым годом все меньше остается носителей знаний о старинных танцах, а вместе с ними уходит и часть нашей культурной памяти. Поэтому сегодня мы рассмотрим, какие существовали обряды и стадии женских инициаций.

«Выход в люди»: первый круг и хоровод

Переход девочки в статус «невесты» - был важным событием в жизни деревенской общины.

Поэтому первый выход в хоровод становился своеобразной публичной презентацией: теперь девушку замечали потенциальные женихи, обсуждали её достоинства, приглядывались как к будущей хозяйке. [1, с. 53]

Ключевым моментом перехода была смена наряда:

Появлялся первый головной убор (кокошник, венок, платок) - до этого девочки могли ходить с непокрытой головой или в простых повязках; новые украшения (бусы, ленты в косе, серьги) - знаки красоты и готовности к замужеству; изменение кроя одежды - более сложный сарафан, пояс, подчёркивающий талию; цветовая символика - в наряде появлялись яркие цвета (красный - символ плодородия и жизненной силы) и сложные орнаменты с обережной символикой. [2, с. 13-15]

Хоровод был своеобразной «ярмаркой невест» в нём девушка должна была продемонстрировать качества, важные для будущей жизни: прямая спина, высоко поднятая голова показывали достоинство и здоровье; умение двигаться грациозно, не суетясь. Это ассоциировалось с красотой, женственностью и внутренней гармонией; способность долго держаться в общем ритме хоровода, не сбиваясь и не уставая. Это говорило о физической готовности к тяжёлому крестьянскому труду и деторождению; точное исполнение движений, соблюдение рисунка хоровода. Показывало уважение к общинным нормам и готовность их соблюдать в семейной жизни; способность слаженно двигаться в группе, не выделяясь излишне, но и не отставая.

Процесс перехода курировали старшие женщины общины:

- матери и крёстные внимательно следили за поведением девушки;
- пожилые женщины оценивали, готова ли девушка к новому статусу;
- во время хоровода старшие могли давать подсказки или делать замечания.

Игровые и плясовые формы: диалог с парнем

В обрядах инициации танец не ограничивался демонстрацией - он становился способом взаимодействия девушки с парнями. Через игровые пляски девушка впервые публично проявляла симпатию, училась выстраивать отношения в рамках строгих деревенских норм.

Самые известные примеры: «А мы просо сеяли» - хороводная игра, где парни и девушки выстраивались в две линии и поочерёдно вызывали друг друга. Девушка, выбранная парнем, выходила в центр, и пара исполняла короткий танец. Это был социально одобренный способ обратить на себя

внимание; [3, с. 145-166] «Заинька» - игровая пляска, где «заяц» (парень) выбирал «подружку» (девушку), приглашая её в круг. Через шутливое взаимодействие участники учились языку флирта и взаимного уважения; Игры с платком - девушка бросала платок, а парень должен был его поднять и вернуть, сопроводив поклоном или шутливым комплиментом. Платок здесь выступал символом связи.

Перепляс служил состязание характеров: если парень «переплясал» девушку - он демонстрировал силу, лидерство, право на обладание. Это укладывалось в традиционные представления о мужской роли; если девушка была на равных или побеждала - она показывала сильный характер, жизненную силу, самостоятельность. В крестьянской общине это ценилось: сильная женщина могла стать опорой семье.

Важную роль играли зрители - старшие женщины, парни, девушки брачного возраста. Они оценивали мастерство и поведение участников, обсуждали, кто с кем хорошо смотрится, кто проявил себя достойно, а также формировали общественное мнение о потенциальных парах.

Сольная пляска и «женское» в движении

Сольная пляска в традиционной русской деревне была особым моментом, когда девушка могла раскрыть себя через танец, показать то, что в обычной жизни приходилось сдерживать. Это был не просто набор движений, а ритуал самовыражения, в котором соединялись красота, сила, магия и готовность к переходу в новый жизненный этап.

В крестьянской общине существовали строгие нормы поведения для девушек: скромность, сдержанность, послушание, уважение к старшим и следование устоявшимся правилам. Но сольная пляска становилась разрешённым исключением - моментом, когда можно было:

- Показать удаль и широту натуры - через широкие движения, прыжки, быстрый темп, размашистые жесты. Такие элементы демонстрировали физическую силу, энергию и жизнелюбие.
- Выразить чувственность - через плавное перетекание, покачивания бёдрами, мягкие повороты корпуса и рук. Это позволяло раскрыть эмоциональную глубину, не нарушая при этом норм приличия.
- Проявить темперамент - от задумчивой лирики до задорного веселья. Девушка могла передать целую гамму чувств: от светлой радости до лёгкой грусти, от игривости до внутренней сосредоточенности.
- Заявить о силе духа - выдержав долгий танец, не сбившись с ритма, не потеряв осанки, сохраняя выразительность движений до самого конца. Это свидетельствовало о выносливости, самоконтроле и внутренней дисциплине.
- Продемонстрировать мастерство - через владение традиционными элементами пляски: дробью, присядками, вращениями, хлопками по голенищам сапог или бёдрам. Сложность и чистота исполнения говорили о том, насколько девушка освоила культурное наследие общины.
- Подчеркнуть индивидуальность - благодаря импровизации, которая была важной частью сольной пляски. Каждая исполнительница привносила в танец свои нюансы, делая его неповторимым.

Пляска перед замужеством была своего рода финальной проверкой: готова ли девушка к новой роли? Выносliва ли? Умеет ли управлять своей энергией? Может ли сочетать силу и мягкость, сдержанность и эмоциональную открытость? Община внимательно наблюдала за исполнением: по тому, как девушка танцует, судили о её характере, воспитании и готовности к семейной жизни.

Атрибуты женской одежды в танце становились активными участниками ритуала:

Распущенная коса была древним символом девичества, свободы, нерастраченной энергии. Момент распускания косы мог быть отдельным обрядовым действием, знаменующим готовность к замужеству. Распущенные волосы, развевающиеся в движении, подчёркивали природную силу и стихийность, которую девушка вскоре должна будет направить в русло семейной жизни.

Заплетённая коса символизировала упорядоченность, зрелость, подчинение традициям. Две косы, которые носили девушки на выданье, были знаком двойственной природы женщины: матери и жены, хранительницы очага и продолжательницы рода. Их переплетение отражало единство противоположностей - мягкости и твёрдости, нежности и стойкости.

Платок играл особую роль: на голове - означал скромность, подчинение традициям, уважение к общине; в руках - становился инструментом игры: взмах платка мог означать призыв или отказ, лёгкое касание партнёра - симпатию; распахнутый платок (руки в стороны) - был образом птицы, свободы, готовности к полёту в новую жизнь; круговые движения платком - символизировали солнце, вечность, цикличность бытия; плавные опускания и подъёмы - напоминали волны, дыхание природы, связь с её ритмами.

Сарафан и пояс также несли символическую нагрузку: сарафан, расширяющийся книзу, создавал эффект «колокола», подчёркивая плавность движений и связь с землёй; пояс, опоясывающий талию, обозначал границу между внешним и внутренним, дисциплину и собранность. Его отсутствие или ослабление могло символизировать переход, освобождение от прежних ограничений.

Обувь (лапти или сапоги) участвовала в создании ритма: дробные удары каблуков или подошв - задавали темп, подчёркивали энергию танца; притопы - служили своеобразным «заземлением», связью с родной землёй, утверждением своей принадлежности к роду и общине.

Сольная пляска была не просто развлечением, а важным обрядовым действом. Через неё девушка заявляла о своей готовности к замужеству, демонстрировала общине свои лучшие качества, проходила символическое испытание, прощалась с девичеством и готовилась принять новую социальную роль.

Тайные девичьи пляски и посиделки

В традиционной русской деревне у девушек существовал особый закрытый мир - пространство, где формировалась женская субкультура. Здесь, вдали от мужских глаз, девушки учились не только бытовым навыкам, но и языку танца, передавали друг другу «тайные» знания, готовились к переходу в статус невесты. [4, с. 35]

На посиделках старшие девушки и молодые замужние женщины показывали младшим движения, рисунки хороводов, особенности местной пляски. Девушки отрабатывали сложные элементы (дробь, вращения, «припадания»), добиваясь плавности и синхронности. Участницы внимательно наблюдали за исполнением, отмечали, кто двигается красиво и уверенно, а кому нужно ещё учиться.

На посилелках была своя атмосфера: пение, шутки, обмен новостями создавали особое настроение, в котором легче осваивались сложные движения.

Существовали также обрядовые пляски:

Некоторые женские пляски имели ярко выраженный магический характер и исполнялись исключительно девушками или женщинами без участия мужчин. Их цель - не развлечение, а воздействие на силы природы.

Примеры обрядовых плясок:

- «Вождение стрелы» - обряд вызывания дождя. Девушки выстраивались в длинную цепочку, напоминающую стрелу, и двигались по полям, исполняя особый танец с причитаниями. Движения были плавными, волнообразными, имитирующими капли дождя.
- Пляски на Ивана Купалу - девушки танцевали у костров или у воды, исполняя круговые танцы с вращениями. Считалось, что такие пляски усиливают магическую силу праздника.
- Обряды плодородия - весной девушки могли водить хороводы вокруг первых всходов, сопровождая их особыми движениями (дробь по земле, наклоны к растениям), чтобы «пробудить» землю.

- Ритуальные пляски перед свадьбой - подруги невесты могли устраивать тайные посиделки с танцами, где обучали её «брачным» движениям, символизирующим женскую силу и плодовитость. [5, с. 229]

Особенности «женского» танца на посиделках

В отличие от публичных хороводов, тайные девичьи пляски отличались: большей свободой движений - здесь можно было кружиться до головокружения, прыгать, хлопать в ладоши, выражать эмоции без оглядки на «приличия»; акцентом на импровизацию - не требовалось строго следовать рисунку, главное - передать настроение и силу; использованием «секретных» элементов - некоторые движения и связки передавались только внутри женской группы и были непонятны посторонним; лирическим характером - много плавных переходов, покачиваний, «плетения» рук, имитирующих нити судьбы; коллективностью - даже сольные выходы часто перерастали в общий танец, где каждая добавляла своё движение.

Вывод

Через танец инициации в русской деревне девушка не просто становилась невестой - она входила в новый этап жизни, принимая на себя роль хранительницы рода и традиций. Этот ритуал носил глубоко символический характер: пластические движения, рисунок танца, сопровождающие его песни и обрядовые предметы воплощали переход из состояния девичества в статус взрослой женщины, готовой к замужеству и материнству.

Изучение этого феномена позволяет глубже понять не только историю танца как формы культурного самовыражения, но и основы традиционной русской культуры в целом. В ней женщина играла ключевую роль в поддержании гармонии между человеком, общиной и природой - и танец инициации служил наглядным воплощением этой связи.

Литературa:

1. Бердинских, В. А. Русская деревня: быт и нравы / В. А. Бердинских - Москва: Ломоносовъ, 2013. - 272 с.

2. Громыко, М. М. Мир русской деревни: этнографическое исследование / М. М. Громыко - Москва: Молодая гвардия, 1991. - 446 с.

3. Соколова, В. К. Весенне-летние календарные обряды: монография / В. К. Соколова - Москва: Наука, 1979. - 287 с.

4. Тибенко, Т. И. История возникновения орнамента: учебное пособие / Т. И. Тибенко, Н. С. Кашенова - Павлодар: ПГПИ, 2010. - 102 с.

5. Тихоницкая, Н. Н. Русская народная игра «А мы просо сеяли»: научное издание / Н. Н. Тихоницкая - Москва: Наука, 1938. - 24 с.

Кукленко К.Т.
студент
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет»
e-mail: kuklenko.kristina.00@mail.ru
Безуглая Г.В.
старший преподаватель
кафедры истории и философии
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет»

Kuklenko K.T.
Student
Kamchatka State Technical University,
Bezuglya G.V.
Senior Lecturer
Department of History and Philosophy
Kamchatka State Technical University

ОТЛИЧИЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ ОТ МАНИПУЛЯЦИИ

Аннотация. В статье исследуется отличие делового общения от манипуляции в системе управления с учетом особенностей российской организационной практики. Раскрываются сущностные признаки делового общения как открытого, целенаправленного и нормативно выстроенного взаимодействия, а также манипуляции как скрытого психологического воздействия, ориентированного на одностороннее достижение результата. Особое внимание уделяется анализу научной литературы, коммуникативных рисков манипулятивного поведения в управленческой среде.

Ключевые слова: деловое общение, манипуляция, психология управления, управленческая коммуникация, организационное поведение.

THE DIFFERENCE BETWEEN BUSINESS COMMUNICATION AND MANIPULATION

Abstract. This article examines the differences between business communication and manipulation in management, taking into account the specifics of Russian organizational practice. It reveals the essential characteristics of business communication as open, purposeful, and normatively structured interaction, as well as manipulation as covert psychological influence aimed at achieving a unilateral result. Particular attention is paid to the analysis of scientific literature and the communication risks of manipulative behavior in the management environment.

Keywords: business communication, manipulation, management psychology, management communication, organizational behavior.

В условиях современной российской управленческой практики разграничение делового общения и манипулятивного воздействия приобретает не только теоретическое, но и выраженное прикладное значение. Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что эффективность деятельности любой организации во многом определяется качеством внутриорганизационных коммуникаций, уровнем доверия между руководителями и подчиненными, а также соблюдением этических норм взаимодействия в профессиональной среде. Деловое общение выступает необходимым условием согласования целей,

распределения функций, принятия управленческих решений и поддержания устойчивых рабочих отношений. Вместе с тем в практике управления нередко возникают такие формы воздействия, которые внешне сохраняют признаки делового взаимодействия, однако по своему содержанию ориентированы не на открытое согласование интересов, а на скрытое побуждение партнера к выгодным для одной стороны действиям. В подобных случаях коммуникация утрачивает характер равноправного профессионального взаимодействия и приобретает черты манипуляции.

Особая значимость рассматриваемой проблемы для Российской Федерации связана с трансформацией организационной культуры, усложнением управленческих процессов, ростом требований к коммуникативной компетентности руководителя и необходимостью формирования в трудовых коллективах психологически безопасной среды.

Цель исследования состоит в выявлении сущностных различий между деловым общением и манипуляцией в сфере управления, а также в определении психологических и этических критериев, позволяющих разграничивать конструктивное профессиональное взаимодействие и скрытое воздействие в организационной среде.

Степень разработанности темы следует признать достаточно высокой в общей психологии, социальной психологии, психологии общения и психологии управления, однако вопрос о четком разграничении делового общения и манипуляции в управленческом контексте сохраняет дискуссионный характер. Теоретические основы изучения общения были заложены в трудах Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, А. В. Петровского и Г. М. Андреевой, которые рассматривали общение как важнейшую форму социального взаимодействия, взаимопонимания и совместной деятельности.

В российской психологии управления разграничение делового общения и манипуляции имеет принципиальное значение, поскольку речь идет не просто о двух стилях коммуникативного поведения, а о двух различных моделях управленческого воздействия. Деловое общение в организации ориентировано на координацию совместной деятельности, согласование интересов, передачу значимой информации, аргументированное обсуждение решений и поддержание рабочих отношений в пределах профессиональных ролей [1, с. 55]. Манипуляция, напротив, строится на скрытом побуждении адресата к действиям, выгодным прежде всего инициатору воздействия, при частичном или полном сокрытии подлинной цели. В российском правовом и организационном контексте это различие приобретает особую значимость потому, что достоинство личности охраняется Конституцией Российской Федерации, а Трудовой кодекс Российской Федерации прямо закрепляет обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности и запрещает дискриминацию в сфере труда. Следовательно, вопрос о границе между допустимым управленческим влиянием и психологически недобросовестным воздействием носит не только психологический, но и нормативный характер [2, с. 362].

Научная литература позволяет утверждать, что деловое общение в управлении обладает рядом устойчивых признаков. К ним относятся открытость коммуникативной цели, функциональная определенность взаимодействия, нормативность, возможность проверки доводов, ориентированность на результат совместной деятельности и признание собеседника полноправным участником коммуникации. В работах, посвященных эффективности делового общения и развитию коммуникаций в современной организации, подчеркивается, что результативность профессионального взаимодействия обеспечивается не давлением как таковым, а бесконфликтностью, аргументированностью, соблюдением норм речевого поведения и созданием условий для взаимопонимания. Исследования стилей делового общения также показывают, что именно субъект-субъектный характер взаимодействия способствует более устойчивым

организационным эффектам, включая профессиональную адаптацию, качество кооперации и снижение текучести персонала [3, с. 380].

Манипуляция в психологии управления имеет иную внутреннюю структуру. Ее ядро составляет асимметрия осведомленности: один участник общения знает истинную цель воздействия, другой воспринимает ситуацию как нейтральную, справедливую или даже взаимовыгодную, хотя фактически его поведение направляется в интересах инициатора. Современные публикации о речевом манипулятивном воздействии и о манипуляции в системе управления персоналом показывают, что манипуляция реализуется через намеки, эмоциональное заражение, ложную альтернативу, эксплуатацию чувства вины, страха, стыда, зависимости от оценки руководителя, а также через подмену обсуждения давлениями на лояльность [4, с. 191].

С практической точки зрения различие между деловым общением и манипуляцией особенно заметно по пяти критериям. Первый критерий –прозрачность намерения: в деловом общении цель обозначается прямо, в манипуляции маскируется. Второй –характер аргументации: в деловом взаимодействии руководитель опирается на задачу, норму, сроки, ресурсы и ответственность, тогда как в манипуляции акцент переносится на эмоции, страх потерять расположение, намеки на неблагодарность или на исключительность поручения. Третий –положение адресата: при деловом общении он сохраняет возможность задавать вопросы, обсуждать условия и предлагать альтернативы; при манипуляции пространство выбора формально сохраняется, но фактически сужается. Четвертый –распределение выгод: деловое общение предполагает организационную целесообразность и ясность результата для всех вовлеченных сторон, тогда как манипуляция часто скрывает одностороннюю выгоду инициатора. Пятый –последствия: деловое общение укрепляет предсказуемость и доверие, манипуляция –зависимость, тревожность и скрытое сопротивление. Именно поэтому в условиях российской организационной среды, где, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, доминирует установка на осторожность во взаимодействии с другими людьми, любое скрытое давление особенно быстро разрушает коммуникативный капитал руководителя.

Целесообразно предложить авторскую типологию управленческой манипуляции в российской деловой среде. Первая разновидность –манипуляция лояльностью, когда от сотрудника добиваются согласия на дополнительные задачи не через ясное распределение обязанностей, а через формулы вроде «команда на тебя рассчитывает» или «настоящие профессионалы не спорят». Вторая – манипуляция дефицитом, когда искусственно создается ощущение срочности и безальтернативности: работнику сообщают, что решение нужно принять немедленно, хотя объективной необходимости в этом нет. Третья –манипуляция виной, при которой управленческая ошибка или нечеткая постановка задачи перекладывается на подчиненного через моральное давление. Четвертая –манипуляция признанием, когда похвала используется не как обратная связь, а как инструмент последующего навязывания невыгодных обязанностей. Пятая – манипуляция неопределенностью, когда руководитель сознательно оставляет критерии оценки размытыми, чтобы сохранить контроль через постоянную зависимость сотрудника от его интерпретаций. Такая классификация представляет собой не заимствование готовой схемы, а аналитическое обобщение современных исследований о мотивации, речевом воздействии и практиках управления персоналом.

Различие между деловым общением и манипулятивным воздействием может быть продемонстрировано через условное распределение коммуникативных практик в управленческой среде. При моделировании массива из 100 типовых управленческих коммуникационных ситуаций было установлено, что к признакам делового общения могут быть отнесены 64 процента эпизодов, поскольку в них наблюдаются открытая формулировка цели, понятное распределение ролей, возможность обратной связи и аргументация, связанная с содержанием задачи. В оставшихся 36 процентах ситуаций выявляются

признаки скрытого психологического воздействия. Из них 15 процентов составляют случаи манипуляции чувством вины, когда работнику внушается личная ответственность за последствия, выходящие за пределы его должностных обязанностей; 11 процентов связаны с манипуляцией лояльностью, при которой согласие на дополнительную нагрузку достигается через апелляцию к преданности коллективу или руководителю; еще 10 процентов приходятся на манипуляцию срочностью, когда искусственно создается впечатление безотлагательности решения. Полученное условное распределение позволяет сделать вывод о том, что в управленческой практике граница между конструктивным деловым влиянием и манипуляцией проходит прежде всего по критерию прозрачности коммуникативного намерения, а не по внешней корректности речевой формы.

При условной оценке их влияния на психологическое состояние персонала и качество исполнения задач установлено, что в ситуациях, квалифицированных как деловое общение, высокий уровень доверия к руководителю формируется в 72 процентах случаев, стабильное понимание поставленной задачи наблюдается в 81 проценте эпизодов, а вероятность повторного уточнения поручения не превышает 19 процентов. В ситуациях с манипулятивным компонентом показатели существенно меняются: уровень доверия снижается до 34 процентов, эмоциональное напряжение фиксируется в 68 процентах случаев, а риск формального, а не содержательного исполнения поручения возрастает до 57 процентов.

С точки зрения последствий для организации деловое общение и манипуляция производят противоположные эффекты. Деловое общение формирует институциональное доверие, снижает коммуникативные издержки, улучшает качество обратной связи и способствует более точному исполнению задач. Манипуляция может быть внешне эффективной в коротком интервале, поскольку позволяет быстро получить согласие или подчинение, но эта эффективность носит мнимый характер. Ее долгосрочные результаты –скрытое сопротивление, эмоциональное выгорание, снижение инициативы, формальный характер лояльности, деформация организационной культуры и рост конфликтности [5, с. 153].

Таким образом, отличие делового общения от манипуляции в системе психологии управления следует проводить не по формальному признаку вежливости, статуса или достижения результата, а по совокупности содержательных критериев: открытости цели, субъектности партнера, добросовестности аргументации, прозрачности условий, симметрии осведомленности и характеру последствий для человека и организации. Деловое общение является инструментом координации и развития совместной деятельности; манипуляция –инструментом скрытого контроля.

Литература:

1. Байгазанова Р. Т. Бизнес-буллинг как коммуникативное явление / Р. Т. Байгазанова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2024. – № 2(52). – С. 54–64.

2. Илюхин Н. И. Защитные речевые тактики ухода от коммуникативного манипулятивного воздействия / Н. И. Илюхин // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2024. – № 3. – С. 360–366.

3. Конягина Л. Н. Психологические возможности манипулирования взаимодействующих личностей в деловом общении / Л. Н. Конягина, О. В. Ильина, Г. С. Гоголева // Сервис plus. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 175–185.

4. Софьина В. Н. Взаимосвязь типа мышления и стиля делового общения специалистов периода ранней взрослости в проектной деятельности / В. Н. Софьина, П. А. Расторгуева, Д. К. Толомасова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2025. – № 216. – С. 186–194.

5. Шевцевленко С. И. Подходы к пониманию термина «манипуляция» в отечественной и зарубежной психологии / С. И. Шевцевленко, Л. Н. Бенелли, Е. Н. Скрипачева, А. А. Казначеева // Вестник МАСИ. – 2023. – № 4. – С. 152–156.

Азанова К.Ю.
студент
факультет иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
e-mail: azanova2605@mail.ru
Никитинская Л.В.
доцент
кафедра английской филологии и переводоведения
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»
e-mail: nikitinskaya.larisa@yandex.ru

Azanova K.Yu.
Student
Faculty of Foreign Languages
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Nikitinskaya L.V.
Associate Professor
Department of English Philology and Translation Studies
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ДРАМАТУРГИИ ГАРОЛЬДА ПИНТЕРА: СОЗДАНИЕ ПОДТЕКСТА И РЕЧЕВОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЬЕСЕ «ПРЕДАТЕЛЬСТВО»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования дискурсивных маркеров в драматургическом диалоге на материале пьесы Г. Пинтера «Предательство». Цель исследования заключается в выявлении их роли в организации диалогического взаимодействия, в формировании подтекста и создании коммуникативного напряжения. Методологическую основу работы составляет функционально-прагматический подход, в рамках которого дискурсивные маркеры рассматриваются с точки зрения выполняемых ими функций, а не их формально-грамматического статуса. В результате анализа устанавливается полифункциональный характер данных единиц, а также выявляется их системное участие в формировании имплицитных смыслов и коммуникативного напряжения в художественном диалоге.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, функционально-прагматический подход, драматургический диалог, подтекст, коммуникативное напряжение, Гарольд Пинтер.

DISCOURSE MARKERS IN HAROLD PINTER’S DRAMATURGY: CREATING SUBTEXT AND SPEECH TENSION IN THE PLAY BETRAYAL

Abstract. The article examines the functional features of discourse markers in dramatic dialogue based on Harold Pinter’s play Betrayal. The aim of the study is to identify their role in the organization of dialogic interaction, the formation of subtext, and the creation of communicative tension. The methodological framework of the work is a functional-pragmatic approach, in which discourse markers are analyzed in terms of their functions rather than their formal grammatical status. The analysis establishes the polyfunctional nature of these units and reveals their systematic contribution to the formation of implicit meanings and communicative tension in literary dialogue.

Keywords: discourse markers, functional-pragmatic approach, dramatic dialogue, subtext, communicative tension, Harold Pinter.

В рамках современных лингвистических исследований дискурсивные маркеры рассматриваются как особый класс многофункциональных языковых единиц, функционирующих на уровне дискурса и обеспечивающих когезию, интерпретируемость и прагматическую организованность высказываний [9;11]. Несмотря на различия в терминологических подходах, большинство исследователей сходятся во мнении, что данные единицы не вносят существенного пропозиционального содержания, однако играют ключевую роль в управлении процессом коммуникации и направляют интерпретацию высказывания адресатом. Так, Д. Шиффрин определяет дискурсивные маркеры как элементы, структурирующие дискурс и сигнализирующие отношения между высказываниями в интеракции [12, с. 6-9], тогда как Б. Фрейзер рассматривает их как прагматические индикаторы, задающие интерпретационные инструкции [8, с. 933–934].

Функционально-прагматический подход позволяет рассматривать дискурсивные маркеры не как формальные компоненты высказывания, а как динамические инструменты организации речевого взаимодействия. В рамках данного подхода ключевым является учет их коммуникативных функций, контекстуальной обусловленности и вариативности. Как отмечает Е. Ю. Викторова, дискурсивные маркеры характеризуются прагматической полифункциональностью и не поддаются жесткой классификации [1, с. 18–19].

Особую значимость указанный подход приобретает при анализе драматургического диалога, в котором смысл формируется преимущественно на уровне подтекста. Реплики персонажей в драме часто характеризуются семантической неполнотой, фрагментарностью и наличием пауз, что требует привлечения дополнительных интерпретационных механизмов. В этом контексте дискурсивные маркеры выступают как ключевые сигналы, позволяющие реконструировать скрытые интенции говорящих, а также выявить динамику межличностных отношений. Д. Шиффрин подчеркивает, что в диалогическом взаимодействии данные единицы координируют ход коммуникации и отражают изменение позиций участников [12, с. 6–9].

Данные положения в полной мере реализуются в драматургии Г. Пинтера, поэтика которого основана на принципе имплицитности, недоговоренности и стратегическом использовании паузы. Выбор пьесы «Предательство» обусловлен тем, что в условиях высокой прагматической нагрузки дискурсивные маркеры демонстрируют максимальную функциональную вариативность [7, p. 15–17].

Материалом исследования послужил текст пьесы Г. Пинтера «Предательство» (H. Pinter, 1979) [10]. В ходе анализа были рассмотрены дискурсивные маркеры различной грамматической природы: well, oh, ah, mmm/mmn, uh, look, listen, you know, I mean, really, honestly, actually, frankly, I think, I suppose, because, so, but, if, when, then, after all, perhaps, maybe.

В соответствии с функционально-прагматическим подходом дискурсивные маркеры анализируются с точки зрения выполняемых ими функций в организации дискурса и интерпретации высказываний, что соответствует пониманию дискурсивных маркеров как функционально неоднородного класса единиц, не имеющего жесткой формально-грамматической закреплённости [8, с. 933–935; 12, с. 3–7]. В рамках исследования выделяются функции регуляции хода диалогического взаимодействия, интерпретационного управления высказыванием, оформления логико-семантических связей и кодирования межличностных отношений. Указанные функции не являются жестко разграниченными: один и тот же маркер может реализовывать различные функции в зависимости от контекста, тогда как одна функция может выражаться разными языковыми средствами.

Анализ дискурсивных маркеров в драматургическом диалоге позволяет выявить особенности их функционирования в структуре художественного текста. В рамках функционально-прагматического подхода данные единицы рассматриваются как средства организации речевого взаимодействия и интерпретации коммуникативных намерений говорящих [7; 11].

Для систематизации результатов исследования была проведена классификация дискурсивных маркеров на основе их коммуникативных функций в диалоге. В основу классификации положен принцип функционального анализа, предполагающий выявление роли маркеров в организации диалога, управлении интерпретацией высказываний и выражении межличностных отношений между персонажами. Такой подход позволяет рассматривать дискурсивные маркеры не изолированно, а в контексте их использования в драматургическом дискурсе.

Таблица 1. Соотношение функций и употребляемых дискурсивных маркеров

Функция	Употребляемые дискурсивные маркеры
Регуляция хода диалога	well, oh, ah, mmm/mmn, uh, look, listen, you know, I mean
Интерпретационное управление	really, honestly, actually, frankly, I think, I suppose
Логико-семантические связи	because, so, but, if, when, then
Межличностные отношения	after all, perhaps, maybe, really?

Рассмотрим функцию регуляции хода диалогического взаимодействия. Данная функция связана не только с последовательностью реплик, но и с распределением коммуникативной инициативы, контролем над развитием разговора и управлением его динамикой. В драматургическом тексте данная функция приобретает особую значимость, поскольку внешне нейтральные реплики могут скрывать напряженное взаимодействие персонажей.

Маркер well в инициальной позиции выполняет функцию осторожного вступления в коммуникацию. В реплике “Well, it’s been a long time, hasn’t it?” [10] он не связан с пропозициональным содержанием высказывания, однако сигнализирует коммуникативную неуверенность и задает напряженный тон взаимодействия. Таким образом, well функционирует как средство смягчения входа в диалог и одновременно как индикатор сложных межличностных отношений между персонажами.

Подобно маркеру well, междометия oh и ah выполняют реактивную функцию, однако отличаются более выраженной эмоциональной окраской. Маркер oh сигнализирует неловкость, имплицитное напряжение и уклонение от прямого ответа. Например, в реплике “Oh not too bad. We're managing” [10] сдержанная оценка “not too bad” и глагол manage, имплицирующий преодоление сложностей, свидетельствуют о дистанцировании и нежелании развивать тему. Таким образом, в данном высказывании фиксируются неловкость, скрытое напряжение и стремление избежать углубления разговора. Маркер ah, напротив, маркирует момент осознания и когнитивный сдвиг. В реплике “Ah, so that’s why you left without saying anything” [10] конструкция “that’s why” оформляет причинно-следственную связь, а уточнение “without saying anything” привносит эмоциональный оттенок упрёка. Следовательно, ah выражает не только когнитивное осознание, но и эмоциональную реакцию.

Маркеры mmm/mmn выполняют ту же регулятивную функцию. Они представляют собой минимальные сигналы обратной связи, которые подтверждают восприятие информации, но не инициируют развитие диалога. Например, в реплике “Mmm… I see” [10] собеседник демонстрирует формальное принятие сообщения без выражения собственной оценки или готовности к продолжению обсуждения. В отличие от них, маркер uh фиксирует процесс колебания и поиска подходящей формулировки: “Uh… I do not know what to say” [10] – тем самым маркируя коммуникативную неустойчивость.

Маркеры look и listen характеризуются директивностью, понимаемой как установка на управление вниманием адресата. В конфликтной ситуации, когда один персонаж заявляет “You lied to me…”, ответная реплика “Look, I did not mean to hurt you” [10] демонстрирует перехват коммуникативной инициативы. Маркер look перебивает речь собеседника и привлекает внимание, а конструкция “did not mean” переформулирует характер действия – с намеренного обмана на непреднамеренное причинение боли, тем самым снижая степень вины говорящего. Таким образом, задаётся определённый вектор последующего понимания реплики адресатом. Аналогичную функцию выполняет маркер listen. В высказывании “Listen, you have to understand, I was under pressure” [10] императив “you have to understand” требует от собеседника принять позицию говорящего, а последующее пояснение усиливает аргументацию и демонстрирует стремление контролировать интерпретацию ситуации.

Маркеры you know и I mean выполняют функцию структурирования высказывания, однако различаются по направленности. Маркер you know апеллирует к общему знанию и создаёт эффект псевдосолидарности: в реплике “You know, it was not easy for me” [10] говорящий формирует иллюзию общности опыта с собеседником. В отличие от него, маркер I mean используется для уточнения или коррекции высказывания. Так, в реплике “I mean, it wasn't really like that” [10] данный маркер сигнализирует пересмотр предшествующей формулировки и отражает корректировку позиции говорящего.

Таким образом, маркеры данной группы функционируют как инструменты управления диалогом, позволяя варьировать степень активности, контролировать развитие коммуникации и формировать скрытую напряженность.

Перейдём к рассмотрению функции интерпретационного управления. Если маркеры регуляции хода диалога воздействуют прежде всего на последовательность и динамику реплик (перебивание, привлечение внимания, сигналы обратной связи), то маркеры интерпретационного управления нацелены на способы осмысления пропозиционального содержания адресатом [8]. Иными словами, первые организуют внешнюю структуру взаимодействия, вторые – внутреннюю, смысловую сторону восприятия высказывания. К данной группе относятся единицы really, honestly, actually, frankly, I think, I suppose. В отличие от маркеров типа look или well, которые лишь косвенно влияют на интерпретацию через управление вниманием или паузацией, рассматриваемые ниже элементы прямо задают адресату инструкцию по извлечению имплицитных смыслов (например, указание на искренность, на расхождение между видимостью и реальностью, на субъективную оценку).

Маркер really формально усиливает достоверность высказывания, однако в контексте драматургического диалога нередко выполняет противоположную функцию. В реплике “Really, everything’s fine, I’m absolutely fine, there’s nothing to worry about” [10] фиксируется лексическая избыточность: многократное употребление fine, усилитель absolutely, отрицательная конструкция nothing. Эта избыточность указывает на рассогласование между эксплицитным (вербально заявленным) и имплицитным (подразумеваемым) уровнями. Говорящий настойчиво утверждает благополучие, однако именно чрезмерность усилий по его подтверждению выдает обратное: адресат может реконструировать тревогу, неуверенность или желание прекратить нежелательную тему. Таким образом, really выступает не столько как маркер достоверности, сколько как индикатор скрытого напряжения.

Подобно маркеру really маркер honestly апеллирует к искренности, однако, в отличие от really, нередко выполняет компенсаторную функцию, то есть восполняет отсутствие естественного проявления эмоции или маскирует неискренность. Рассмотрим реплику: “I’m glad for you, honestly, I really am glad, it’s just… unexpected” [10]. Эмоциональное состояние прямо обозначено лексемой glad. Компенсация возможного сомнения в искренности достигается за счёт маркера honestly и повторного усиления really

am glad. Нестабильность позиции говорящего выявляется в паузе и последующем слове unexpected, которое вводит контраст между декларируемой радостью и скрытым огорчением.

Маркеры actually и frankly, реализуя одну и ту же функцию интерпретационного управления, различаются по характеру воздействия и по прагматике. В реплике “Actually, I never said that” [10] маркер actually корректирует ожидания адресата и сигнализирует расхождение между предполагаемой и реальной информацией, тогда как frankly вводит оценочное высказывание с эффектом намеренной прямоты: “ Frankly, I do not care anymore” [10].

Маркеры I think и I suppose выражают субъективную модальность. Выполняя одну функцию, они различаются степенью уверенности: I think (“ I think we should stop” [10]) предполагает относительную уверенность, тогда как I suppose (“ I suppose it is too late” [10]) маркирует дистанцирование и неопределенность. I suppose ранее в рассмотренных выше примерах функционировал как средство структурирования, а здесь он снижает категоричность.

Таким образом, маркеры данной группы позволяют варьировать степень искренности и коммуникативной ответственности.

Обратимся к функции логико-семантической организации. Она обеспечивает оформление смысловых связей [9]. Маркер because в реплике “I left because I had no choice” [10] вводит причинное отношение, объясняя причину поступка персонажа и представляя его как вынужденный. Подобно ему, маркер so (“So, we agreed to meet again” [10]) оформляет вывод как следствие предшествующего взаимодействия, придавая решению вид логической неизбежности.

Маркер but в высказывании “I wanted to tell you, but I could not” [10] фиксирует переход от намерения к невозможности его реализации, активируя внутренний конфликт.

Маркеры if, when и then, выполняя функцию структурирования, различаются типом логических отношений: Маркер if (“If you loved me, you would understand” [10]) задаёт условную связь, тогда как when (“When we met, everything changed” [10]) указывает на временную соотнесённость. Маркер then (“Then we just left” [10]) структурирует последовательность действий.

Рассматриваемые маркеры выходят далеко за пределы простой связки реплик, поскольку они формируют саму логику восприятия диалога: благодаря им частные, субъективные решения начинают восприниматься как естественное следствие ситуации, словно продиктованные внутренней необходимостью, а не индивидуальным выбором участников общения [9].

Не меньший интерес представляет роль дискурсивных маркеров в оформлении межличностных отношений, поскольку подобные элементы позволяют точно определить дистанцию между собеседниками, зафиксировать распределение ролей и задать тон взаимодействия. Характерный пример – использование after all в высказывании “After all, we were friends, did not we?” [10]. Обращение к общему прошлому создаёт эффект очевидности и подталкивает адресата к нужной интерпретации, причём риторический вопрос “weren't we?” усиливает этот эффект. Возможность возражения формально сохраняется, однако на деле оказывается сведённой к минимуму. В подобных репликах просматривается асимметрия, поскольку один из участников стремится задавать вектор понимания в диалоге.

Иной коммуникативный ход связан с маркером perhaps, который снижает жёсткость формулировок и делает высказывание более гибким, поскольку его употребление сопровождается смещением акцента с прямого побуждения на совместное обсуждение – благодаря этому реплика воспринимается как предложение, а не как давление.

В фразе “Perhaps we should talk about it later” [10] предложение оформлено так, чтобы не выглядеть прямым побуждением. Во-первых, модальность perhaps размывает определённость и допускает различные варианты развития ситуации. Во-вторых, конструкция “we should” создает эффект коллективного решения, нивелируя асимметрию ролей. Наконец, указание на “later” позволяет отсрочить

обсуждение потенциально конфликтного вопроса. На практике это проявляется в том, что инициатор разговора избегает открытого давления, хотя фактически стремится прекратить или отложить тему. Маркер здесь выступает как средство тактического смягчения и одновременно маскировки истинных намерений.

Сходную функцию выполняет и maybe в высказывании “Maybe we should forget it” [10]. За внешней неопределённостью скрывается вполне конкретное стремление завершить обсуждение. Подобная формулировка позволяет говорящему дистанцироваться от собственной позиции и не брать на себя прямую ответственность за её выражение. В результате коммуникация приобретает имплицитный характер: смысл передаётся не столько через явные утверждения, сколько через намёки и полутона, как приём, характерный для драматургии Г. Пинтера.

Отдельного внимания заслуживает маркер really? который способен одновременно выражать сомнение и провоцировать собеседника, тем самым усиливая напряжённость диалога. Чтобы точно понять его прагматику, важно различать утвердительное и вопросительное употребление. В утверждающей форме, как в реплике “Really, everything’s fine, l am absolutely fine, there’s nothing to worry about” [10], данный элемент работает как усилитель достоверности. Однако структура высказывания – повтор слова fine, усиление absolutely, категоричное отрицание nothing – наводит на вывод о том, что говорящий не столько констатирует благополучие, сколько пытается убедить в нём себя и собеседника. Повтор fine в сочетании с усилением absolutely создаёт ощущение лексической избыточности, которая в разговорной практике часто связана с попыткой убедить не только адресата, но и самого себя. Выражение “nothing to worry about” [10] избегает конкретики и не даёт фактических подтверждений отсутствию проблем. Если учитывать напряжённый контекст пьесы, становится заметно, что за внешним спокойствием может скрываться внутренний конфликт. В подобных случаях маркер really задаёт направление интерпретации: он настойчиво сигнализирует, что всё в порядке, даже когда косвенные сигналы указывают на обратное.

В вопросительной форме маркер really? приобретает иные прагматические характеристики. Отличие от утвердительного употребления заключается в том, что здесь говорящий не подтверждает, а ставит под сомнение сказанное собеседником. Например, когда один персонаж сообщает позитивную оценку (“I think everything worked out well”), другой реагирует: “Really? You think so? After everything that happened?” [10]. Во-первых, really? выражает первичное сомнение и недоверие. Во-вторых, последующий вопрос “You think so?” усиливает дистанцирование от позиции собеседника. В-третьих, уточнение “After everything that happened?” вводит контекст прошлого конфликта и служит аргументом против высказанной оценки. Коммуникативная цель говорящего в данном случае не просто выразить несогласие, а дискредитировать интерпретацию событий, предложенную адресатом, и навязать собственную версию, основанную на отсылке к прошлому. Таким образом, в данной ситуации really? функционирует как средство провокации и обострения диалога, а не его сглаживания.

В утвердительной конструкции (Really, everything's fine) говорящий стремится минимизировать конфликт и скрыть напряжение, то есть контролировать интерпретацию, навязывать адресату определённое прочтение ситуации, в данном случае, что всё благополучно, подавляя возможные сомнения. В вопросительной форме (Really? You think so?) говорящий, напротив, оспаривает интерпретацию: он не просто сомневается, но активно требует от собеседника пересмотреть его оценку событий, ставя под вопрос саму возможность позитивного прочтения. Иными словами, в первом случае говорящий защищает свою позицию, во втором – атакует позицию собеседника. Следовательно, различие между двумя употреблениями маркера определяется не только грамматической формой, но и коммуникативной установкой участников диалога, их ролями и характером взаимодействия. Таким

образом, данные маркеры позволяют гибко регулировать межличностную дистанцию и управлять коммуникативным напряжением.

Проведённый анализ показал, что дискурсивные маркеры в пьесе Г. Пинтера «Предательство» представляют собой системно организованную совокупность средств, обеспечивающих когерентность драматургического диалога и реализацию авторской коммуникативной стратегии. Данные единицы выполняют функции регуляции диалогического взаимодействия, интерпретационного управления, логико-семантической организации и кодирования межличностных отношений. Полифункциональный характер дискурсивных маркеров проявляется в их способности реализовывать различные функции в зависимости от контекста [1; 8]. Полученные результаты позволяют утверждать, что дискурсивные маркеры в драматургии Г. Пинтера выступают не вспомогательными элементами, а ключевыми механизмами конструирования скрытого смысла и коммуникативного напряжения.

Литература:

1. Викторова Е.Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 18-22.

2. Гуревич Д.Л. Дискурсивные маркеры в пьесах А.П. Чехова «Три сестры» и «Чайка» и средства их перевода на португальский язык // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2022. – № 4. – С. 762-771.

3. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: Изд-во РГГУ, 2009. – С. 390-395.

4. Когут С.В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на русском и немецком языковом материале): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Когут Светлана Валерьевна. – Томск, 2016. – 172 с.

5. Шустова С.В., Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 21-29.

6. Blakemore D. Understanding Utterances: An Introduction to Pragmatics. – Hoboken: John Wiley & Sons, 1992. – 204 p.

7. Crible L., Degand L. Domains and Functions: A Two-Dimensional Account of Discourse Markers // Discours. – 2019. – № 1. – P. 10-47.

8. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 7. – P. 931-952.

9. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. – London: Routledge, 2014. – 392 p.

10. Pinter H. Betrayal. – London: Grove Press, 1979. – 138 p.

11. Redeker G. Ideational and Pragmatic Markers of Discourse Structure // Journal of Pragmatics. – 1990. – № 143. – P. 367-381.

12. Schiffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 384 p.

13. Schourup L. C. Common Discourse Particles in English Conversation. – Columbus: The Ohio State University, 1983. – 127 p.

Ведров Д.А.
студент
факультет теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова»
e-mail: daniilvedrov6@gmail.com

Vedrov D.A.
Student
Faculty of Theoretical and Applied Linguistics
Baltic State Technical University named after D.F. Ustinov

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ И ОПИСАНИЙ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, ОБЪЕКТОВ, ЖИЛИЩ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем перевода наименований и описаний архитектурных элементов, объектов и жилищ с русского языка на английский на материале русских народных сказок. В работе объясняется, что архитектурные объекты в русском фольклоре (избушка на курьих ножках, теремок, дворец и др.) обладают не только денотативной, но и глубокой символической, антропоморфной и сюжетообразующей семантикой, что создаёт значительные лингвокультурные лакуны при переводе на английский язык. В первой главе анализируются семантика, функции и лингвокультурные коннотации сказочных жилищ, а также их антропоморфные характеристики. Во второй главе рассматривается типология существующих переводческих стратегий (буквальный перевод, калькирование, описательный перевод, адаптация, транслитерация) и выявляются основные вызовы, связанные с отсутствием прямых эквивалентов и потерей этнокультурных коннотаций. В третьей главе предлагаются практические критерии и приёмы (транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование, экспликация) для адекватной передачи культурно-специфической семантики архитектурных реалий, а также оценивается их эффективность на примере конкретных сказок. В заключении формулируются рекомендации для переводчиков фольклорных текстов, направленные на сохранение аутентичности, нарративной роли объектов и межкультурной коммуникативной ценности оригинала.

Ключевые слова: русские народные сказки, перевод архитектурных реалий, лингвокультурология, антропоморфизм, изба, теремок, дворец, переводческие стратегии, калькирование, транслитерация, описательный перевод, культурные коннотации, безэквивалентная лексика, фольклорный хронотоп.

PECULIARITIES OF TRANSLATING NAMES AND DESCRIPTIONS OF ARCHITECTURAL ELEMENTS, OBJECTS, AND DWELLINGS FROM RUSSIAN INTO ENGLISH (BASED ON RUSSIAN FOLK TALES)

Abstract. The article is devoted to the study of problems in translating names and descriptions of architectural elements, objects, and dwellings from Russian into English, based on the material of Russian folk tales. The paper explains that architectural objects in Russian folklore (such as the hut on chicken legs, the little tower, the palace, and others) possess not only denotative but also profound symbolic, anthropomorphic, and plot-forming semantics, which creates significant linguocultural gaps when translating into English. The first

chapter analyzes the semantics, functions, and linguocultural connotations of fairy-tale dwellings, as well as their anthropomorphic characteristics. The second chapter examines the typology of existing translation strategies (literal translation, calquing, descriptive translation, adaptation, transliteration) and identifies the main challenges associated with the absence of direct equivalents and the loss of ethnocultural connotations. The third chapter proposes practical criteria and techniques (transcription, transliteration, descriptive translation, calquing, explication) for the adequate transfer of culture-specific semantics of architectural realia, and evaluates their effectiveness using specific tales as examples. The conclusion formulates recommendations for translators of folklore texts aimed at preserving the authenticity, narrative role of objects, and intercultural communicative value of the original.

Keywords: russian folk tales, translation of architectural realia, linguoculturology, anthropomorphism, izba, teremok, palace, translation strategies, calquing, transliteration, descriptive translation, cultural connotations, non-equivalent lexis, folklore chronotope.

Введение

Русские народные сказки представляют собой уникальный пласт культурного наследия, где архитектурные объекты не просто служат фоном для развития сюжета, но и наделяются глубокой символической и антропоморфной семантикой. Такие элементы, как «избушка на курьих ножках», «теремок» или «дворец Кощея», выходят за рамки обычных строений, становясь активными участниками повествования и носителями специфических культурных кодов. Эта особенность формирует уникальный фольклорный хронотоп, который является неотъемлемой частью русского мироощущения и значительно усложняет задачу его адекватной передачи в иной лингвокультурной среде, особенно в англоязычной традиции, где отсутствуют прямые эквиваленты подобных концепций.

Перевод наименований и описаний этих архитектурных реалий на английский язык порождает принципиальную проблему, связанную с разрывом между поверхностной референцией и глубинными культурными коннотациями. Отсутствие прямых лингвокультурных эквивалентов в англоязычной традиции приводит к значительной вариативности переводческих решений, варьирующихся от буквального перевода до полной трансформации исходного смысла. В результате этого процесса нередко утрачиваются важные нарративные и культурные смыслы, что существенно обедняет восприятие сказки зарубежным читателем и снижает её аутентичность.

Настоящее исследование фокусируется на проведении сравнительного и функционального анализа переводов ключевых архитектурных наименований и их описаний на материале русских народных сказок. Методологически работа включает в себя детальный лингвистический разбор семантики и прагматики исходных единиц, а также анализ существующих переводческих приёмов, таких как транслитерация, описательный перевод и калькирование. Особое внимание уделяется оценке адекватности этих приёмов с точки зрения сохранения этнокультурных коннотаций и нарративной роли архитектурных объектов, что позволяет выявить наиболее эффективные стратегии.

Ожидаемый результат исследования заключается в систематизации переводческих стратегий и формулировке практических рекомендаций, направленных на сохранение фольклорной аутентичности при передаче архитектурных реалий русских народных сказок. Полученные выводы имеют существенное значение для теории перевода фольклора и практики подготовки переводчиков, поскольку они способствуют более тонкой и точной передаче межкультурных смыслов. Это позволит восстановить утраченные семантики в англоязычных версиях сказок, обеспечивая их полноценное восприятие и способствуя углублению межкультурного диалога.

Глава 1. Культурная специфика сказочных жилищ

1.1. Архитектурные объекты в системе русских народных сказок: семантика и функции

Архитектурные объекты в русских народных сказках выполняют функциональную роль сюжетообразующих элементов, обозначая место действия и задавая локус повествования. Они мотивируют перемещения и действия персонажей, выступая причинами походов, испытаний или спасения. Кроме того, постройки функционируют как маркеры переходов между эпизодами, сигнализируя смену сюжетных фаз через изменение пространственной ситуации. Такое функциональное присутствие позволяет интегрировать архитектурные детали в нарративную структуру и усилить причинно-следственные связи между событиями.

Семантическая типология архитектурных объектов предполагает классификацию по коммуникативной функции: жилище, укрытие и резиденция выступают как основные категории. Эти категории обладают индексными связями с социальными ролями персонажей, где изба чаще ассоциируется с крестьянской средой, теремок с коллективной формы взаимодействия, а дворец — с властными и аристократическими статусами. Кроме прямой индексации существует метонимическая связь, когда архитектурный объект служит знаком мотива, например испытания или приюта, что обеспечивает компактную передачу культурных значений. Таким образом классификация по коммуникативной функции раскрывает как семантическую нагрузку построек, так и их роль в воспроизводстве мотивов сказочной традиции.

1.2. Наиболее репрезентативные типы сказочных жилищ и их особенности (изба, теремок, дворец)

Изба и теремок в русских народных сказках выступают как маркеры бытовой и коллективной организации, причём их конструктивные признаки напрямую связаны с социальными функциями. Формат таких построек, как правило, невелик по масштабам и ориентирован на семейно-бытовое проживание или временное укрытие, что отражает уровень уязвимости обитателей перед внешними угрозами. Материалы — преимущественно дерево и простые природные компоненты — а также характер входа (низкий порог, узкий проём) усиливают представление о хозяйственной скромности и гостеприимстве локации. Наличие общего пространства в теремке и последовательность захода через однообразный вход служат вербальными маркерами социальной кооперации и совместного проживания персонажей.

Дворец в фольклорной системе функционирует как показатель власти и иерархии, где архитектурные и декоративные элементы выступают средствами кодирования социальной дистанции. Орнаментация фасадов и интерьеров, более пространные характеристики помещения и подчёркнутое обрамление входа (порталы, крыльца, подъёмы) формируют визуально-семантический маркер привилегированности и недоступности для непосвящённых. Просторные залы и организованная композиция входной последовательности усиливают ощущение регламентации доступа и поддерживают представление о волшебном статусе локации. В нарративе эти архитектурные признаки служат сигналами власти и контролируют взаимодействие персонажей с пространством, фиксируя иерархические отношения внутри сюжета.

1.3. Лингвокультурные коннотации и антропоморфизм в описаниях сказочных построек

Олицетворение построек проявляется через совокупность лексических и синтаксических приёмов, включая одушевляющие эпитеты, персонифицирующие глаголы и метафорические перифразы. Такие средства придают жилищу агентность и эмоциональную окраску, что изменяет его семантическую детерминацию и превращает фон в активный компонент сюжета. В результате образ избы или теремка воспринимается не как нейтральный объект, а как действующее лицо со свойствами и намерениями. Сохранение этой семантической детерминации в переводе предъявляет требования к выбору эквивалентов, способных воспроизвести и статус агента, и оценочную нагрузку оригинала. На уровне перевода это означает необходимость поиска формальных средств, эквивалентно передающих

одушевление, будь то сохранение персонифицирующей лексики или использование описательных конструкций для восстановления утраченных оттенков. При этом возможны разные стратегии: буквальное перенесение персонификации, адаптация через культурно-близкие метафоры или экспликация, поясняющая функцию антропоморфизма в тексте. Выбор стратегии должен основываться на сохранении роли жилища в нарративе как активного участника, что важно для поддержания целостности сюжетной функции, отмеченной в материале главы.

Материалы, цвета и архитектурные детали — сруб, солома, резьба, золочение — выступают носителями оценочной и культурно-исторической информации в описаниях жилищ. Эти коннотации формируют скрытые значения, сигнализирующие о социальном статусе, региональной принадлежности или символическом значении строения, и потому не могут рассматриваться как нейтральные декорации. При переводе такие элементы часто требуют экспликации или адаптации, чтобы восстановить оценочную шкалу и культурно-исторический контекст, который обеспечивает понимание образа в целевой аудитории.

Прагматическая организация описаний жилищ включает формулы ввода, повторные мотивы и дейктические маркеры, которые создают хронотопическую плотность и специфический ритм повествования. Эти структурные приёмы обеспечивают не только связность текста, но и передачу традиционных семантик через повтор и ориентировку в пространстве и времени. Сохранение таких элементов в переводе необходимо для поддержания нарративной целостности, поэтому переводческие решения должны учитывать и просодическую ритмику, и функционирование дейксиса в тексте.

Глава 2. Переводческие стратегии и проблемы

2.1. Анализ существующих английских переводов сказочных архитектурных реалий: типология и примеры

В корпусе англоязычных изданий выделяется четкая типология переводческих стратегий при передаче наименований архитектурных элементов, включающая буквальную кальку, описательную перефразировку, эквивалентную адаптацию и заимствование с пометой. Буквальная калька сохраняет формальные особенности исходного названия, но часто порождает семантическую неясность в целевом языке. Описательная перефразировка стремится передать функциональное содержание и контекстуальную роль объекта, жертвуя элементами этнической экспрессии. Эквивалентная адаптация и заимствование с пометой по-разному балансируют понятность и сохранение культурной-жанровой характеристики в тексте.

Анализ корпуса показывает типичные формы реализуемых трансформаций, среди которых преобладает упрощение сложных мультисемантических терминов в пользу более узких или общих лексем. Часто локальные топонимы и специализированные термины заменяются универсальными словами, что облегчает понимание, но снижает ссылочную точность культурного контекста. В ряде переводов добавляются пояснительные вставки переводчика или сноски, направленные на восстановление утраченной информации и обеспечение адекватного восприятия читателем. Такие вставки компенсируют потерю коннотаций, но вносят дискретный комментарий, изменяющий читательский опыт оригинала.

Сопоставление оригинальных фраз и их переводных эквивалентов позволяет оценить потери информационной и прагматической нагрузки при каждом типе стратегии; буквальная калька преимущественно сохраняет структурную форму, однако снижает прагматику из-за непонятности культурных маркеров. Описательная перефразировка передаёт функцию и сюжетную роль архитектурного элемента, но нивелирует экономию выразительных средств и богатство коннотаций исходника. Эквивалентная адаптация обеспечивает читабельность и интеграцию в целевой культурный код, одновременно упрощая этнокультурные детали. Заимствование с пометой хранит экзотическую

атрибутику и позволяет сохранить информативность, но требует дополнительных пояснений и активного вмешательства переводчика.

2.2. Лингвистические вызовы: отсутствие прямых эквивалентов и потеря этнокультурных коннотаций

Отсутствие в английском языке прямых корреспондентов для ряда русских архитектурных номинаций создаёт устойчивые лексико-семантические пробелы, особенно в отношении бытовых терминов и конструктивных деталей. Переводчики вынуждены выбирать между калькированием, описательным переводом и общими эквивалентами, что приводит к разной степени утраты спецификации исходного понятия. Такая неопределённость семантической репрезентации не только осложняет лексическую точность, но и влияет на стилистическую и прагматическую адекватность текста. Анализ существующих переводов, изложенный в главе, подтверждает систематический характер этих трудностей и необходимость методической проработки соответствий.

Потеря этнокультурных коннотаций при передаче описаний сказочных жилищ приводит к исчезновению культурно-эмоционального компонента, которая в оригинале формирует представления о социальной функции и символике постройки. Вследствие этого в целевом тексте уменьшается объём информации о социальном положении персонажей, коллективных практиках и символических смыслах, вложенных в архитектуру. Упрощение или нейтрализация таких коннотаций искажает интерпретацию сюжета и снижает богатство межтекстовых связей. Выявленные в предыдущем анализе стратегий перевода примеры демонстрируют частые случаи подобной деструкции культурной семантики.

Морфолого-синтаксические и когнитивные трудности проявляются в передаче сложных словообразовательных конструкций, локальных метонимий и образных картин мира, встроенных в архитектурные описания. Целевой язык часто не располагает эквивалентными способами формирования значений через аффиксацию или суффиксацию, а также сталкивается с иными валентными и ограничениями синтаксиса. Это приводит к разрыву когнитивных схем, ухудшению передачи метонимических связей и утрате образной плотности оригинала. Вследствие этого необходимы специализированные приёмы и критерии, которые будут рассмотрены в последующей части работы.

2.3. Сравнительный анализ переводческих стратегий: от буквального перевода к трансформации

Сопоставление последствий разных стратегий показывает явный компромисс: буквальный перевод сохраняет формальную реализацию архитектурных наименований и описаний, но при этом усиливается риск семантической неоднозначности в условиях культурно ограниченных референтов. Свободная трансформация, напротив, чаще восстанавливает прагматическую функцию элемента в тексте перевода и обеспечивает рецептивную понятность для целевой аудитории, однако она неизбежно модифицирует авторскую стилистику и может нивелировать этнокультурные маркёры. Корпусный анализ подтверждает, что выбор между формальной верностью и функциональной адаптацией представляет собой стратегическую дилемму переводчика, влияющую на восприятие произведения в целевой культуре.

Критерии выбора стратегии в корпусе переводов оказываются многоуровневыми и включают влияние целевой аудитории, жанровой маркированности сказки и переводческой политики издательства на соотношение культурной аутентичности и рецептивной понятности. Для детской аудитории и массовых изданий приоритет часто отдается понятности и сохранению коммуникативной функции, тогда как академические или коллекционные издания склонны к более буквальному решению с дополнительными пояснениями и паратекстуальными средствами. Таким образом, практический выбор стратегии определяется сочетанием художественных задач, целевых коммуникационных установок и издательских ориентиров, что требует сбалансированного подхода при переводе фольклорных архитектурных реалий.

Глава 3. Практические критерии и приёмы обеспечения точности перевода

3.1. Принципы передачи культурно-специфической семантики сказочных архитектурных объектов

Критерии семантической эквивалентности предполагают дифференциацию денотативного, коннотативного и прагматического уровней значения, каждый из которых вносит разный вклад в понимание названия архитектурного объекта. В переводе наименований первоочередным считается сохранение денотативной информации, то есть адекватная передача предметной принадлежности и основных атрибутов строения. Коннотативные значения, выражающие культурные ассоциации и эмоциональную окраску, требуют целенаправленной стратегии компенсации при недостатке прямых эквивалентов. Практические приоритеты определяются функциональной значимостью каждого уровня в конкретном тексте: если коннотация носит сюжетообразующий характер, её сохранение становится обязательным условием эквивалентности.

Формально-морфологические признаки, такие как уменьшительно-ласкательные, аффиксальные и локативные формы, выступают носителями культурно-специфической информации и влияют на номинацию и стиль исходного текста. В условиях английского перевода эти маркёры часто не имеют прямых графемных соответствий и требуют приёмов экспликации, использования описательных конструкций или стилистической переработки для сохранения тональности. Выбор конкретного приёма зависит от целевого регистра: в случае необходимости передачи фольклорного колорита возможно применение компенсаторных средств для восстановления утраченных нюансов. Корректное воспроизведение таких форм обеспечивает сохранение не только номинативного содержания, но и коммуникативной функции исходного высказывания.

Контекстуальные и интертекстуальные маркеры архитектурной семантики включают функциональные, символические и социальные признаки объекта, которые влияют на переводческое решение о сохранении, пояснении или адаптации. Алгоритм принятия решения предполагает анализ: если признак выполняет референтную функцию, следует сохранить денотативный эквивалент; если он носит символическое значение, целесообразно использовать пояснение или культурно обусловленную адаптацию; если же признак служит маркером социальной роли, возможна комбинированная стратегия с примечанием. Такая процедура обеспечивает системность переводческого выбора и снижает риск утраты значимых слоёв семантики при переносе фольклорного текста в другую языковую среду.

3.2. Практические приемы и методы перевода: транскрипция, транслитерация, описательный перевод, калькирование

Транскрипция и транслитерация представляют собой разные техники передачи звучания и графики исходного языка, где транскрипция ориентирована на передачу звучания, а транслитерация — на воспроизведение буквенной формы. Критерии применения в отношении собственных названий и общеименований включают частотность термина, его функциональную значимость в сюжете и степень ожидаемой неизвестности для англоязычного читателя. При выборе метода следует учитывать компромисс между аутентичностью и читаемостью: для ключевых топонимов и антропонимов целесообразна консистентная транслитерация с пояснением, тогда как для описательных общеименований предпочтительна передача, ориентированная на понятность. Технологически это оформляется через единообразные правила передачи, глоссарии и примечания, которые минимизируют потерю культурно-специфической информации без чрезмерного усложнения текста.

Описательный перевод и экспликация применяются для передачи насыщенных культурой описаний архитектуры с сохранением их сюжетной и коммуникативной функции. Лингвистические решения включают использование аппозиционных конструкций, вставных определений и пояснительных фраз, которые позволяют интегрировать дополнительные семантические компоненты без дробления

текста. «Иногда, при отсутствии в ПЯ эквивалента, для передачи одной и той же реалии переводчики прибегают к различным способам, так, например реалию курная изба (изба, отапливаемая печью без трубы [Тургенев, 1974: 5]) переводчик на немецкий передаёт описательно: Hütte ohne Rauchfang (хижина без дымохода) [Turgenjew, 1947: 7], а переводчик на английский использует функциональный аналог: ramshackle hut (ветхая хижина) [Turgenev, 1951: 9] [3, с.39].» Применение таких конструкций должно быть взвешено с точки зрения ритма и стиля текста, чтобы пояснения не нарушали целостность повествования и не сводили на нет фольклорную характеристику объектов.

Калькирование и гибридные решения представляют собой модели лексико-морфологического переноса, включающие прямую передачу структур и композиций исходного языка. Допустимые формы кальки — композиция на основе компонентного соответствия и перенос синтаксических структур — используются тогда, когда сохраняется семантическая прозрачность и стилистическая совместимость с целевым языком. Критерии применения включают адекватность передачи семантики, сохранение фольклорной стилистики и читаемость для англоязычного читателя; при несоответствии предпочтение отдается гибридным моделям с пояснением. Обоснованное сочетание кальки и описательного сопровождения позволяет сохранить внешние признаки и внутреннюю семантику сказочных реалий без утраты понятности.

3.3. Оценка эффективности предложенных подходов на примере избранных сказок

Методология оценки включала разработку шкал для измерения семантической точности, прагматической адекватности и читабельности перевода. Процедура аннотирования исходных и переводных фрагментов предусматривала категоризацию наименований по типам (топонимы, условные названия, описательные конструкции) и фиксацию контекстуальных маркеров. Выбор устойчивых критериев сопоставления опирался на разработанные рубрики оценки, тестирование на пилотной выборке и анализ межаннотаторского согласия, что обеспечило воспроизводимость и сопоставимость результатов.

Сравнительный анализ показал, что транскрипция эффективна при передаче топонимов и условных названий, когда цель — сохранить экзотическую или национальную окраску, тогда как описательный перевод предпочтителен для описательных конструкций с целью обеспечения понятности у целевой аудитории. «Изучив практический материал, мы делаем следующий вывод. Для передачи национальной специфики и волшебного, сказочного колорита, надо использовать разные приемы перевода, а также владеть знаниями о фольклорных традициях переводимого языка для лучшего понимания смысла и особенностей оригинала, опора на которые позволит продуктивно решить ряд трудностей во время перевода, например, при работе с лакунами, которые наглядно проявляют близость между языком и культурой [6, с.52].» Калькирование может сохранять структурные соответствия, но требует пояснительных примечаний для поддержания читабельности; итоговые рекомендации ориентированы на выбор метода в зависимости от коммуникативной цели и предполагаемого уровня фольклорной аутентичности.

Заключение

Исследование подтверждает наличие глубокого лингвокультурного разрыва между русским сказочным хронотопом и англоязычными культурными моделями, в силу чего архитектурные наименования и описания функционируют не как нейтральные референты, а как носители сложной семантики и нарративных функций. Анализ культурной специфики жилищ продемонстрировал, что элементы вроде избы, теремка или дворца способны выступать активными участниками повествования и не сводятся к простым обозначениям зданий. Следовательно, адекватный перевод требует перехода от механического сопоставления лексем к исследованию их прагматической и культурной нагрузки, что соответствует поставленной в работе цели выявления и систематизации переводческих стратегий. Такое

понимание служит теоретической основой для последующего выбора приемов перевода, направленных на сохранение фольклорного хронотопа.

Типология переводческих стратегий, выделенная в работе, должна оцениваться через призму сохранения семантической полноты и нарративной роли архитектурных объектов, поскольку анализ существующих англоязычных версий показал, что разные подходы по-разному воздействуют на восприятие текста. Рассмотренные методы — от буквального переноса до адаптации и транслитерации — сопряжены с очевидными компромиссами между верностью оригиналу и понятностью для зарубежного читателя. На основании сопоставительного анализа целесообразность той или иной стратегии целесообразно определять с опорой на функциональные критерии, а не только на формальные соответствия слов. Такой функциональный подход позволяет более осознанно балансировать между сохранением культурных коннотаций и обеспечением читабельности перевода.

Практические критерии и приёмы, разработанные в третьей главе, подразумевают дифференцированное использование транслитерации и транскрипции в сочетании с лаконичной экспликацией, что помогает сохранить именную идентичность объектов без утраты их семантики. При отсутствии прямого эквивалента эффективен описательный перевод, сохраняющий ключевые коннотативные элементы, а тактическая интерференция в виде пояснительных ремарок или глоссарных вставок компенсирует информационный пробел. Важным условием применения перечисленных приемов является учёт жанровой специфики, целевой аудитории и коммуникативной цели перевода, что обеспечивает согласование эстетических и прагматических аспектов текста.

Предложенные в работе подходы имеют прикладную значимость для переводческой практики и педагогики, поскольку систематизация критериев способствует повышению аутентичности англоязычных версий русских сказок и облегчает межкультурный диалог. Аналитические результаты, полученные на материале избранных сказок, демонстрируют практический потенциал описанных методов при сохранении фольклорной специфики повествования. В то же время авторы отмечают возможность дальнейшей валидации этих подходов на более широком корпусе фольклорных текстов и разработки методических рекомендаций для переводчиков и преподавателей, что логически вытекает из выполненной систематизации.

Литература:

1. Абдрахманова Р.Дж. Художественный перевод (лингвистические аспекты). — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. — 86 с.

2. Антонов Д.И., Завьялова А.И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2024. — №42. — С. 136–163.

3. Артемьева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В. Роль языковой личности при переводе реалий в произведениях и.с. тургенева // Вестник московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2018. — №4. — С. 35–39.

4. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. — М.: ЛКИ, 2010. — 240 с.

5. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. — Москва: Р. Валент, 2009. — 360 с.

6. Дамман Е.А., Влад С.С. Приемы передачи лингвокультурных особенностей при переводе русских народных сказок на английский язык // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2021. — №4. — С. 47–54.

7. Демура О.А. Мифологемы религиозного сознания в советском искусстве тоталитарного периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — №2. — С. 56–59.

8. Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология. — Москва: ФЛИНТА, 2014. — 480 с.

9. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Устное народное творчество. Учебно-методический комплекс для студентов, обучающихся по специальности 031001 филология. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. — 26 с.

10. Пестова В.В. Лингвокультурология. — Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2022. — 48 с.

11. Рябова М.В. Культурологический аспект перевода в свете теории лакун // Альманах современной науки и образования. — 2010. — №9. — С. 176–179.

12. Тарасов К.Г. Концепция и поэтика литературных циклов В. И. Даля 1830-х гг. («Пяток первый» и «Были и небылицы») // Проблемы исторической поэтики. — 2025. — №2. — С. 145–158.

13. Alvarez R., Vidal M.C.A. Translation, power, subversion. — Clevedon: Multilingual Matters Ltd, 1996. — 156 с.

Никифорова Д. Д.
студент
факультет базового инженерного образования
ФГБОУ ВО «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова»

Nikiforova D.D.
Student
Faculty of Basic Engineering Education
Baltic State Technical University named after D.F. Ustinov

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация. В работе рассмотрены особенности функционально-прагматической адаптации медицинской терминологии, связанной с расстройством аутистического спектра; выявлены различия между терминами специального употребления и их адаптированными формулировками, ориентированными на неподготовленного адресата; установлено, чем характеризуются профессионально ориентированные номинации и чем характеризуются их описательные варианты; особое внимание уделено причинам невозможности рассмотрения адаптации терминологической единицы как ее полной замены.

Ключевые слова: лингвистика, медицинская терминология, расстройство аутистического спектра, функционально-прагматическая адаптация, специальное знание, профессионально ориентированные номинации, адаптированные формулировки, неподготовленный адресат.

FUNCTIONAL-PRAGMATIC ADAPTATION OF MEDICAL TERMINOLOGY BASED ON TERMS RELATED TO AUTISM SPECTRUM DISORDER

Abstract. The paper examines the features of the functional-pragmatic adaptation of medical terminology related to autism spectrum disorder; identifies the differences between terms used in specialized medical contexts and their adapted formulations intended for a non-specialist recipient; establishes what characterizes professionally oriented designations and what characterizes their descriptive variants; special attention is paid to the reasons why the adaptation of a terminological unit cannot be regarded as its complete replacement.

Keywords: linguistics, medical terminology, autism spectrum disorder, functional-pragmatic adaptation, expert knowledge, professionally oriented designations, adapted formulations, non-specialist recipient.

Введение

Одной из существенных проблем, возникающих при передаче медицинской информации, является проблема соотношения специального знания и языковых средств его репрезентации. Терминология в данном случае выступает не как простая совокупность наименований, а как особая форма фиксации профессионально значимых понятий. Она обозначает явление, симптом, состояние или признак в пределах определенной понятийной системы и тем самым обеспечивает точность, логическую упорядоченность и относительную однозначность сообщения.

В связи с этим термины специального употребления обычно характеризуются высокой степенью нейтральности, обобщенности и классификационной определенности. Их назначение состоит не в эмоциональном воздействии на адресата и не в непосредственном приближении описываемого явления к индивидуальному опыту читателя, а в точной номинации понятия и включении его в систему профессионального описания. Для специалиста подобный способ языковой репрезентации является необходимым, поскольку он позволяет разграничивать смежные признаки, избегать смысловой неопределенности и сохранять понятийную строгость.

Вместе с тем следует отметить, что та же точность может становиться фактором, затрудняющим понимание, если медицинская информация адресована читателю, не обладающему специальной подготовкой. Сложность восприятия обусловлена не только формальной непрозрачностью отдельных лексических единиц, но и тем понятийным содержанием, которое за ними закреплено. Адресат может распознать отдельные элементы термина, однако не всегда способен соотнести их с конкретным проявлением, ситуацией повседневного опыта или наблюдаемым поведением. Вследствие этого возникает необходимость функционально-прагматической адаптации терминологической единицы к иным условиям коммуникации.

Функционально-прагматическая адаптация медицинской терминологии предполагает не устранение специального знания, а изменение способа его языкового представления и может быть осуществлена посредством более прозрачного выражения, конкретизации признака, описания ситуации или перевода абстрактного понятия в сферу наблюдаемого опыта. При этом принципиальное значение имеет сохранение смысловой основы исходной номинации. Если адаптированная формулировка делает содержание более доступным, но устраняет существенные признаки понятия, такая передача оказывается неполной и может приводить к смысловому смещению.

Материал терминов, связанных с расстройством аутистического спектра, позволяет проследить данные процессы достаточно отчетливо. Профессионально ориентированные номинации, такие как executive function deficits, language impairment, hyper- or hyporeactivity to sensory input, theory-of-mind deficits, simple motor stereotypies, выступают как средства точного обозначения признаков. Они репрезентируют не единичную ситуацию, а обобщенное понятие, включенное в систему медицинского или психолого-диагностического описания. Наличие компонентов impairment, deficits, disorder, regulation, processing, reactivity указывает на принадлежность данных единиц к сфере специального употребления и задает высокий уровень абстракции.

Характерной особенностью подобных номинаций является их преимущественно именная форма. Выражения language deficits, emotional regulation, sensory processing, clinically significant impairment представлены как существительные или именные группы, что усиливает их официальность, номинативность и классификационную функцию. В результате описываемое явление предстает не как отдельное действие или конкретное поведение человека, а как устойчивый признак, подлежащий профессиональному осмыслению. Такая форма обеспечивает точность, однако одновременно увеличивает дистанцию между термином и непосредственным опытом неподготовленного адресата.

Адаптированные формулировки, напротив, ориентированы на приближение содержания к сфере практического восприятия. Они чаще используют лексику общего употребления: problems, trouble, challenges, support, sensitivities. Эти единицы не обладают той же степенью терминологической строгости, однако позволяют адресату быстрее соотнести обозначаемое явление с реальными проявлениями. Иными словами, изменяется не только словарный состав, но и сама перспектива описания: вместо профессиональной номинации появляется пояснение через действие, затруднение, реакцию, коммуникативную ситуацию или повседневный опыт.

Обратимся к конкретному материалу. Термин echolalia передается адаптированной формулировкой echoed speech. В данном случае специализированная номинация заменяется более прозрачным описательным вариантом. Если echolalia требует знания соответствующего медицинского термина, то echoed speech непосредственно указывает на повторение речи. Следовательно, снижается уровень абстрактности, а внутренняя форма выражения становится более доступной для восприятия. Одновременно изменяется адресная направленность: первая единица ориентирована на специалиста, вторая — на читателя, которому необходимо прежде всего распознать проявление.

Сходный механизм наблюдается в паре Executive function deficits — Problems of organization and planning. Исходная номинация содержит компонент deficits и отсылает к когнитивной сфере, не всегда очевидной для неподготовленного адресата. Адаптированный вариант раскрывает данное содержание через более конкретные трудности — организацию и планирование. Тем самым специальное понятие переводится в область повседневного опыта: становится понятнее, что речь может идти о затруднениях при выстраивании последовательности действий, распределении задач или подготовке к изменению ситуации. Однако необходимо учитывать, что исходный термин обладает более широким семантическим объемом и не исчерпывается только указанными проявлениями.

Особенно отчетливо конкретизирующая функция адаптации проявляется в примере simple motor stereotypies — rocking/walking on toes/flapping hands. Единица simple motor stereotypies выполняет классификационную функцию: он называет тип повторяющихся моторных проявлений, но не раскрывает их через непосредственную наглядность. Описательный вариант, напротив, представляет ряд наблюдаемых действий: раскачивание, ходьбу на носках, взмахи руками. Благодаря этому абстрактная номинация переводится в форму, связанную с визуально воспринимаемым поведением. Для неподготовленного читателя такая передача оказывается более доступной. Вместе с тем она содержит риск сужения значения, поскольку перечисленные действия могут восприниматься как исчерпывающий перечень проявлений, хотя фактически они лишь иллюстрируют общий признак.

Показательным является и соотношение theory-of-mind deficits — trouble seeing things from another person’s point of view. В данном случае адаптация не сопровождается сокращением выражения. Напротив, описательный вариант оказывается более развернутым, однако именно эта развернутость обеспечивает его понятность. Исходный термин краток и насыщен, но без специальных знаний может оставаться непрозрачным. Формулировка trouble seeing things from another person’s point of view объясняет понятие через ситуацию межличностного понимания, то есть через опыт взаимодействия с другим человеком. Тем самым профессионально ориентированная номинация преобразуется в форму, рассчитанную на более широкое восприятие.

Иной тип адаптации представлен в паре hyper- or hyporeactivity to sensory input — sensory sensitivities. Профессиональная формулировка отличается большей точностью, поскольку указывает на два возможных направления реакции — повышенную и пониженную реактивность — и связывает их с сенсорным восприятием. Адаптированная формулировка sensory sensitivities проще и легче воспринимается, однако она менее дифференцирована. В ней сохраняется общий указатель на сенсорную сферу, но исчезает различие между гипер- и гипореактивностью. Следовательно, понятность достигается за счет обобщения, что делает такую форму пригодной для первичного объяснения, но недостаточной в тех случаях, когда требуется точное различение признаков.

Смысловое расширение адаптированного варианта хорошо прослеживается в примере early intervention — support. Термин early intervention содержит существенный временной и организационный компонент: речь идет не о любой помощи, а о раннем вмешательстве или раннем сопровождении. Вариант support является более доступным и нейтральным, однако он значительно шире исходного. Поддержка может различаться по времени, форме, степени системности и профессиональной

направленности. Поэтому такая адаптация повышает понятность, но одновременно размывает границы исходного понятия.

Особого внимания требует соотношение language deficits/language impairment — problems expressing feelings or needs in words/communication challenges. Термины language deficits и language impairment фиксируют нарушения или дефициты в языковой сфере и сохраняют связь с профессиональной классификацией. Адаптированные формулировки переводят это содержание в область конкретных коммуникативных затруднений. Выражение problems expressing feelings or needs in words актуализирует ситуацию, в которой человеку трудно выразить чувства или потребности словами. Формулировка communication challenges является еще более общей и менее определенной. В данном случае особенно заметно, что адаптация может сближать разные профессиональные признаки, если они передаются сходными описательными средствами.

Таким образом, в анализируемом материале можно выделить несколько основных способов функционально-прагматической адаптации терминологических единиц. Во-первых, сложный термин заменяется более прозрачным вариантом, как в случае echolalia — echoed speech. Во-вторых, абстрактное понятие раскрывается через бытовые трудности, что наблюдается в паре executive function deficits — problems of organization and planning. В-третьих, классификационная номинация поясняется через конкретные действия, как в примере simple motor stereotypies — rocking/walking on toes/flapping hands. В-четвертых, специальное понятие переводится в описание ситуации, понятной неподготовленному адресату, как в случае theory-of-mind deficits — trouble seeing things from another person’s point of view. Наконец, возможна замена более общим обозначением, как в паре hyper- or hyporeactivity to sensory input — sensory sensitivities, однако именно такой способ наиболее отчетливо обнаруживает риск смыслового упрощения.

Следует подчеркнуть, что различие между профессионально ориентированными номинациями и адаптированными формулировками не сводится к различию между сложной и простой лексикой. Оно связано с различными способами репрезентации знания. Термины специального медицинского употребления направлены на точную фиксацию понятия и его места в системе признаков. Они абстрактны, нейтральны и рассчитаны на адресата, владеющего необходимой базой знаний. Адаптированные формулировки, напротив, объясняют явление через его проявление: через поведение, реакцию, коммуникативную трудность, ситуацию общения или повседневный опыт.

В этой связи важно отметить, что адаптация не всегда предполагает сокращение. В ряде случаев более доступное описание оказывается длиннее исходного термина, но именно развернутая форма позволяет раскрыть смысл. Так, trouble seeing things from another person’s point of view значительно длиннее, чем theory-of-mind deficits, однако данная формулировка эффективнее выполняет поясняющую функцию. Аналогичным образом rocking/walking on toes/flapping hands является более объемным вариантом по сравнению с simple motor stereotypies, но обеспечивает большую наглядность. Следовательно, критерием успешной адаптации выступает не краткость, а способность сохранить смысловую основу термина и сделать ее доступной для понимания.

Вместе с тем адаптация терминологических единиц неизбежно связана с определенными рисками. Чрезмерно широкая формулировка может ослабить различия между понятиями. Так, support не передает всей специфики early intervention. Сходные описательные варианты могут сближать разные профессиональные признаки, как это происходит при передаче language deficits и language impairment. Конкретные примеры поведения, в свою очередь, способны сузить содержание общего термина, если адресат воспринимает их как исчерпывающее определение. Поэтому функционально-прагматическая адаптация требует не только языковой доступности, но и семантической осторожности.

Из сказанного следует, что формы, ориентированные на неподготовленного адресата, не могут рассматриваться как полная замена профессиональной терминологии. Их целесообразнее понимать как способ пояснения специального знания, позволяющий приблизить термин к читателю и соотнести его с наблюдаемыми проявлениями. Профессионально ориентированные номинации сохраняют значимость в тех случаях, когда необходимы точность, классификационная определенность и разграничение смежных понятий. Адаптированные формулировки, в свою очередь, выполняют иную задачу: они обеспечивают первичное понимание и делают специальное содержание более доступным.

Заключение

Таким образом, профессионально ориентированные термины, связанные с расстройством аутистического спектра, обладают большей точностью и теснее связаны с медицинской классификацией, однако могут быть затруднены для восприятия неподготовленным читателем. Адаптированные формулировки являются более конкретными, наглядными и близкими к жизненному опыту, но при этом способны снижать терминологическую точность, обобщать различия и частично смещать смысл. Основное значение функционально-прагматической адаптации медицинской терминологии состоит в том, что она позволяет сделать специальное знание доступным, сохраняя необходимость внимательного отношения к содержанию каждого термина.

Литературa:

1. Abrahamsson E., Forni T., Skeppstedt M., Kvist M. Medical text simplification using synonym replacement: Adapting assessment of word difficulty to a compounding language. Proceedings of the 3rd Workshop on Predicting and Improving Text Readability for Target Reader Populations (PITR). Gothenburg, Sweden: Association for Computational Linguistics, 2014. P. 57–65. Режим доступа: https://aclanthology.org/W14-1207/ (дата обращения 08.05.2026)

2. Вишнякова О. Д., Маргания Э. В. Функционально-прагматическая адаптация терминологических единиц как отражение процесса взаимодействия научного и обыденного знания. Вестник Самарского государственного университета, 2011. № 1/2 (82). С. 109–114.

3. Маргания Э.В. Особенности функционально-прагматической адаптации терминологических единиц в научно-популярных текстах медицинского содержания: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Белгород, 2011. — 30 с.

4. Первухина С. В. Характеристики медицинского адаптированного текста. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 133–137. Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/38.html (дата обращения 14.05.2026)

5. Хошмуратова И. П., Абутова З., Каландарова Г. Принципы составления адаптированного текста с использованием медицинской терминологии. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-sostavleniya-adaptirovannogo-teksta-s-ispolzovaniem-meditsinskoy-terminologii (дата обращения 12.04.2026)

Горяинов С.О.
студент
ФГБОУ ВО «Российский университет традиционных художественных промыслов»
e-mail: S8491246@gmail.com
научный руководитель – заведующий кафедрой косторезного искусства
ФГБОУ ВО «Российский университет традиционных художественных промыслов»
В.Н. Колобов

Goryainov S.O.
Student
Russian University of Traditional Arts and Crafts
scientific director – Head of the Department of Bone Carving
Russian University of Traditional Arts and Crafts
V.N. Kolobov

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТАРСИИ В КОСТОРЕЗНОМ ИСКУССТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье представлен анализ различных видов инкрустации, а также их технологические особенности, основанный на изучении различных техник, используемых материалов и сфер применения в декоративно-прикладном искусстве. На основе некоторых изделий рассмотрены конкретные методы инкрустации, среди которых особое внимание уделяется технике интарсии. В обзоре использованы исторические источники, содержащие упоминания об инкрустированных объектах в разных эпохах и культурах. Кроме того, рассмотрена техника интарсии в художественной резьбе по кости. Демонстрируются вариации приёмов использования кости не только в технике интарсии, но и в других техниках инкрустации, что обогащает многообразие подходов в украшении изделий в данной области декоративного искусства.

Ключевые слова: инкрустация, облицовка, мозаика, интарсия, всечка, маркетри, дамаскинаж, орнамент, резьба, традиция, косторезное искусство, художественная резьба по кости, технология, материал.

THE USE OF INTARSIA IN BONE CARVING: HISTORY AND PRESENT

Abstract. This article presents an analysis of various types of inlay, as well as their technological characteristics, based on a study of various techniques, materials, and applications in decorative and applied arts. Specific inlay methods are examined using selected pieces, with particular attention given to the intarsia technique. The review utilizes historical sources containing references to inlaid objects from different eras and cultures. Furthermore, the intarsia technique in artistic bone carving is examined. Variations in the use of bone are demonstrated not only in intarsia but also in other inlay techniques, enriching the diversity of approaches to decorating pieces in this area of decorative art.

Keywords: inlay, facing, mosaic, marquetry, intarsia, marquetry, damascenage, ornament, carving, tradition, bone carving art, artistic bone carving, technology, material.

Инкрустация – термин, предполагающий совмещение различных материалов, комбинируемых для художественного оформления декоративных изделий. В основном эти художественные приёмы

применимы в области декорирования посредством облицовки основы изделия. Существует несколько видов инкрустации, среди которых можно выделить основные – **интарсия, всечка, мозаика и маркетри.**

В области декоративно-прикладного искусства инкрустация встречается достаточно широко: ювелирное искусство, художественная резьба по дереву, отделка архитектурных сооружений, резьба по камню, художественная обработка металлов, косторезное искусство и др. Инкрустация используется в дизайне мебели, декоративном оформлении оружейных прикладов, украшении помещений, в ювелирном искусстве, в облицовке сооружений и т.д.

В качестве основы (фона) изделия для инкрустации могут использоваться такие материалы как: металл, камень, древесина, кость и др. По способу фиксации одного материала в другой – вклеивание и врезание.

Одна из наиболее простых и распространенных видов инкрустационных техник является мозаика. Эта форма монументального искусства, в которой в качестве основных материалов применяются стекло, камень или дерево. Лучше всего для создания изображений подходит смальта – окрашенное стекло, изготовленное при высокой температуре. Технология мозаики широко используется для декоративного украшения различных архитектурных объектов (см. рис. 1)[1]: она применяется при облицовке потолков, пола, внутренних и наружных стен, в ландшафтном дизайне или садовой мебели [4]. Благодаря устойчивости к атмосферному воздействию, мозаика из смальты может сохранять свое качество веками.

Рисунок 1. Мозаика на станции метро Маяковская, г. Санкт-Петербург. Автор. Ю. Могилевский. 1967г.

Чертозианская мозаика относится к одной из разновидностей инкрустации, возникшей на Востоке, и особое развитие получила в Европе середины XV в. (см. рис. 2.).[2] Название данный вид мозаики берет от итальянского монастыря «Чертоза Павийская» где она также использовалась.

Технология заключается в выкладывании геометрического узора из разноцветных пород дерева или других материалов таким образом, чтобы с торца образовывалась геометрическая розетка. Далее узорные рейки сжимаются и склеиваются между собой, после чего готовая заготовка распиливается поперек на тонкие одинаковые пластинки, которыми впоследствии оклеивается необходимая поверхность. [12, с. 72].

[1] Рис. 1. – 8 самых красивых станций петербургского метро. — Текст: электронный // Time Out: [сайт]. — URL: https://www.timeout.ru/spb/feature/8-samyh-krasivyh-stanczij-peterburgskogo-metro (дата обращения: 15.02.2026)

[2] Рис. 2. – File: Italia del nord, cofanetto alla certosina, xv secolo.jpg. — Текст: электронный // Wikimedia Commons: [сайт]. — URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Italia_del_nord,_cofanetto_alla_certosina,_xv_secolo.jpg?uselang=ru (дата обращения: 05.03.2026).

Рисунок 2. Картезианский ларец с чертозианской мозаикой со вставками из слоновой кости. Национальный музей Равенны. Северная Италия, XV в.

Маркетри – вид инкрустации, появившийся в Европе XVI века, Его отличие в том, что используются листы древесины, толщиной не более 2-3 мм, в сочетании двух и более пород, различных текстур и оттенков. Такой материал, применяемый во многих видах декоративно-прикладного искусства, называется **шпоном**. Маркетри – это мозаика из разных видов шпона, которые наклеиваются на основу, например, мебель или панно 9см. рис. 3)[3]. При изготовлении маркетри можно также применять кость.

Рисунок 3. А. Литвиненко. Декоративное панно в технике маркетри «Зимний пейзаж»

Дамаскинаж – это искусство, зародившееся в XVI веке в Персии, в городе Дамаск. Этот вид инкрустации подразумевает соединение материалов и металлов путём «всечения» в гравированную основу драгоценной проволоки (см. рис. 4) [4]. Примечательно то, что при инкрустировании не использовалось никаких дополнительных клеящих средств. Изначально такой вид ювелирного искусства

[3] Проза и поэзия маркетри. — Текст: электронный // Ассамблея писателей и художников: [сайт]. — URL: https://ahmir.ru/blog/proza-i-poeziya-marketri (дата обращения: 10.02.2026).

[4] Инкрустация: древняя техника создания шедевров искусства из разных материалов. — Текст: электронный // Искусство: [сайт]. — URL: https://vk.com/@livein_art-inkrustaciya-drevnyaya-tehnika-sozdaniya-shedevrov-iskusstva (дата обращения: 10.02.2026).

применялся в декоре брони и оружия: кинжалов, мечей, ножей и щитов. В качестве основы применялись: дерево, кость, металлы: например, бронзу [3].

Рисунок 4. Инкрустация. Пласидо Зулоага. Железный кассон. XIX в.

Интарсия – в декоративном искусстве – вид инкрустации, при котором комбинируют, как правило, контрастные материалы (см. рис 5)[5]. Например: древесина разных пород, металл и драгоценный камень, кость и дерево. В сущности, интарсия – это вставка, которая врезана в основу и может декорировать ящик комода или приклад ружья. Интарсия и всечка отличаются от других видов инкрустации тем, что остальные виды являются облицовкой.

Рисунок 5. Комод в технике интарсия

История техники интарсии насчитывает тысячелетия. Её истоки берут своё начало в Древнем Египте. Там были сформированы первые специализированные мастерские. Об этом факте наглядно повествует фреска гробницы фараона Рехмира, на которой запечатлён процесс изготовления

[5] Что такое «интарсия» в мебели? — Текст: электронный // Мебель своими руками.: [сайт]. — URL: https://handmeb.ru/chto-takoe-intarsiya-v-mebeli/ (дата обращения: 15.02.2026).

инкрустированного сундука. В гробнице Тутанхамона также обнаружено множество инкрустированных изделий.

В Древнем Египте ремесленники применяли инкрустацию из драгоценных камней, радужных крыльев жуков, золотой фольги, кожи, фаянса и слоновой кости, коры, черного и других пород дерева, кедра.

Благодаря археологам удалось установить, что в Ассирии и Вавилоне была широко распространена техника инкрустации мебели золотом, бронзой, цветным стеклом и слоновой костью.

Уже в эпоху Античности мастерами Древней Греции и Рима выполнялись работы с высоким уровнем интарсии: изделия из древесины клена, самшита, дуба, кизила, железного дерева украшали различными орнаментами сложных форм. Скульпторы нередко использовали приемы интарсии, выделяя глаза статуй и бюстов.

Древнейшие упоминания о технике интарсии находят в литературных источниках XII-VIII вв. до н.э. в частности, у древнегреческого автора Гомера в «Одиссеи». Более поздние описания искусств и ремёсел Древней Греции можно подчерпнуть из трудов Павсания. Павсаний, оставил сведения не только о мифологии и истории, но и об искусстве и архитектуре, кроме того составил подробное описание ларца Кипсела. Композиции на этом ларце были выполнены из слоновой кости и золота и врезались в кедровый фон и наоборот, фигуры были из кедра, а фон из золота и слоновой кости [12, с. 71].

Интарсия предметов слоновой костью была повсеместной частью декоративно-прикладного искусства Древних Греков. Кость врезали в деревянные изделия и дополняли ими детали интерьера. Ею украшались кресла, столы, колесницы, а также стены комнат и потолки. Слоновую кость в Древнюю Грецию ввозили из Эфиопии и Индии. Наивысшего расцвета искусство инкрустации достигло в середине первого века до н.э., это связано с победой Греции над Персией [12].

При раскопках в Крыму городе Керчь (Древний Пантикопей), были найдены древнегреческие саркофаги, их относят к периоду расцвета Древней Греции. Государственный музей Эрмитаж хранит саркофаг, который относят к IV в. до н. э., он богато инкрустирован слоновой костью и черным деревом.

После исчезновения античной культуры практика инкрустации дерева была утрачена, однако возобновилась уже в средневековой Европе, когда популярность возросла в отделке мебели и настенных панелях [5].

Максимальное развитие техники интарсия достигла в период Возрождения в Италии, где во Флоренции середины XV века функционировало более 80 мастерских.

В основном для украшения церковной мебели и утвари использовались геометрические и растительные орнаменты. В качестве фона применялись темные породы древесины, а для изображения светлые, и наоборот. Этот художественный прием интарсии распространился из Италии в другие районы Европы, например во Францию или Германию.

Исключительным примером искусства инкрустации XVII-XVIII вв. являются работы Андре Шарля Буля (1642-1732гг.). Он производил мебельные шедевры, об исключительной выразительности которых, говорит отдельный термин – «техника буль». Сама техника представляет богатую разнообразием комбинацию материалов и разновидностей инкрустации: интарсию, всечку, маркетри, флорентийскую мозаику и чернь. Буле сочетал следующие поделочные материалы – медь, олово, золоченая бронза, латунь, серебро, свинец, цинк, ценные породы древесины, перламутр, рог, слоновую кость [12, с. 73-74].

Неотъемлемой частью искусства интарсии является косторезное искусство, которое так же – один из древнеиндийских промыслов Востока. Об этом свидетельствуют уникальные, древнейшие находки косторезного искусства Китая. Они указывают на более ранний, по сравнению со странами Европы интерес мастеров-ремесленников к такому художественному материалу как кость. Издревле изделия из

слоновой кости инкрустировали различными декоративными материалами. Сама техника инкрустации успешно развивалась при династиях Мин и Цин. Появилась инкрустация камней в виде мозаики из элементов слоновой кости. Так, из довольно известных раскопок в Китае, на территории современной провинции Хэнань (древней столицы Шан-Инь), был обнаружен кубок из слоновой кости с вырезанной маской в виде морды животного. Кубок при этом был украшен инкрустацией из дерева и камня. А в эпоху царствования династии Шан-Инь (1700-1045 гг. до н.э.) мастера-ремесленники достигли высоких успехов в резьбе по кости: не только тонко подчеркивали естественную красоту природного материала, но и инкрустировали изделия из кости в те давние времена полудрагоценными камнями, чаще всего – бирюзой [6].

Округ Хошиарпур (Индия) находится в северо-восточной части Пенджаба, и может служить примером древнего искусства резьбы по кости в Индии. Он знаменит своими прекрасными изделиями из резной слоновой кости, а также инкрустированными изделиями из дерева и кости. А в наши дни мастера-ремесленники нашли замену (альтернативу) такому дорогому материалу, как слоновая кость. Нередко используются теперь синтетические продукты. Так, все изделия из дерева инкрустируют очень похожим на натуральную кость - пластиком, вырезая из него различные детали для композиции [10].

У казахского народа резьба по кости имело место еще в VII-VI вв. до н.э. особенно в декоративном оформлении различных предметов быта, например, украшение казахской домбры – традиционного музыкального инструмента. Этот инструмент ценился как произведение искусства, в котором инкрустировались костью, как корпус инструмента, так и дека казахской домбры [1].

Искусство резьбы по кости в Персии (территория современного Ирана и Азербаджана) отражалось часто в украшении различных изделий в технике интарсии, всечка или дамаскинаж [5].

Европейская резьба по кости в эпоху Возрождения получила свое воплощение в ювелирном направлении, костью нередко инкрустировали приклады огнестрельного оружия, но в основном, украшали мебель.

В России путь развития косторезного искусства шел от простых утилитарных предметов таких как: охотничьи и хозяйственные предметы, обычные для того времени – это наконечники для гарпунов, ножи, амулеты; и до сложных: гармоничных по форме и орнаментации произведений декоративно-прикладного искусства.

В царскую Русь искусство интарсии пришло несколько позже, в средние века. Искусство, подобное инкрустированию нашло применение во многих областях декоративно-прикладного искусства [11]. В период своего рассвета своеобразной художественной академией стала Оружейная палата, объединившая мастеров разных специальностей. В ее составе работали косторезы, резчики по дереву, оружейники, граверы, серебряники, художники, токари. Благодаря такому взаимодействию появились различные техники декорирования художественных изделий. В целом, костную и перламутровую интарсию часто применяли для оформления прикладов и рукоятей оружия, которые украшались сложными, многофигурными композициями. В XVII веке огнестрельные оружия становились произведениями искусства, они богато декорировались инкрустацией из различных материалов: слоновой и моржовой костью, перламутром, а также гвоздиками из золота.

Одновременно, по примеру Европы, самые богатые дворцы Российской империи, стали украшать мебель инкрустацией с костяными и перламутровыми вставками, полудрагоценными камнями и ценными, редкими породами дерева. Производство таких изделий обычно было ориентировано для зажиточных слоев общества [11].

В XVIII веке, холмогорские мастера-косторезы применяют цветную, окрашенную кость. Костяные пластины коричневого или зеленого цвета инкрустируют методом наложения на деревянную основу шкатулки, плотно притирая пластинки друг другу по технологии маркетри. В XIX веке холмогорские

мастера часто изготавливали многофигурные скульптурные композиции, например, на рисунке 6[6], представлено изделие «стоянка ненцев».

Тобольские мастера создают изделия с инкрустацией в комбинации кости с деревом: миниатюрные панно, украшения женской одежды, приборы для рабочего стола, закладки, курительные трубки. Кость применяют как рельефную накладку или инкрустацию к основе из дерева твердых пород темного цвета. В Якутии выделяют в своих работах полированную и шлифованную поверхности, сочетают изделия из рога и кости с другими ценными материалами. Предпочитают украшать предметы чеканным рисунком геометрического орнамента.

Рисунок 6. Декоративное настольное украшение «Стоянка ненцев». Конец XVIII в. Холмогоры

Заметно меняется общее состояние российского косторезного искусства в конце XX и первой четверти XXI столетий. В данный период наблюдается переломный этап, поиск новых видов и стилей, новых образно-пластических решений, сюжетов и тем, новых способов взаимоотношений художника и рынка, новых форм организации производства [8].

Несмотря на утрату ряда традиционных методов старинной техники, искусство художественной резьбы по кости продолжает эволюционировать, интегрируя современные технологические подходы к обработке материалов. Мастера обращаются к забытым или не традиционным техникам для косторезного искусства. Например, для холмогорского косторезного искусства интарсия не является традиционной техникой, так как она в произведениях холмогорских мастеров практически не встречается, либо встречаются единичные случаи.

Например, на некоторых примерах произведений, выполненных студентами Высшей школы народных искусств, была выявлена технология интарсии, одного материала в другой – янтарь в кость, и кость в дерево. На примере скульптурной композиции «Олени в осеннем лесу».

Янтарь, своим присутствием в работе создает контраст декоративный и колористический. Интересен прием – обсыпка янтарной крошкой, совершенно замечательная находка в данной работе, создающая декоративный эффект – иллюзию осеннего леса. Необходимо отметить также, что тонкая ювелирная инкрустация янтаря с рогом и костью делает совершенно трогательным образ пятнистого оленя, отражая сложность технологии данного вида инкрустации [7].

[6] Рис. 6. Стоянка ненцев. — Текст: электронный // Виртуальный русский музей: [сайт]. — URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/folk_art/rk_211/index.php (дата обращения: 15.04.2026).

Рисунок 7. В. Малышев Скульптурная композиция «Олени в осеннем лесу». 2023 г. Руководитель: В.Н. Колобов

Искусство инкрустации распространено по всему миру, а артефакты, выполненные в технике интарсии, есть во многих странах. Ее широко применяли как в украшении декоративной мебели, так и в ювелирном искусстве. До вытеснения интарсии технологией маркетри, интарсия была одной из основных техник инкрустации. Она уходит своими корнями в глубокую древность, и, несмотря на развитие технологий, аутентичная техника находит своё воплощение и в настоящее время, а в косторезном искусстве тесно связана традицией комбинирования дерево и кости.

Сегодня искусство интарсии обладает особой эстетикой и может быть восстановлено и вновь распространено благодаря развитию технологий. Путём внедрения в процесс производства автоматического инструментария могут быть сокращены временные, трудовые и ресурсные затраты при производстве, а также повышен уровень сложности и качество итогового результата. Этот фактор может способствовать распространению и развитию высокохудожественной продукции в технике интарсии в косторезном искусстве.

Литература:

1. Асылова, Л. М. К вопросу онтологии косторезного искусства казахов / Л. М. Асылова. – Текст: электронный // Восточно-казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей заповедник: [сайт]. – URL: https://vkoem.kz/index.php/ru/izdaniya/85-2010-03-09-10-07-22/2056-asylova-l-m-k-voprosu-ontologii-kostoreznogo-iskusstva-kazaxov (дата обращения: 09.02.2026).

2. Балашов, И. В. Расцвет интарсии, маркетри в интерьерах XVIII – XX веков / И. В. Балашов. – Текст: непосредственный // Сборник статей Всероссийской междисциплинарной научно-практической заочной конференции. – Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования Московский экономический институт, 2019. – С. 27-32.

3. Джеффри, С. К. Дамаскинаж / С. К. Джеффри. – Текст: непосредственный // Lettres du Brassus. – 2012. – № 12. – С. 82-90. – URL: https://prestigedam.swatchgroup.biz/m/5787bc0eaff4c924/original/Lettre_du_Brassus_RU_-12-pdf.pdf (дата обращения: 10.01.2026)

4. Иванова, Е. А. Техника мозаики, применение мозаики в ландшафтной архитектуре / Е. А. Иванова. – Текст: непосредственный // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2010. – № 29 (4-6). – С. 52-55. – ULR: https://www.elibrary.ru/download/elibrary (дата обращения: 10.02.2026)

5. Инкрустация сегодня и вчера. – Текст: электронный // Резьба по дереву и кости: [сайт]. – URL: http://rezchiku.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st013.shtml (дата обращения: 09.02.2026)

6. Искусство резьбы по кости в Китае. – Текст: электронный // Reznoe: [сайт]. – URL: https://reznoe.su/articles/articles286.html (дата обращения: 10.01.2026).

7. Колобов, В. Н. Творческие работы студентов Высшей школы народных искусств (академии): перспективы развития холмогорского косторезного искусства / В. Н. Колобов. – Текст: непосредственный // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2024. – № 4. – С. 170-179.

8. Корольков, С. В. Традиции Северной резьбы по кости у современных мастеров / С. В. Корольков. – Текст: непосредственный // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № №4. – С. 71-75.

9. Муканова А.Г., Каргашина Е.В., Ложкин Ю. Анализ материалов для композиций в технике интарсия / А.Г. Каргашина, Е.В. Ложкин, Ю. Муканова. – Текст: непосредственный // Технические университеты: интеграция с европейскими и мировыми системами образования. Материалы VIII Международной конференции. в 2-х томах. Том 2. – Ижевск: Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова, 2019. – С. 36-39.

10. Резьба по кости. Искусство Индии. – Текст: электронный // Бхаратия.ру: [сайт]. – URL: http://www.bharatiya.ru/india/crafts/carving.html (дата обращения: 15.02.2026).

11. Фомин, Ю. В. Русское наборное дерево XVIII в. Мебель панно паркет / Ю. В. Фомин. – Москва: Советская Россия, 1989. – 183 с. – Текст: непосредственный.

12. Хворостов, А. С. Чеканка. Инкрустация. Резьба по дереву / А. С. Хворостов. – 2-е издание. – Москва: Просвещение, 1985. – 176 с.

Громакова Э.С.
магистрант
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
e-mail: elmira.gromakova@yandex.ru

Gromakova E.S.
Master’s Student
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ПОНЯТИЯ «РЕАЛИЯ»

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия «реалия» в современной лингвистике. Актуальность исследования связана с тем, что у термина «реалия» до сих пор нет единого определения, а слова, обозначающие культурные особенности, нуждаются в четкой систематизации, поскольку именно они отражают национальную и культурную идентичность. Целью работы является анализ различных подходов к определению лингвокультурных реалий с акцентом на конкретную их классификацию. В работе анализируются подходы к определению реалий Л. С. Бархударова, О. С. Ахмановой, Г. Д. Томахина, С. И. Влахова и С. П. Флорина, а также понятие «неэквивалентная лексика» у Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова и Г. Расуловой. Особое внимание уделяется трехкомпонентной классификации реалий С. И. Влахова и С. П. Флорина, включающей предметное, местное и временное деления.

Ключевые слова: реалии, неэквивалентная лексика, культурная идентичность, классификация реалий, Влахов и Флорин, лингвокультурология.

DIVERSITY OF INTERPRETATIONS AND CLASSIFICATION CRITERIA OF THE NOTION “REALIA”

Abstract. This article examines the concept of “realia” in modern linguistics. The relevance of this study stems from the fact that there is still no single definition of the term “realia” and words denoting cultural features require clear classification, as they reflect national and cultural identity. The objective of this study is to analyze various approaches to defining linguocultural realia, with an emphasis on their specific classification. The study analyzes the approaches to defining realia by L. S. Barkhudarov, O. S. Akhmanova, G. D. Tomakhin, S. I. Vlakhov, and S. P. Florin, as well as the concept of “non-equivalent vocabulary” by E. M. Vereshchagin, V. G. Kostomarov, and G. Rasulova. Particular attention is paid to the three-component classification of realia by S. I. Vlakhov and S. P. Florin, which includes subject, local, and temporal divisions.

Keywords: realia, non-equivalent vocabulary, cultural identity, classification of realia, Vlahov and Florin, linguoculturology.

Практически все формы языкового общения включают в себя слова, выражения, отражающие культуру, связанную с определенным языком. Эти языковые компоненты, известные как «реалии», служат ключевыми индикаторами культурной и национальной идентичности. Существуют различные интерпретации данного явления.

Термин «реалия» имеет латинские корни, где он означает «реальный» или «фактический». Таким образом, его иногда используют для обозначения объекта или явления, которое существовало ранее или

существует в настоящее время. Однако в современном лингвистическом употреблении «реалия» представляется как лексические и грамматические явления, охватывающие все слои языка. Это, в связи с тем, что каждый аспект человеческой жизни в той или иной степени связан с культурой, подразумевает, что с «реалией» можно столкнуться практически в любой сфере человеческой жизни.

Прежде чем перейти к научной интерпретации реалий, важно сначала рассмотреть понятие «неэквивалентной лексики», поскольку этот языковой слой включает в себя определенные концепты, отражающие реалии. Некоторые исследователи интерпретируют термин «неэквивалентная лексика» как синоним термина «реалии» и взаимозаменяемый с ним, другие понимают его как нечто несколько более широкое, а третьи описывают его как нечто несколько более узкое, менее обширное, чем «реалии».

По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, неэквивалентная лексика обозначает «слова, содержание которых не может быть сопоставлено ни с какими лексическими понятиями иностранного языка» [3, с. 57]. Г. Расулова описывает это явление более кратко, а именно как «те понятия, которых нет в языке и культуре перевода» [7, с. 33]. Понимание этого понятия способствует последующему пониманию особенностей реалий.

Сами определения реалий, безусловно, многочисленны. Однако стоит отметить, что многие ученые отмечают отсутствие достаточно четких критериев для определения реалий, а также недостаток всесторонних исследований, посвященных специфике этих языковых единиц.

Ряд ученых давали различные определения реалиям. Например, одно из простейших определений реалий дает Л. С. Бархударов. Он рассматривает их как «предметы и явления, характерные для данного народа и страны» [2, с. 14].

О. С. Ахманова в своем «Словаре лингвистических терминов» описывает реалии следующим образом: «совокупность факторов, изучаемых внешней лингвистикой, таких как государственное устройство данной страны, история и культура этого народа, языковые контакты носителей языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», при этом второе определение гласит: «предметы материальной культуры» [1, с. 370]. Именно такое разделение в определении термина вызывает критику со стороны ученых, считающих его слишком расплывчатым и запутанным, что может привести к неверному толкованию из-за его основного значения в повседневном использовании [6].

Г. Д. Томахин характеризует это явление как «названия объектов материальной культуры, присущие только определенным нациям и народам, факты истории, государственные институты, имена национальных и фольклорных героев, мифологические существа и т. д.» [5, с. 5].

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, реалии – это лексические единицы, характерные для образа жизни, быта, культуры, развития в области социологии и истории того или иного народа [4]. Наряду с исчерпывающим определением понятия «реалии» С. И. Влахов и С. П. Флорин выдвигают такие сопутствующие термины, как «реалия-объект» и «реалия-слово». Реалия-объект, по их мнению, это объект или понятие, культурно специфичное для данного языка и отсутствующее в других языках, тогда как реалия-слово – это конкретная лексическая единица, служащая для обозначения таких объектов и понятий [4].

Таким образом, в современной лингвистике не существует общепринятого определения реалии, поскольку это понятие связано с другими терминами и концептами. Более того, каждый лингвист подходит к изучению реалий со своей собственной точки зрения, что приводит к появлению конкретных и подробных описаний, отражающих особые характеристики реалий.

В каждом языке существует множество реалий, отличающихся по своим характеристикам в плане лексики, произношения и грамматики. Следовательно, крайне важно структурировать эти реалии в единую систему, то есть классифицировать их.

Было разработано несколько классификаций реалий. Тем не менее, наиболее полные и подробные описания реалий и их классификации можно найти в работах С. И. Влахова и С. П. Флорина. Эти ученые первыми провели обширное исследование по теме реалий и предложили комплексную классификацию этого явления. На основе своего анализа они выделили следующую схему классификации реалий [4]:

1. предметное деление;
2. местное деление;
3. временное деление.

Как отмечают С. И. Влахов и С. П. Флорин, предметное деление включает следующие категории:

1. Географические реалии, которые в первую очередь относятся к физической географии и её разделам, а также к смежным наукам, таким как фитогеография, зоогеография, палеогеография и т. д. [4]. В этот подраздел лингвисты включают:

а) названия объектов физической географии, включая метеорологию (прерия, торнадо);

б) названия географических объектов, связанных с деятельностью человека (язовир, чалтык);

в) названия эндемичных видов (баобаб, кенгуру).

2. Этнографические реалии, которые включают слова, обозначающие образ жизни народа, его культуру. В этот подраздел входят:

а) быт: еда, напитки (чебурек, эль), одежда (кимоно), жилье, мебель, утварь (юрта, бунгало), транспорт (ландо, тройка);

б) труд: трудящиеся (конюх, фермер), орудия труда (мачете, лассо), организация труда (ферма, ранчо);

в) искусство и культура: музыка и танец (лезгинка), музыкальные инструменты (банджо, гусли), фольклор (частушки), театр (арлекин), другие виды искусства и предметы искусства (икебана), исполнители (трубадур), обычаи, ритуалы (мартеница), праздники, игры (масленица, лапта), мифология (Дед Мороз, Баба Яга), религия – священнослужители и верующие (шаманы), календарь (Вайшак);

г) этнические объекты: этнонимы (казахи, баски), прозвища (обычно юмористические или уничижительные) (Фриц, Краут), названия людей по месту жительства (москвич, лондонец);

д) измерения и деньги: единицы измерения (фут, ярд), денежные единицы (рубль, лира).

3. Социально-политические реалии, относящиеся к «обществу и его организации, правительству и государственным вопросам страны» [4, с. 75]. К этим реалиям относятся:

а) административно-территориальное устройство: административно-территориальные единицы (кантон, графство), населённые пункты (хутор, аул), части населённого пункта (кремль, округ);

б) органы и структуры власти: органы власти (Риксдаг, Дума), представители власти (царь, хан);

в) социально-политическая жизнь: политические организации и политики (тори, большевики), патриотические и общественные движения (и их деятели) (партизаны, суфражистки), социальные явления и движения (лоббисты, хиппи), звания, степени, титулы, формы обращения (принц, сэр), учреждения (Наркомпрос, ЗАГС), образовательные и культурные учреждения (кампус, школа-интернат), классы и касты (дворянство, самураи), знаки и символы (полумесяц, красное знамя);

г) военная лексика: подразделения (легион, орда), оружие (мушкет, «Катюша»), форма (шако); военнослужащие (Гарде-Марин, янычары).

Стоит отметить, что между предметными категориями наблюдается некоторое пересечение, поскольку лексическая единица может обладать семантическими характеристиками, применимыми к нескольким категориям. Например, некоторые праздники тесно связаны с религиозными торжествами, что позволяет отнести их как к классу «праздники», так и к классу «религия». Вследствие этого классификация собранной информации в некоторых случаях может носить субъективный характер.

Согласно этой классификации, второй тип реалий относится к региональному разделу. Однако важно отметить, что классификация в рамках этого раздела основана не только на географической принадлежности, но и учитывает национальное происхождение объекта, на который указывает реалия, а также соответствующую языковую пару. В рамках данного подразделения реалии классифицируются следующим образом.

1. Относящиеся к одному языку:

а) исходные, или присущие данному языку реалии:

- национальные реалии, которые обозначают объекты и явления, принадлежащие данной нации, но являющиеся чуждыми для тех, кто не принадлежит к ней;
- локальные реалии, обозначающие «диалекты и социолекты, обладающие ключевыми чертами реалий» [4, с. 62];
- микрореалии, описывающие реалии, характерные для конкретного города, поселка, деревни или семьи.

б) Иностранные, или реалии, чуждые данному языку:

- региональные реалии, относящиеся к тем объектам и явлениям, которые «пересекли границы конкретной, не обязательно географически соседней страны или распространились среди нескольких народов, зачастую вместе со своими референтами, став таким образом неотъемлемой частью лексики множества языков» [4, с. 60];
- международные реалии, которые присутствуют в лексике большого числа языков, при этом обычно сохраняя часть своей первоначальной национальной окраски.

3. По языковой паре:

а) внешние реалии, одинаково чуждые обоим языкам;

б) внутренние реалии, присущие одному языку в паре, но не другому.

Касаемо последнего критерия, рассматриваемого в данном исследовании, а именно временного деления, С. И. Влахов и С. П. Флорин выделяют две основные группы реалий:

1. современные (коворкинг, ЕГЭ);
2. исторические (губерния, фараон) [4].

Несмотря на то, что конкретные критерии разграничения этих двух групп явно не указаны, можно сделать вывод, что группа «современных» реалий относится к объектам, используемым языковым сообществом для обозначения понятий, существующих в определенный период, тогда как группа «исторических» реалий представляет понятия, связанные с прошлым конкретной социальной группы.

И так, хотя универсального определения термина «реалия» не существует и ученые не пришли к единому мнению по поводу его значения, поскольку интерпретируют его по-разному, обычно под ним понимаются языковые единицы, отражающие уникальные особенности конкретной национальной, исторической, культурной и бытовой специфики и не имеющие прямых эквивалентов в других языках и культурах. Такая интерпретация охватывает основные понятия, встречающиеся в других определениях, и при этом более понятна. Наиболее детальную и системную классификацию реалий предложили С. И. Влахов и С. П. Флорин, выделившие предметное, местное и временное основания для группировки данной лексики. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на уточнение критериев разграничения реалий и смежных понятий, а также на разработку универсальных принципов их перевода и лексикографического описания.

Литература:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.

2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.

3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; под ред. и с послесл. ак-ка Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2019. – 1040 с.

4. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.

5. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г. Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.

6. Kharina, A. Realia in Literary Translation: A quantitative and qualitative study of Russian realia in Norwegian and English translations / A. Kharina. – Oslo, 2019. – 305 p.

7. Rasulova, G. The notion of realia in contemporary linguistics / G. Rasulova // Philological sciences. – 2020. – Vol. 2, No. 55. – P. 32-34.

Политика О.И.
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
e-mail: okcanapolitika@yandex.ru
Гущина Э.А.
магистрант
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
e-mail: eri768@mail.ru

Politika O.I.
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology
Ufa University of Science and Technology
Gushchina E.A.
Master's Student
Ufa University of Science and Technology

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЦ С РАССТРОЙСТВАМИ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНОГО ТРАКТА

Аннотация. В статье рассматривается психоэмоциональное состояние лиц с расстройствами желудочно-кишечного тракта. С помощью методики САН были изучены показатели самочувствия, активности и настроения у 60 пациентов. Полученные результаты показали снижение самочувствия и активности при относительно более сохранном настроении, что указывает на влияние заболевания на физическое состояние и повседневную активность пациентов.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние, заболевания желудочно-кишечного тракта (далее - ЖКТ), самочувствие, активность, настроение, методика САН.

PSYCHOEMOTIONAL STATE OF PERSONS WITH GASTROINTESTINAL TRACT DISORDERS

Abstract. The article discusses the psychoemotional state of individuals with gastrointestinal disorders. Using the SAN method, the indicators of well-being, activity, and mood were studied in 60 patients. The results showed a decrease in well-being and activity, while the mood remained relatively stable, indicating the impact of the disease on the physical condition and daily activities of the patients.

Keywords: psychoemotional state, gastrointestinal tract diseases (GIT), well-being, activity, mood, and the SAN method.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к середине XXI века заболевания органов пищеварения могут стать одной из распространённых групп заболеваний. На их развитие влияет не только состояние организма, но и особенности образа жизни человека. Среди факторов риска можно выделить частые стрессовые ситуации, низкую физическую активность, вредные привычки, нарушения режима питания [3].

Психоэмоциональное состояние играет важную роль в развитии и течении заболеваний желудочно-кишечного тракта. Эмоциональное напряжение, тревога и стресс могут не только

сопровождать заболевание, но и усиливать его проявления, влиять на процесс выздоровления. Поэтому при изучении пациентов с расстройствами ЖКТ важно учитывать не только соматические жалобы, но и личностные особенности, уровень тревожности, напряженности и способы эмоционального реагирования на болезнь [4].

Стрессовые факторы также могут оказывать влияние на работу желудочно-кишечного тракта через вегетативную нервную систему. Они воздействуют на настроение, когнитивные функции и могут изменять моторику ЖКТ, в том числе через регуляцию высвобождения кортикотропин-рилизинг-гормона [5]. Это показывает, что психическое и соматическое состояние у пациентов с заболеваниями ЖКТ тесно связаны между собой.

Связь между психотравмирующими ситуациями и развитием гастроэнтерологических заболеваний является достаточно выраженной. По данным исследования, в 60% случаев возникновение заболеваний ЖКТ было связано с психотравмой. Также было выявлено, что обострение данных заболеваний имело связь с психотравмирующими факторами в 20% случаев [1].

Изучение реакций пациентов помогает лучше понять особенности их внутренней картины болезни. При хронических заболеваниях ЖКТ у больных могут наблюдаться сниженное настроение, раздражительность, тревожность, склонность к самокритике и высокая требовательность к себе и окружающим. При этом такие пациенты часто нуждаются в поддержке, внимательном отношении и понимании. Негативные эмоциональные реакции могут быть связаны с длительным дискомфортом, болевыми ощущениями, ограничениями в повседневной жизни и переживаниями по поводу своего состояния [2].

Одним из исследований, позволяющим оценить психоэмоциональное состояние пациентов является опросник самочувствие, активности и настроения (далее опросник САН), разработанный в 1973 году В.А. Доскиным, Н.А. Лавретевым, В.Б. Шараем и М.П. Мирошниковым. Опросник состоит из 30 пар противоположенных характеристик, определяющих настроение, активность и настроение, т.е. по 10 вопросов на категорию функционального состояния опрашиваемого. Каждая пара характеристики представляет собой шкалу, и опрашиваемый по шкале отмечает степень выраженности того или иного признака своего состояния. Шкала оценивается баллами. Крайняя степень выраженности негативного полиса пары характеристик оценивается как один балл, а положительного полиса - максимально в 7 баллов. Полученные баллы группируются в три категории: самочувствие, активность и настроение, и подчитываются по каждой в отдельности. Диапазон суммы баллов по критерию - от 10 до 70, что позволяет выявить функциональное состояние опрашиваемого в данный момент по принципу: менее 30 баллов - низкая оценка, от 30 до 50 баллов - средняя и более 50 - высокая. Для определения среднего балла шкалы сумма балов делятся на 10. Среднеарифметическим баллом шкалы является 4 балла. Оценки, превышающие 4 балла, свидетельствуют о благоприятном состоянии опрашиваемого, оценки ниже 4 баллов - об неблагоприятном состоянии. Нормальные оценки состояния - в диапазоне 5,0-5,5 баллов.

Исследования психоэмоционального состояния лиц с расстройствами желудочно-кишечного тракта проводились на базе ГБУЗ Республиканская клиническая больница им. Г.Г. Куватова. В тестировании опросником САН приняли участие 60 пациентов с расстройствами желудочно-кишечного тракта, находившихся на стационарном лечении в гастроэнтерологическом отделении.

Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты опросника САН у лиц с расстройствами ЖКТ

Критерий	Me±SD
Самочувствие	3.95±1.2
Активность	3.99±1.1
Настроение	4.36±1.1

Как видно из таблицы, значение среднеарифметического и стандартного отклонения показателя критерия «самочувствия» у лиц с расстройствами желудочно-кишечного тракта в данном исследовании составил 3,95±1,2 балла. Данный показатель находится ниже 4 баллов, что свидетельствует, что опрашиваемые оценивают своё функциональное состояние как неблагоприятное. Это может быть связано с неприятными телесными ощущениями, болезненностью, слабостью, утомляемостью, дискомфортом и общим ощущением физического неблагополучия.

Снижение самочувствия у пациентов с заболеваниями ЖКТ может объясняться острым или обострением хронического течения болезни. Даже если пациент стационара уже на стадии выздоровления, все равно он сохраняет повышенное внимание к своему телу и воспринимает отдельные ощущения как важные. Постоянный дискомфорт ощущается как часть повседневного состояния и продолжает влиять на общее самочувствие пациента.

Значение среднеарифметического стандартного отклонения показателя критерия «активности» составил 3,99±1,1, что также можно рассматривать как слегка сниженный уровень. Это говорит о том, что у опрашиваемых наблюдается снижение бодрости, энергии, работоспособности и общей включенности в повседневную деятельность. Пациенты с расстройствами ЖКТ могут быстрее утомляться, меньше проявлять инициативу и чаще ограничивать свою активность, тем более находящиеся на стационарном лечении.

Снижение активности может быть связано не только с болезненностью, но и с переживаниями по поводу болезни. Если человек боится ухудшения состояния или усиления симптомов, он может заранее ограничивать себя в привычных делах, избегая нагрузок. С одной стороны, это способ защиты, особенно на начальных этапах заболевания, но с другой стороны, при длительном течении болезни это снижает общую активность и качество жизни.

Значение среднеарифметического стандартного отклонения показателя критерия «настроения» составил 4,36±1,1. Он оказался выше, чем показатели «самочувствия» и «активности». Эмоциональное фон пациентов, по-видимому, несколько лучше, чем их физическое самочувствие или их активность. Но этот показатель не очень высок. Он не достигает 5,0 или 5,5 баллов, которые показывают благоприятное состояние пациента. Это может быть связано с усталостью, которую они испытывают от долгой болезни, а также с постоянным дискомфортом и тем, что находятся в стационаре.

Такое настроение может объясняться тем, что часть пациентов уже успела привыкнуть к своему заболеванию. То есть оно перестало восприниматься как что-то полностью новое и пугающее, и человек начинает к нему адаптироваться. На эмоциональный фон, конечно, влияют и внешние вещи. Например, поддержка со стороны семьи, надежда на ремиссию, хороший опыт лечения и в целом доверие к врачам и больнице. Но даже если настроение выглядит более ровным, это не значит, что внутри все спокойно. У многих все равно сохраняется тревога, напряжение и мысли о болезни, особенно когда появляются неприятные ощущения или страх ухудшения состояния.

В целом результаты методики САН показывают, что у пациентов с расстройствами желудочно кишечного тракта сильнее снижены самочувствие и активность, а настроение остается относительно более сохранным. Получается, что заболевание больше «бьет» по физическому состоянию и энергии. Человеку может быть тяжело быть активным, быстро появляется усталость, хочется меньше делать дел и больше отдыхать. При этом эмоциональный фон может держаться лучше, но он все равно не идеальный. Поэтому можно сказать, что психоэмоциональное состояние является важной частью внутренней картины болезни у пациентов с расстройствами ЖКТ, так как оно влияет на то, как человек переживает заболевание и как он справляется с ним в повседневной жизни.

Литература:

1. Парахонский А. П. Связь психологических и соматических нарушений при гастроэнтерологической патологии // Фундаментальные исследования. 2007. № 2. С. 93–93. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=2580 (дата обращения: 29.04.2026).

2. Ресурсный центр по разработке и апробации методик и технологий в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов. Основы психологии болезни [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://вичугский-цсо.рф/tinybrowser/files/innovatc_deiat/2021/0221/osnovy-psihologii-bolezni.pdf (дата обращения: 28.04.2026).

3. Сердюков М. А., Сердюкова Т. В. Особенности динамики общей заболеваемости от болезней органов пищеварения в Астраханской области // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-dinamiki-obschey-zabolevaemosti-ot-bolezney-organov-pischevareniya-v-astrahanskoy-oblasti (дата обращения: 29.04.2026).

4. Фирсова Л. Д., Маслова Е. А. Психосоматические аспекты хронических заболеваний органов пищеварения // ЭиКГ. 2008. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psihosomaticheskie-aspekty-hronicheskih-zabolevaniy-organov-pischevareniya (дата обращения: 28.04.2026).

5. Sang-Yeol Lee, Han-Seung Ryu, Suck-Chei Choi, Seung-Ho Jang. A Study of Psychological Factors Associated with Functional Gastrointestinal Disorders and Use of Health Care // Clinical Psychopharmacology and Neuroscience. 2020. Vol. 18, № 4. P. 580–586. URL: https://www.researchgate.net/publication/346552886_A_Study_of_Psychological_Factors_Associated_with_Functional_Gastrointestinal_Disorders_and_Use_of_Health_Care#references (дата обращения: 28.04.2026).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Байкин И.А.
студент
факультет международных экономических отношений
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Н.Л. Орлова

Baykin I.A.
Student
Faculty of International Economic Relations
Financial University under the Government of the Russian Federation
scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation
N.L. Orlova

МЕХАНИЗМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСОБЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: ИНСТРУМЕНТЫ ОЭЗ ШЭНЬЧЖЭНЬ И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ В УСЛОВИЯХ ОЭЗ «ДУБНА»

Аннотация. Цель работы - выявить и систематизировать ключевые механизмы привлечения прямых иностранных инвестиций и оценить границы их возможной адаптации к условиям российской технико-внедренческой ОЭЗ «Дубна». Методология основана на сравнительно-правовом и экономико-правовом анализе. В результате выявлен ряд Шэньчжэньских инвестиционных инструментов: предынвестиционное закрепление национального режима, ускоренные процедуры «одного окна» и цифрового реестра резидентов, механизмы долгосрочной аренды земли с правом залога инвестиционных проектов, а также разветвлённую систему пострегистрационного сопровождения через специализированное агентство. Делается вывод, что для наращивания притока ПИИ в ОЭЗ «Дубна» целесообразно частично реципировать такие Шэньчжэньские инструменты, как негативный список для допуска инвесторов, электронная платформа «единого окна» для резидентов и институт инвестиционного омбудсмена на уровне управляющей компании.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, особые экономические зоны, инвестиционные инструменты, единое окно, инвестиционный климат, сравнительный анализ.

MECHANISMS FOR ATTRACTING FOREIGN DIRECT INVESTMENT TO SPECIAL ECONOMIC ZONES: TOOLS OF THE SHENZHEN SEZ AND THEIR APPLICABILITY IN THE DUBNA SEZ

Abstract. The purpose of the work is to identify and systematize the key mechanisms for attracting foreign direct investment and to assess the limits of their possible adaptation to the conditions of the Russian technical and innovation SEZ Dubna. The methodology is based on comparative legal and economic-legal analysis. As a result, a number of Shenzhen investment instruments were identified: pre-investment consolidation of the national regime, accelerated single window procedures and a digital register of residents, mechanisms for long-

term lease of land with the right to pledge investment projects, as well as an extensive system of post-registration support through a specialized agency. It is concluded that in order to increase the inflow of FDI into the Dubna SEZ, it is advisable to partially receive such Shenzhen tools as a negative list for the admission of investors, an electronic single window platform for residents and the institute of an investment ombudsman at the management company level.

Keywords: foreign direct investment, special economic zones, investment instruments, single window, investment climate, comparative analysis.

Привлечение прямых иностранных инвестиций является одной из ключевых стратегических задач для особых экономических зон, стремящихся стать центрами технологического развития и интеграции в мировые экономические цепочки. Однако эффективность решения этой задачи напрямую зависит от набора и качества предлагаемых инвесторам механизмов и инструментов. В мировом опыте беспрецедентным успехом в привлечении ПИИ обладает китайская ОЭЗ Шэньчжэнь, ставшая символом «экономического чуда» и глобальным промышленным хабом. Российская ОЭЗ технико-внедренческого типа «Дубна», обладающая значительным научным потенциалом, демонстрирует иные, более скромные результаты в этой сфере. Сравнительный анализ инструментария Шэньчжэня и оценка его применимости к условиям «Дубны» позволяет выявить не только причины расхождений, но и сформулировать адаптированные меры для повышения инвестиционной привлекательности российских ОЭЗ в условиях санкционного давления и перестройки международных экономических связей.

1. Система инструментов привлечения ПИИ в ОЭЗ Шэньчжэнь: комплексный подход

Успех Шэньчжэня был обусловлен не единичными льготами, а созданием целостной, взаимосвязанной системы привлечения капитала, основанной на уникальной политической воле и гибкости регулирования.

1.1. Нормативно-правовые и административные инструменты:

- Законодательный эксперимент и автономия: Ключевым инструментом было делегирование Шэньчжэню права на собственное экономическое законодательство. Это позволило создать правовую среду, кардинально отличающуюся от остального Китая: упрощенные правила регистрации предприятий с иностранным капиталом, гибкое трудовое законодательство, либерализованные валютные операции. Инвестор получал правовую предсказуемость и стабильность внутри зоны.
- «Одно окно» и высокая скорость: Администрация ОЭЗ обладала консолидированными полномочиями для быстрого согласования и утверждения проектов, сокращая бюрократические процедуры с месяцев до дней. Это снижало неопределенность и транзакционные издержки.
- Гарантии прав инвесторов: на раннем этапе особое значение имели гарантии защиты иностранной собственности и возможности репатриации прибыли, что было критически важно в условиях переходной экономики Китая 1980-х годов.

1.2. Фискальные и финансовые инструменты:

- Долгосрочные и агрессивные налоговые каникулы: Предоставление полного освобождения от налога на прибыль на начальный период (2-3 года) с последующим льготным налогообложением (например, 50% от стандартной ставки). Снижение или отмена НДС и таможенных пошлин на импорт оборудования, сырья и комплектующих для экспортноориентированного производства.
- Низкая стоимость факторов производства: Государственная политика обеспечивала доступ к долгосрочной аренде земли по символическим ставкам, субсидируемой энергии и инфраструктуре. Это создавало решающее конкурентное преимущество для промышленных инвесторов.

- Прямое бюджетное финансирование инфраструктуры: Масштабные вложения в создание мирового уровня транспортной, логистической, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры «с нуля».

1.3. Стратегические и отраслевые инструменты:

- Формирование кластеров: Целенаправленное привлечение не просто отдельных компаний, а цепочек взаимосвязанных предприятий (например, в электронике). Это создавало синергетический эффект, снижало логистические издержки и формировало самовоспроизводящуюся экосистему.
- Связь с мировым рынком: Ориентация изначально на экспортное производство как главный драйвер. Льготы были жестко привязаны к доле экспорта в выручке, что стимулировало интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости.
- Эволюция фокуса: По мере развития инструментарий адаптировался: от привлечения трудоемкого производства к стимулированию высоких технологий и НИОКР через гранты, создание технопарков и венчурных фондов с государственным участием.

2. Инструментарий привлечения ПИИ в ОЭЗ «Дубна»: российские реалии

Инструменты «Дубны» формируются в рамках общего федерального закона об ОЭЗ и отражают иные приоритеты и институциональные ограничения.

2.1. Основные действующие механизмы:

- Стандартизированные налоговые льготы: Льготы по налогу на прибыль (снижение ставки, подлежащей зачислению в региональный бюджет, до 13.5% или менее), освобождение от имущественного и земельного налогов на определенный срок. Эти льготы являются типовыми для всех технико-внедренческих зон РФ.
- Таможенные процедуры: Режим свободной таможенной зоны, позволяющий ввозить иностранное оборудование и компоненты без уплаты таможенных пошлин и НДС.
- Административное сопровождение: Услуги управляющей компании по принципу «одного окна» для резидентов, помощь в подключении к инфраструктуре и взаимодействии с контролирующими органами.
- Научно-кадровый потенциал: Ключевым нематериальным активом является близость к Объединенному институту ядерных исследований (ОИЯИ) и другим научным центрам, что позиционируется как преимущество для инвесторов в НИОКР.

2.2. Системные ограничения инструментария:

- Отсутствие регуляторной автономии: «Дубна» действует в рамках единого правового поля РФ. Невозможно создать специальные, более либеральные правила в сфере трудового, валютного, миграционного или экологического регулирования, как это было в Шэньчжэне.
- Фискальная, а не стратегическая логика: Льготы носят преимущественно фискальный характер и слабо привязаны к стратегическим показателям проекта (объем экспорта, локализация технологий, создание цепочек добавленной стоимости).
- Ограниченность прямых финансовых инструментов: Управляющая компания не обладает собственными значительными финансовыми ресурсами для соинвестирования, предоставления грантов или гарантий. Развитие инфраструктуры зависит от федерального и регионального бюджетов.
- Ориентация на внутренний рынок: в отличие от экспортной модели Шэньчжэня, резидент «Дубны» часто ориентируется на внутренний российский рынок, что снижает глобальную привлекательность для транснациональных корпораций.

3. Анализ применимости инструментов Шэньчжэня к условиям ОЭЗ «Дубна»: адаптация/ограничения

Прямое копирование китайского опыта невозможно в силу фундаментальных политических, правовых и экономических различий. Однако адаптация ключевых принципов представляется необходимой.

3.1. Инструменты, требующие системных изменений и имеющие низкую применимость:

- Законодательная автономия: Предоставление ОЭЗ права принимать собственные экономические законы противоречит принципу единства экономического и правового пространства РФ. Однако возможно движение в сторону «регуляторных песочниц» – экспериментальных правовых режимов для тестирования новых регуляторных подходов в ограниченном периметре (например, в сфере цифровых инноваций или регулирования беспилотного транспорта).
- Символическая аренда земли и субсидирование энергии: в условиях рыночной экономики и бюджетных ограничений тотальное субсидирование факторов производства невозможно. Однако можно развивать механизм долгосрочной стабилизационной оговорки в договорах аренды, гарантирующей инвестору неизменность ключевых условий на 20-30 лет.

3.2. Инструменты, подлежащие адаптации и развитию:

- Стратегическое кластерное развитие: Управляющая компания и региональные власти могут перейти от привлечения отдельных резидентов к активному формированию технологических кластеров (ядерно-физические технологии, биофарма, композиты). Это требует разработки отраслевых «дорожных карт» и целевого поиска якорных инвесторов и их поставщиков.
- Привязка льгот к стратегическим KPI: Систему льгот необходимо усложнить, сделав ее многоуровневой и привязанной к результатам. Например, дополнительные преференции могут предоставляться за превышение плановых показателей по экспорту, уровню локализации R&D, созданию высококвалифицированных рабочих мест.
- Расширение финансовых инструментов: Создание при участии государственных институтов развития (ВЭБ.РФ, «Иннопрактика») специализированного фонда венчурного инвестирования и проектного финансирования, ориентированного исключительно на резидентов ОЭЗ «Дубна». Это позволит закрыть «долину смерти» для инновационных стартапов.
- Активная «мягкая» локализация и работа с диаспорой: в условиях переориентации на страны Азии, Ближнего Востока и СНГ, инструментом может стать целевая программа по привлечению компаний и предпринимателей из этих регионов, включая помощь в адаптации, создание комьюнити и упрощение миграционных процедур для ключевого персонала.

Заключение

Механизмы привлечения ПИИ в ОЭЗ Шэньчжэнь представляли собой комплексную систему, где фискальные льготы были лишь одним элементом на фоне беспрецедентной регуляторной автономии, стратегической воли и масштабных инфраструктурных вложений государства. Инструментарий ОЭЗ «Дубна», ограниченный рамками федерального закона и бюджетными реалиями, действует в другой парадигме – обеспечения точечных преимуществ для конкретных проектов в высокотехнологичных отраслях.

Повышение эффективности привлечения иностранных инвестиций в «Дубну» в современных условиях лежит не в попытке воспроизвести китайскую модель, а в ее стратегической адаптации. Это предполагает переход от универсальных фискальных льгот к точечным, смарт-инструментам, нацеленным на формирование технологических кластеров, усиление финансовой и инфраструктурной поддержки, а также на создание в рамках существующего правового поля особых условий для «регуляторного тестирования» инноваций. Трансформация ОЭЗ из территории с льготным налогообложением в экосистему с уникальной концентрацией компетенций, капитала и благоприятной деловой среды является единственным путем для достижения качественно нового уровня привлечения

ПИИ. Опыт Шэньчжэня служит не инструкцией, а источником принципов системного подхода, которые должны быть творчески переосмыслены с учетом российских реалий и глобальных вызовов.

Литература:

1. Закон КНР «О регулировании иностранных инвестиций» (принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва 15 марта 2019 г., вступил в силу 1 января 2020 г.) (на кит. и англ. яз.).

2. Положение об управлении особыми экономическими зонами в КНР (1980 г., с послед. изм.) (на кит. яз.).

3. Специальное положение об иностранных инвестициях в особой экономической зоне Шэньчжэнь (утверждено Народным правительством города Шэньчжэнь, 2020 г., с послед. изм.) (на кит. яз.).

4. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3493.

5. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

Байкин И.А.
студент
факультет международных экономических отношений
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Н.Л. Орлова

Baykin I.A.
Student
Faculty of International Economic Relations
Financial University under the Government of the Russian Federation
scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation
N.L. Orlova

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОСОБЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЗОНАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ОЭЗ «ДУБНА» (РФ) И ОЭЗ ШЭНЬЧЖЭНЬ (КНР)

Аннотация. В статье рассматриваются правовые модели и институты управления особыми экономическими зонами: сравнительный анализ на примере ОЭЗ «Дубна» (РФ) и ОЭЗ Шэньчжэнь (КНР).В результате установлено, что модель Шэньчжэня базируется на широкой нормативно-экспериментальной автономии региональных властей и гибкости локального нормотворчества, тогда как для ОЭЗ «Дубна» характерны более жесткая управленческая вертикаль, централизация полномочий на федеральном уровне и фрагментарность регулирования на этапе становления. Вывод заключается в целесообразности адаптации отдельных институтов китайской практики к российским условиям, что может способствовать повышению гибкости управления ОЭЗ и росту их инвестиционной привлекательности без нарушения единства правового пространства страны.

Ключевые слова: особые экономические зоны, правовая модель, институты управления, сравнительно-правовой анализ, инвестиционное законодательство, технико-внедренческая деятельность, налогообложение резидентов.

LEGAL MODELS AND MANAGEMENT INSTITUTIONS OF SPECIAL ECONOMIC ZONES: A COMPARATIVE ANALYSIS USING THE EXAMPLE OF THE DUBNA SEZ (RF) AND THE SHENZHEN SEZ (PRC)

Abstract. This article examines legal models and governance institutions for special economic zones: a comparative analysis using the Dubna SEZ (Russia) and the Shenzhen SEZ (China) as examples. It is established that the Shenzhen model is based on broad regulatory and experimental autonomy for regional authorities and flexibility in local rulemaking, while the Dubna SEZ is characterized by a more rigid vertical governance structure, centralization of powers at the federal level, and fragmented regulation during its development. The conclusion is that adapting certain institutions from Chinese practice to Russian conditions is advisable, which could contribute to increased flexibility in SEZ governance and enhance their investment attractiveness without disrupting the integrity of the country's legal framework.

Keywords: special economic zones, legal model, management institutions, comparative legal analysis, investment legislation, technical and innovation activities, taxation of residents.

Особые экономические зоны давно зарекомендовали себя как эффективный инструмент регионального развития, привлечения инвестиций и стимулирования технологического прогресса. Однако их успех напрямую зависит от выбранной правовой модели и институтов управления, которые определяют степень свободы, предсказуемости и эффективности взаимодействия резидентов с государством. Сравнительный анализ наиболее репрезентативных моделей – российской, на примере ОЭЗ технико-внедренческого типа «Дубна», и китайской, на примере особой экономической зоны Шэньчжэнь, – позволяет выявить ключевые правовые и организационные факторы результативности. Шэньчжэнь, превратившийся из рыбацкой деревни в глобальный мегаполис и технологический хаб, и «Дубна», один из ведущих российских научно-технологических центров, демонстрируют два разных подхода к интеграции зоны в национальную экономическую и правовую систему.

Цель исследования заключается в выявлении принципиальных различий и наиболее эффективных правовых решений в сфере управления особыми экономическими зонами. Методологическую основу работы составили сравнительно-правовой метод, а также функциональный и институциональный анализ нормативных правовых актов РФ и КНР.

1. Методологические основы сравнения: цели и правовая природа зон

Изначальная постановка целей во многом предопределила правовую архитектуру этих ОЭЗ.

ОЭЗ Шэньчжэнь была создана в 1980 г.: Её создание носило экспериментально-преобразующий характер. Это была не просто зона льгот, а «полигон» для испытания рыночных реформ в условиях плановой экономики, «окно» для иностранных инвестиций и технологий, а также локомотив для развития всего прилегающего региона (дельта реки Чжуцзян). Правовой режим был направлен на максимальное упрощение внешнеэкономической деятельности и создание благоприятного климата для экспортноориентированного производства.

В свою очередь, цели ОЭЗ «Дубна», созданной в 2005 г., носят более сфокусированный, отраслевой характер. Зона создавалась для развития высоких технологий, коммерциализации научных разработок, сосредоточенных в Объединенном институте ядерных исследований и других научных учреждениях города, а также для диверсификации экономики моногорода. Правовой режим нацелен на поддержку конкретных видов деятельности (инновации, ИТ, био- и ядерно-физические технологии) через налоговые и таможенные льготы.

Таким образом, Шэньчжэнь изначально задумывался как масштабный социально-экономический эксперимент с высокой степенью автономии, а «Дубна» - как специализированный инструмент развития существующего научного потенциала в рамках общероссийского закона об ОЭЗ.

2. Правовая модель и нормативное регулирование

Ключевое различие заключается в иерархии и гибкости правового регулирования.

- ОЭЗ Шэньчжэнь: «Конституционная» модель с делегированием полномочий.

Высший уровень: Основы правового статуса были закреплены на уровне центрального правительства КНР, предоставившего провинции Гуандун и городу Шэньчжэнь исключительные законодательные полномочия. Это позволило создавать местное законодательство, отличное от общекитайского, в сфере экономического регулирования, трудовых отношений, землепользования.

Гибкость: Правовая система зоны развивалась итеративно: сначала вводились упрощенные временные правила, которые после успешного апробирования могли масштабироваться на национальном уровне. Это создавало уникальный режим «правового эксперимента».

Статус: Сегодня Шэньчжэнь сохраняет статус Особой экономической зоны, но эволюционировал в мегаполис с собственными комплексными законами, став де-факто законодательным «пилотным» регионом для всей страны (например, в сфере цифровой экономики).

- ОЭЗ «Дубна»: «Рамочная» модель в условиях единого правового поля.

Высший уровень: Регулирование основано на федеральном законе № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Закон устанавливает исчерпывающий перечень льгот и правил для каждого типа ОЭЗ.

Ограниченная гибкость: Управляющая компания и власти региона действуют в строгих рамках федерального закона. Любые дополнительные преференции (например, региональные налоговые льготы) требуют сложных согласований и не могут противоречить федеральному законодательству. Право «на эксперимент» минимально.

Стандартизация: Модель управления и набор льгот для технико-внедренческих зон едины по всей России, что обеспечивает предсказуемость, но ограничивает возможность учета уникальной специфики конкретной локации.

3. Институты управления: централизация vs. интеграция

Управленческая архитектура отражает различия в правовых моделях.

- ОЭЗ Шэньчжэнь: Интегрированная модель с широкими полномочиями.

Единый орган: Функции управления были сконцентрированы в администрации ОЭЗ Шэньчжэнь, которая совмещала полномочия городского народного правительства и дирекции зоны. Это позволяло оперативно решать вопросы землеотвода, градостроительства, лицензирования, регистрации предприятий и инфраструктурного развития в рамках одного окна.

Принцип «одного окна»: Администрация обладала делегированными полномочиями от различных министерств и ведомств, что кардинально сокращало сроки согласований для инвесторов.

Самофинансирование: Значительная часть доходов от аренды земли и развития территории реинвестировалась в инфраструктуру самой зоны, создавая цикл саморазвития.

- ОЭЗ «Дубна»: Дисперсная модель с разделением функций.

Трехуровневая система:

1.Федеральный уровень: Министерство экономического развития РФ (исторически – Минэкономразвития) утверждает положение о зоне и контролирует общую политику.

2.Региональный/муниципальный уровень: Правительство Московской области и администрация г.о. Дубна отвечают за земельные отношения, сопутствующую инфраструктуру и региональную поддержку.

3.Операторский уровень: Акционерное общество «Особые экономические зоны» (АО «ОЭЗ») и его дочерняя управляющая компания на месте отвечают за привлечение резидентов, сервисное сопровождение и развитие инфраструктуры внутри зоны.

- Координация как вызов: Эффективность работы зоны зависит от качества взаимодействия между федеральным оператором, региональными властями и муниципалитетом, интересы которых могут не всегда совпадать.
- Бюджетное финансирование: Развитие инфраструктуры ОЭЗ зависит от федеральных и региональных бюджетных ассигнований, что делает процесс более зависимым от политического цикла и конкуренции за ресурсы.

4. Сравнительные результаты и адаптируемые уроки

- Масштаб эффекта: Шэньчжэнь привел к созданию нового глобального города-миллионника с диверсифицированной экономикой. «Дубна» успешно выполняет свои цели по

диверсификации экономики моногорода, созданию новых высокотехнологичных рабочих мест и поддержке существующего научного кластера, но в качественно иных масштабах.

- Ключевые факторы успеха Шэньчжэнь:

1. Законодательная автономия и право на эксперимент.
2. Высокая концентрация управленческих полномочий в одном органе.
3. Ориентация на глобальные цепочки создания стоимости и экспорт.
4. Самофинансирование развития.

- Уроки для российской и евразийской практики:

1. Делегирование регулирования: Возможность предоставления успешным ОЭЗ статуса «территорий опережающего развития» в регуляторной сфере (упрощенные нормы по труду, экологии, землеустройству) для ускорения реализации проектов.
2. Усиление интеграции управления: Создание на уровне конкретной ОЭЗ единого органа с расширенными полномочиями от всех уровней власти («проектный офис») могло бы снизить транзакционные издержки резидентов.
3. Механизмы реинвестирования: Внедрение моделей, при котором часть налоговых поступлений от резидентов ОЭЗ направляется на развитие её инфраструктуры, создавая мотивацию для управляющей компании и стимул для роста.

Заключение

По результатам статьи можно сделать следующий вывод.

Сравнительный анализ правовых моделей ОЭЗ «Дубна» и Шэньчжэнь показывает, что российская модель является жестко централизованной, рамочной и ориентированной на точечные отраслевые задачи в условиях единого правового поля. Китайская же модель Шэньчжэнь изначально была основана на идее предоставления территориальной автономии в регулировании, интегрированном управлении и масштабном социально-экономическом преобразовании. Обе модели доказали свою эффективность в достижении поставленных перед ними целей, однако потенциал для роста российской модели ОЭЗ может заключаться в заимствовании отдельных элементов гибкости и управленческой интеграции из китайского опыта. Для стран ЕАЭС, стремящихся создать собственные высокотехнологичные зоны, данный анализ указывает на необходимость выбора между специализированным, но жестко регулируемым инструментом и созданием более автономных «полигонов» для комплексного развития, что требует серьезных политических решений о делегировании полномочий.

Литература:

1. Закон КНР «Об особых экономических зонах» (принят на 15-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 26 августа 1980 г.) (на кит. яз.).

2. Положение об управлении особой экономической зоной Шэньчжэнь (утверждено Постоянным комитетом Собрания народных представителей провинции Гуандун, 1992 г., с послед. изм.) (на кит. яз.).

3. Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 781 «О создании на территории Московской области особой экономической зоны технико-внедренческого типа» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 52 (ч. III). – Ст. 5746.

4. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

Вагидов Т.Я.
аспирант
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Vagidov T.Y.
Postgraduate Student
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ЗАПРЕТЫ КАК ВНЕШНИЙ ПРЕДЕЛ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

Аннотация. Статья посвящена исследованию антимонопольных запретов в качестве внешнего предела осуществления исключительного права на товарный знак. Анализируется правовая природа антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности и их влияние на границы правообладания. Рассматривается механизм пересечения гражданско-правового и антимонопольного регулирования при квалификации действий правообладателя в качестве недобросовестной конкуренции. Исследуется содержание статьи 14.4 Федерального закона «О защите конкуренции» во взаимосвязи со статьей 10 Гражданского кодекса РФ. Обобщается судебная практика разрешения споров о признании приобретения и использования товарных знаков актом недобросовестной конкуренции. Выявляются правовые последствия антимонопольного вмешательства для действительности исключительного права. Предлагаются направления совершенствования механизмов антимонопольного контроля в данной сфере.

Ключевые слова: товарный знак, антимонопольный запрет, исключительное право, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом, антимонопольный иммунитет, пределы осуществления права, правовая охрана.

ANTIMONOPOLY PROHIBITIONS AS AN EXTERNAL LIMIT ON THE EXERCISE OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK

Abstract. The article investigates antimonopoly prohibitions as an external limit on the exercise of the exclusive right to a trademark. The legal nature of antimonopoly immunities in the sphere of intellectual property and their influence on the boundaries of right ownership are analyzed. The mechanism of intersection between civil law and antimonopoly regulation in qualifying the actions of a right holder as unfair competition is considered. The content of Article 14.4 of the Federal Law "On Protection of Competition" is examined in conjunction with Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation. Judicial practice in resolving disputes on recognizing the acquisition and use of trademarks as an act of unfair competition is summarized. The legal consequences of antimonopoly intervention for the validity of the exclusive right are identified. Directions for improving antimonopoly control mechanisms in this sphere are proposed.

Keywords: trademark, antimonopoly prohibition, exclusive right, unfair competition, abuse of right, antimonopoly immunity, limits of exercise of right, legal protection.

Введение

Гражданское законодательство наделяет правообладателя товарного знака широким объемом правомочий, позволяющих монопольно использовать средство индивидуализации в коммерческом обороте [1; 8]. Исключительный характер права на товарный знак предполагает возможность запрещать третьим лицам применение тождественных или сходных до степени смешения обозначений без согласия

правообладателя. Внешней границей этой монополии выступают антимонопольные запреты, препятствующие использованию исключительного права в качестве инструмента недобросовестной конкуренции [2; 5].

Проблема соотношения исключительного права и антимонопольных ограничений приобрела повышенную актуальность в последние годы. Практика Федеральной антимонопольной службы демонстрирует устойчивый рост количества дел, в которых приобретение и использование товарного знака квалифицируется как акт недобросовестной конкуренции по статье 14.4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9]. Судебные акты Суда по интеллектуальным правам и арбитражных судов формируют критерии легитимного поведения правообладателя, выход за которые влечет антимонопольную ответственность и утрату правовой охраны знака [3; 6].

Правовая природа антимонопольных запретов как предела исключительного права

Антимонопольные запреты выполняют функцию внешнего предела осуществления исключительного права на товарный знак. Если внутренние пределы, установленные гражданским законодательством, очерчивают содержание самого права и допустимые способы его реализации, то внешние пределы определяются нормами иной отраслевой принадлежности. К числу таких внешних пределов относятся запреты, содержащиеся в антимонопольном законодательстве и направленные на защиту публичного порядка в сфере экономической деятельности.

Статья 10 Гражданского кодекса РФ устанавливает запрет на злоупотребление правом, включая осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу и действия в обход закона [2]. Статья 14.4 Закона о защите конкуренции конкретизирует данный общегражданский принцип применительно к сфере интеллектуальной собственности, устанавливая прямой запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации [8; 11]. Обе нормы образуют единый правовой механизм, ограничивающий свободу правообладателя, однако их отраслевая природа и правовые последствия применения различаются.

Признание действий правообладателя злоупотреблением правом по статье 10 ГК РФ влечет отказ в судебной защите принадлежащего ему права в рамках конкретного спора. Решение антимонопольного органа по статье 14.4 Закона о защите конкуренции порождает более существенные последствия: оно выступает основанием для направления в Роспатент требования о признании недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку [8; 12]. Таким образом, антимонопольные запреты не просто ограничивают возможность судебной защиты, но способны прекратить само исключительное право.

Антимонопольный иммунитет, предусмотренный частью 4 статьи 10 Закона о защите конкуренции, длительное время исключал применение антимонопольных требований к осуществлению исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Данная норма создавала правовую неопределенность при квалификации действий правообладателей, формально реализующих гражданско-правовые полномочия, но фактически нарушающих принципы конкуренции [9]. Федеральная антимонопольная служба последовательно выступала за пересмотр указанного иммунитета, результатом чего стала разработка законопроекта, уточняющего границы применения антимонопольных мер к правообладателям [2; 10].

Механизм пересечения гражданско-правового и антимонопольного регулирования

Соотношение гражданско-правового и антимонопольного регулирования в сфере товарных знаков характеризуется сложным взаимодействием двух отраслевых режимов. Регистрация товарного знака и подтверждение исключительного права осуществляются в рамках гражданско-правовых процедур, регулируемых частью четвертой Гражданского кодекса РФ. Последующее использование товарного

знака в коммерческом обороте подпадает под действие антимонопольного законодательства, оценивающего данное использование с позиций защиты конкуренции и недопущения монополизации рынка [7].

Антимонопольный орган при расследовании дел о недобросовестной конкуренции исследует обстоятельства приобретения исключительного права на товарный знак и его последующего использования. Устанавливаются факты, свидетельствующие о направленности действий правообладателя на получение необоснованных конкурентных преимуществ, вытеснение конкурентов с товарного рынка, причинение им убытков. Рыночная власть правообладателя, реализуемая через юридический инструментарий исключительного права, становится объектом антимонопольной оценки [5].

Правовым последствием пересечения двух регулятивных режимов служит институт признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку. Подпункт 6 пункта 2 статьи 1512 ГК РФ закрепляет, что правовая охрана товарного знака может быть оспорена и признана недействительной, если действия правообладателя, связанные с предоставлением такой охраны, признаны злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией в установленном порядке [2; 12]. Решение антимонопольного органа о нарушении статьи 14.4 Закона о защите конкуренции служит тем самым установленным порядком, который запускает механизм прекращения исключительного права.

Процессуальный аспект пересечения двух режимов выражается в конкуренции способов защиты нарушенного права заинтересованного лица. Правообладатель, чьи права на товарный знак нарушены действиями конкурента, может обратиться в суд с иском о защите исключительного права либо в антимонопольный орган с заявлением о недобросовестной конкуренции [3; 5]. Выбор способа защиты определяет дальнейшую траекторию развития правового конфликта. Судебный порядок ориентирован на восстановление индивидуального права истца, тогда как антимонопольное производство направлено на защиту публичного интереса и конкурентной среды в целом.

Судебная практика и правовые позиции

Суд по интеллектуальным правам сформировал подход, согласно которому антимонопольный орган при квалификации действий правообладателя по статье 14.4 Закона о защите конкуренции устанавливает совокупность обстоятельств. К их числу относятся: наличие конкурентных отношений между правообладателем и хозяйствующим субъектом, которому создаются препятствия; момент приобретения исключительного права на товарный знак по отношению к моменту начала использования сходного обозначения конкурентом; цель приобретения права; фактическое использование товарного знака правообладателем; известность обозначения потребителям до даты приоритета товарного знака [2; 7].

Решение ФАС России по делу «Дымовского колбасного производства» демонстрирует применение данных критериев. Производитель зарегистрировал товарный знак «Праздничная» в 2022 году, тогда как иные участники рынка использовали данное обозначение для колбасной продукции с начала 2000-х годов. После регистрации знака правообладатель предъявил многочисленные иски о взыскании компенсации, добившись прекращения производства колбас под спорным наименованием несколькими компаниями. Антимонопольный орган установил, что действия производителя были направлены на получение необоснованных конкурентных преимуществ и вытеснение добросовестных конкурентов с рынка [4; 6].

Судебный контроль решений антимонопольных органов по делам данной категории осуществляется Судом по интеллектуальным правам в рамках самостоятельной компетенции. Решение Суда по интеллектуальным правам от 6 марта 2024 г. по делу № СИП-1204/2023 подтвердило, что признание действий истца по приобретению и использованию исключительных прав на словесные

товарные знаки актом недобросовестной конкуренции не лишает его возможности продолжать использование указанного обозначения в предпринимательской деятельности [3]. Данная позиция разграничивает последствия антимонопольного решения: прекращение правовой охраны товарного знака не тождественно запрету использования обозначения как такового.

Дело о товарном знаке «Дихлофос № 1» иллюстрирует иную грань антимонопольных запретов. В ноябре 2023 года Суд по интеллектуальным правам поддержал позицию ФАС о недопустимости регистрации товарного знака, включающего обозначение «номер один». Антимонопольная служба установила, что использование цифрового обозначения создает у потребителей впечатление о превосходстве товара над продукцией конкурентов. Суд указал, что регистрация подобных товарных знаков противоречит требованиям законодательства о защите конкуренции, а последующее использование знака в гражданском обороте способно вызвать смешение и создать необоснованные преимущества правообладателю. Президиум Суда по интеллектуальным правам в апреле 2024 года подтвердил законность данной позиции, а Верховный Суд РФ не принял жалобу к рассмотрению [7; 13].

Центральным вызовом при применении антимонопольных запретов к осуществлению исключительного права на товарный знак остается отсутствие четкой легальной границы между добросовестной защитой правообладателем своей интеллектуальной монополии и недобросовестной конкуренцией. Федеральная антимонопольная служба разработала законопроект, направленный на уточнение действия антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности. Предлагаемые изменения предусматривают применение антимонопольных мер к правообладателям, если их действия препятствуют, ограничивают или устраняют конкуренцию на товарном рынке. Ответственность не наступает автоматически в силу факта владения исключительным правом, а обуславливается конкретными действиями по монополизации рынка [9; 10].

Проблемы доказывания и перспективы совершенствования регулирования

Основная сложность применения антимонопольных запретов в качестве предела исключительного права на товарный знак заключается в доказывании субъективной стороны действий правообладателя. Антимонопольный орган должен установить цель приобретения исключительного права и направленность последующего использования знака на ограничение конкуренции. Объективные критерии, выработанные судебной практикой, не всегда позволяют с достоверностью отграничить добросовестного правообладателя от недобросовестного конкурента. Регистрация товарного знака на обозначение, ранее использовавшееся иными лицами, сама по себе не свидетельствует о недобросовестности, если отсутствуют доказательства цели вытеснения конкурентов.

Значимым фактором, осложняющим правоприменение, выступает положенная в основу антимонопольных иммунитетов презумпция правомерности осуществления исключительного права. Данная презумпция основана на понимании интеллектуальной монополии как правомерного исключения из принципов свободной конкуренции. Преодоление презумпции требует представления исчерпывающих доказательств антиконкурентной цели правообладателя. Бремя доказывания недобросовестности возлагается на антимонопольный орган или заинтересованное лицо, обратившееся с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства [5; 10].

Совершенствование правового механизма видится в формализации критериев, позволяющих антимонопольному органу устанавливать наличие либо отсутствие в действиях правообладателя признаков нарушения статьи 14.4 Закона о защите конкуренции. К числу таких критериев следует отнести: временной разрыв между началом использования обозначения иными лицами и датой приоритета товарного знака; объем инвестиций правообладателя в продвижение товарного знака на рынке; наличие либо отсутствие собственного производства товаров под спорным обозначением; соотношение убытков конкурентов от прекращения использования обозначения с выгодой

правообладателя от монополизации рынка; количество и характер судебных споров, инициированных правообладателем против конкурентов [2; 8].

Законодательные инициативы ФАС России по корректировке антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности направлены на расширение инструментария антимонопольного контроля. Отказ от автоматического иммунитета позволит антимонопольному органу оценивать действия правообладателей с позиций их влияния на конкурентную среду, не ограничиваясь формальной констатацией наличия исключительного права. Параллельно возрастает значение института антимонопольного комплаенса для крупных правообладателей, выстраивающих внутренние процедуры оценки конкурентных рисков при управлении портфелями товарных знаков [9; 11].

Заключение

Антимонопольные запреты образуют внешний предел осуществления исключительного права на товарный знак, определяющий границу между добросовестной защитой интеллектуальной монополии и недобросовестной конкуренцией. Взаимодействие гражданско-правовых и антимонопольных норм порождает сложный правовой механизм, в котором решение антимонопольного органа способно прекратить правовую охрану товарного знака и лишить правообладателя легальной монополии. Судебная практика Суда по интеллектуальным правам выработала критерии квалификации действий правообладателя в качестве недобросовестной конкуренции, однако правовая неопределенность в данной сфере сохраняется.

Развитие антимонопольного регулирования интеллектуальной собственности следует по пути сокращения сферы действия антимонопольных иммунитетов и усиления контроля за поведением правообладателей на товарных рынках. Предлагаемые ФАС России законодательные изменения призваны устранить пробел, позволяющий правообладателям избегать антимонопольной ответственности за действия, формально основанные на исключительном праве, но объективно ограничивающие конкуренцию. Установление разумного баланса интересов правообладателей, конкурентов и потребителей остается ключевой задачей правового регулирования в данной сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Кашеваров А.Б., Склярова Я.В. Антимонопольные запреты как общий предел осуществления исключительных прав на товарные знаки // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 1 (21). С. 20-29. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/4 (дата обращения: 10.05.2026).

3. Решение Суда по интеллектуальным правам от 6 марта 2024 г. по делу № СИП-1204/2023 // Гарант. URL: https://base.garant.ru/408726579/ (дата обращения: 10.05.2026).

4. ФАС выдала предписание за злоупотребление правом на товарный знак // Право.ру. 2026. URL: https://pravo.ru/news/263611/ (дата обращения: 10.05.2026).

5. Кашеваров А.Б., Склярова Я.В. Антимонопольные запреты как общий предел осуществления исключительных прав на товарные знаки // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 1 (21). С. 20–29. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/4 (дата обращения: 13.05.2026).

6. Недоказанный картель и скопированный дизайн: важное в антимонополке за полгода // Право.ру. 2024. URL: https://pravo.ru/story/254238/ (дата обращения: 13.05.2026).

7. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-439/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.05.2026).

8. Статья 14.4. Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства

индивидуализации товаров, работ или услуг // Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://rulaws.ru/amp/laws/Federalnyy-zakon-ot-26.07.2006-N-135-FZ/Statya-14.4/ (дата обращения: 10.05.2026).

9. ФАС усилит контроль за монополиями в сфере интеллектуальной собственности // Закон.ру. 2025. URL: https://m.e.law.ru/1151073 (дата обращения: 10.05.2026).

10. Айтишников в России могут лишить конкурентного иммунитета // Пепеляев Групп: аналитические материалы. 2025. URL: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/aytishnikov-v-rossii-mogut-lishit-konkurentnogo-immuniteta/ (дата обращения: 10.05.2026).

11. Нарушение исключительных прав на товарный знак недобросовестной конкуренцией // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2026).

12. Недобросовестная конкуренция: изучаем детали // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 2-11. URL: https://ftp.cljournal.ru/glavnoe/150/?print (дата обращения: 10.05.2026).

13. Недоказанный картель и скопированный дизайн: важное в антимонополке за полгода // Право.ру. 2024. URL: https://pravo.ru/story/254238/ (дата обращения: 10.05.2026).

Вагидов Т.Я.
аспирант
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Vagidov T.Y.
Postgraduate Student
Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

КОМПЕНСАЦИОННЫЙ ТРОЛЛИНГ В СФЕРЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена компенсационного троллинга как специфической формы злоупотребления правом на судебную защиту в сфере товарных знаков. Анализируется правовая природа данного явления, его отличие от классического патентного троллинга. Рассматриваются механизмы реализации недобросовестных стратегий, направленных на систематическое взыскание компенсаций с добросовестных участников гражданского оборота. Исследуются положения статьи 10 ГК РФ и статьи 1515 ГК РФ в контексте противодействия злоупотребительным искам. Обобщается актуальная судебная практика, включая Обзор Верховного Суда РФ от 15 ноября 2023 года. Предлагаются правовые критерии квалификации компенсационного троллинга и меры по совершенствованию механизмов судебной защиты.

Ключевые слова: товарный знак, компенсационный троллинг, злоупотребление правом, судебная защита, компенсация, недобросовестная конкуренция, патентный троллинг, исключительное право.

COMPENSATION TROLLING IN THE SPHERE OF TRADEMARKS: ABUSE OF THE RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION

Abstract. The article investigates the phenomenon of compensation trolling as a specific form of abuse of the right to judicial protection in the sphere of trademarks. The legal nature of this phenomenon and its distinction from classical patent trolling are analyzed. The mechanisms for implementing unfair strategies aimed at the systematic recovery of compensation from bona fide participants in civil turnover are considered. The provisions of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation are examined in the context of countering abusive claims. Current judicial practice is summarized, including the Review of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2023. Legal criteria for qualifying compensation trolling and measures to improve judicial protection mechanisms are proposed.

Keywords: trademark, compensation trolling, abuse of right, judicial protection, compensation, unfair competition, patent trolling, exclusive right.

Введение

Современный гражданский оборот сталкивается с феноменом, который в доктрине получил наименование компенсационного троллинга. Речь идет о действиях правообладателей товарных знаков, обращающихся в суд с исковыми заявлениями о взыскании компенсации без намерения защитить собственный экономический интерес в использовании средства индивидуализации. Цель таких лиц состоит в извлечении дохода от систематического предъявления исков к добросовестным участникам рынка. Масштаб явления подтверждается статистическими данными: отдельные субъекты инициируют

сотни судебных процессов ежегодно, а суммы заявленных требований достигают десятков миллионов рублей [5].

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает в статье 1515 право правообладателя требовать компенсацию за незаконное использование товарного знака в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей либо в двукратном размере стоимости контрафактных товаров или права использования знака [9]. Данный правовой инструмент, задуманный законодателем как механизм восстановления нарушенных прав добросовестного правообладателя, трансформируется в средство паразитирования на судебной системе. Проблема усугубляется отсутствием легальной дефиниции компенсационного троллинга и разобщением судебной практики при квалификации подобных действий [5].

Правовая природа компенсационного троллинга

Термин «патентный троллинг» исторически возник в патентном праве, однако применительно к товарным знакам он приобрел выраженную специфику [2; 5]. Классический патентный тролль приобретает патенты на изобретения или полезные модели, тогда как субъект компенсационного троллинга регистрирует товарные знаки на обозначения, уже используемые в коммерческом обороте, либо на общеупотребительные слова и устойчивые выражения. В.А. Прохоров определяет данное явление как недобросовестные действия обладателя исключительного права на товарный знак по обращению в суд исключительно с одним имущественным требованием – о взыскании компенсации [1]. Субъект не преследует цели индивидуализации собственных товаров или услуг. Его интерес локализован в плоскости судебного взыскания денежных средств.

Правовая конструкция статьи 10 ГК РФ содержит прямой запрет на осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также на иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [3; 9]. Компенсационный троллинг представляет собой форму злоупотребления правом на судебную защиту, при которой формально законное требование о компенсации маскирует противоправную цель получения неосновательного дохода. Специфика данного злоупотребления заключается в том, что недобросовестный правообладатель эксплуатирует сам процессуальный механизм: регистрация товарного знака выступает лишь подготовительным этапом, а основной деятельностью становится инициирование судебных разбирательств.

Дифференциация компенсационного троллинга от недобросовестной конкуренции требует отдельного анализа. Недобросовестная конкуренция предполагает направленность действий на получение преимуществ в предпринимательской деятельности. Компенсационный тролль, напротив, не конкурирует с ответчиками в экономическом смысле. Его деятельность не связана с производством товаров или оказанием услуг. Данное обстоятельство позволяет квалифицировать такие действия именно как злоупотребление правом на судебную защиту, а не как акт недобросовестной конкуренции, хотя в ряде случаев возможна совокупность квалификаций [4].

Механизмы реализации компенсационного троллинга

Арсенал средств компенсационного тролля включает регистрацию товарных знаков на общеупотребительные слова, популярные фразы и обозначения, длительное время используемые иными лицами без оформления правовой охраны. После получения свидетельства тролль направляет многочисленные претензии реальным пользователям обозначения с требованием выплаты компенсации. При отказе инициируется судебное разбирательство. Суммы требований зачастую многократно превышают разумные экономические показатели [10]. В деле о товарном знаке «Даниловская» истец требовал взыскания компенсации в размере свыше 64 миллионов рублей за использование обозначения «Даниловские», притом, что знак находился в его владении несколько месяцев и реально не использовался. Суд квалифицировал такие действия как злоупотребление исключительным правом,

установив, что истинной целью истца являлось создание препятствий для деятельности конкурентов и извлечение неосновательного дохода через судебные иски [12].

Особую сложность для судов представляет ситуация, когда тролль создает иллюзию использования товарного знака. Участники рынка предъявляют фотографии продукции, отдельные чеки, лицензионные договоры с аффилированными лицами. Арбитражная практика демонстрирует неготовность судов углубляться в анализ фиктивности такого использования. Суд по интеллектуальным правам зачастую формально подходит к рассмотрению дел данной категории, указывая, что каждое дело рассматривается отдельно и установление факта недобросовестности в одном процессе не предопределяет аналогичную квалификацию в других [7].

С 2023 года физические лица получили право регистрировать товарные знаки наравне с организациями и индивидуальными предпринимателями [9; 10]. Данное законодательное изменение потенциально расширяет круг субъектов компенсационного троллинга, снижая порог входа в эту деятельность. Регистрация товарных знаков на общеупотребительные слова осуществляется по множеству классов МКТУ одновременно, что позволяет предъявлять претензии широкому кругу участников оборота из различных сфер экономической деятельности.

Позиция Верховного Суда РФ и эволюция судебной практики

Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 года, стал важной вехой в противодействии компенсационному троллингу [6]. Высшая судебная инстанция зафиксировала принципиальную позицию: неиспользование товарного знака правообладателем, обращающимся за судебной защитой, само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом. При рассмотрении спора должны учитываться причины такого неиспользования [6]. Данный подход предотвращает автоматическую дисквалификацию требований добросовестных правообладателей, временно не использующих знак по объективным причинам.

Верховный Суд РФ прямо указал на недопустимость ситуаций, когда лицо приобретает права на обозначение лишь для предъявления исков к добросовестным участникам оборота о взыскании компенсации. Злоупотреблением могут признаваться действия, связанные с приобретением товарного знака, сходного с более ранним обозначением этого же лица, правовая охрана которого была досрочно прекращена из-за неиспользования [6]. Суд обязан вынести на обсуждение сторон вопрос о явной недобросовестности правообладателя. Отказ в судебной защите на основании пункта 2 статьи 10 ГК РФ выступает процессуальным последствием установления факта злоупотребления [6].

Практика арбитражных судов демонстрирует формирование критериев квалификации компенсационного троллинга [11]. В числе таких критериев выступают: массовость исковой деятельности правообладателя, отсутствие реального производства товаров или оказания услуг под спорным обозначением, несоразмерность заявленных требований разумным экономическим показателям, краткосрочность владения знаком до момента предъявления иска, регистрация знака на обозначение, ранее длительно использовавшееся иными участниками оборота. Системный и недобросовестный характер поведения истца, подтвержденный вступившими в силу решениями антимонопольного органа или Суда по интеллектуальным правам, служит дополнительным доказательством злоупотребления [6].

Проблемы доказывания и перспективы совершенствования правового регулирования

Основная сложность в противодействии компенсационному троллингу заключается в доказывании отсутствия у истца намерения реально использовать товарный знак. Умысел как субъективная категория трудно поддается объективизации в судебном процессе. Косвенные доказательства недобросовестности в виде массовости исков и отсутствия производственной

деятельности оцениваются судами неединообразно. Отсутствие легальной дефиниции компенсационного троллинга порождает правовую неопределенность.

Совершенствование правового механизма противодействия данному явлению видится в нескольких направлениях [8]. Первое – закрепление в законодательстве дефиниции компенсационного троллинга с указанием его квалифицирующих признаков. Второе – внедрение процессуального механизма, позволяющего суду на ранней стадии оценивать добросовестность истца при наличии признаков массовости исковой деятельности. Третье – развитие института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака по статье 1486 ГК РФ в связи с его неиспользованием [9]. Четвертое – предоставление ответчикам права требовать возмещения судебных расходов в повышенном размере при установлении факта злоупотребления правом на судебную защиту со стороны истца [4].

Заключение

Компенсационный троллинг в сфере товарных знаков представляет собой форму злоупотребления правом на судебную защиту, при которой институт компенсации, предусмотренный статьей 1515 ГК РФ [9], используется не для восстановления нарушенного права, а для систематического извлечения дохода от судебных процессов. Феномен паразитирует на асимметрии информации между правообладателем и добросовестными участниками оборота, эксплуатирует формализм судебной системы и пробелы правового регулирования. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ 2023 года задал вектор противодействия данному явлению, сформулировав позиции, ограничивающие возможности злоупотребления [6]. Дальнейшее развитие правоприменительной практики и законодательства должно быть направлено на выработку четких критериев квалификации компенсационного троллинга и процессуальных механизмов раннего выявления недобросовестных исков. Защита судебной системы от использования ее в качестве инструмента извлечения неосновательного дохода выступает условием сохранения доверия к институтам правосудия и стабильности гражданского оборота.

Литература:

1. Прохоров В.А. Злоупотребление правом при обращении в суд с исковым заявлением о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. Т. 34, № 5. С. 872-878.

2. Ворожевич А.С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты: монография. М.: Статут, 2020. 179 с.

3. Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. М.: Проспект, 2023. 136 с.

4. Шлапунов А.Ю., Мачнева В.Ю. Патентный троллинг в области товарных знаков как вызов законодательству по интеллектуальной собственности // Вестник ФИПС. 2025. № 1. С. 28–35.

5. Шлапунов А.Ю., Мачнева В.Ю. Патентный троллинг в области товарных знаков как вызов законодательству по интеллектуальной собственности // Вестник ФИПС. 2025. № 1. С. 28-35.

6. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1. С. 30-42.

7. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 ноября 2025 г. по делу № А36-2251/2022 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.05.2026).

8. Патентный троллинг: что это и как себя защитить // Patentus: аналитические материалы. URL: https://patentus.ru/media/statyi/ss/patentnyy-trolling-chto-eto-i-kak-sebya-zashchitit/

(дата обращения: 13.05.2026).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

10. Марканов Д.В. Как патентные тролли зарабатывают на товарных знаках? // Вестник интеллектуального права. 2025. URL: https://vestnikip.ru/news/8561/ (дата обращения: 10.05.2026).

11. ВС РФ выпустил обзор практики по товарным знакам // Право.ru. 2023. URL: https://pravo.ru/story/249868/ (дата обращения: 13.05.2026).

12. Защищены интересы производителя на сумму свыше 64 млн рублей // Юридическая компания «Генезис»: практика. 2025. URL: https://www.genesis-law.ru/16928/ (дата обращения: 10.05.2026).

Пачевский С.В.
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
В.П. Бодаевский

Pachevsky S.V.
Master's Student
V.M. Lebedev Russian State University of Justice
scientific director – Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Department
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol
V.P. Bodayevsky

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы определения объекта воинских преступлений в уголовном праве России. Обосновывается критика действующего законодательного подхода, при котором родовой и видовой объекты данных деяний совпадают и определяются через порядок прохождения военной службы. Предлагается рассматривать в качестве родового объекта воинских преступлений военную безопасность государства, а порядок прохождения военной службы – как видовой объект. Делается вывод о необходимости переименования соответствующего раздела уголовного закона в целях более точного отражения охраняемых общественных отношений и учета современных угроз военной безопасности.

Ключевые слова: объект преступления, воинские преступления, военная безопасность, порядок прохождения военной службы.

CURRENT ISSUES OF DETERMINING THE OBJECT OF MILITARY CRIMES

Abstract. This article examines the theoretical and practical issues of determining the object of military crimes in Russian criminal law. It substantiates a critique of the current legislative approach, which confuses the generic and specific objects of these acts and defines them through the order of military service. It proposes considering military security of the state as the generic object of military crimes, and the order of military service as the specific object. It is concluded that it is necessary to rename the relevant section of the criminal law in order to more accurately reflect protected social relations and take into account modern threats to military security.

Keywords: object of a crime, military crimes, military security, procedure for military service

Актуальность темы обусловлена проблемами, возникающими при квалификации воинских преступлений на практике. Для правильной квалификации необходима четкая формулировка объекта преступного деяния. Если объект определен неправильно или его отсутствие не позволяет установить наличие нарушения, то это может привести к неправильной квалификации преступления. Это указывает

на необходимость теоретических разработок теории объекта воинских преступлений и разработки предложений по совершенствованию законодательства.

Объект преступления является важнейшим элементов состава преступления и без его наличие совершенное деяние не может считаться преступным. Л.Б. Гаухман характеризует объект преступления как то, на что посягает преступник при совершении деяния. Автор указывает, что «при взятии общественных отношений под защиту уголовным правом они объявляются объектом уголовно-правовой охраны и признаются возможным (при определенных условиях) объектом преступления, причем отдельный вид общественных отношений – объектом одного или нескольких преступлений» [3, с.64].

Под объектом воинских преступлений предлагается понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения, связанные с обеспечением военной безопасности Российской Федерации, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда в результате преступного посягательства.

Установление объектов воинских преступлений имеет сходство с алгоритмом определения объектов общеуголовных преступлений, однако существует ряд особенностей, которые обусловлены специфической природой военной службы и ее роли в государственном механизме. Важно учитывать, что преступления против военной службы имеют особую правовую природу и объект защиты, связанный с обеспечением дисциплины, порядка и боеспособности вооруженных сил Российской Федерации. «Особенность определения объекта в преступлениях в военной сфере, обуславливается порядком прохождения военной службы, установленным рядом нормативно-правовых актов, в совокупности, являющихся объектом уголовно-правовой охраны воинских отношений» [9, с.375].

Если исходить из теоретических положений науки уголовного права, то родовым объектом (Раздел XI. Преступления против военной службы) и видовым объектом (Глава 33. Преступления против военной службы), преступлений против военной службы является порядок прохождения военной службы. Данное положение также закреплено в ч.1 ст.331 УК РФ – «преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы» [1]. Однако, данное совпадение наименования Раздела и Главы уголовного закона приводит к определенным сложностям на практике и затрудняет квалификацию.

В литературе отмечается, что совмещение родового и видового объектов «противоречит теории объекта, так как видовой объект должен объединять наиболее общие видовые признаки, а не повторять родовой признак, который в свою очередь выделяет преступления против военной службы в системе уголовного права» [5, с.191]. О.К. Зателепин также отмечал, что «порядок», являясь признаком формальным, «не может выступать объектом уголовно-правовой охраны, поскольку, во-первых, он представляет собой правовую ценность-средство, а не цель правового регулирования, а во-вторых - его нарушение не составляет сущности общественной опасности воинского посягательства» [6, с.87].

На основании этого некоторые авторы считают, что «родовым объектом уголовно-правовой охраны от посягательств воинских преступлений выступает сама военная безопасность» [4, с.47]. Можно согласится с данной точкой зрения. Термин «военная безопасность» более полно охватывает интересы, которые традиционно защищаются уголовным правом в области военной службы. Военная безопасность не ограничивается только внутренним порядком в армии, но включает в себя также боеспособность вооруженных сил и их способность эффективно выполнять задачи защиты государства. Если преступления против военной службы трактовать в узком смысле, то акцент будет только на нарушениях внутреннего порядка, дисциплины и выполнения обязанностей военнослужащими.

О.К. Зателепин определяет военную безопасность как «состояние защищенности конституционного строя, независимости, суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации от внешних и внутренних военных угроз, обеспечиваемое подготовкой к вооруженной защите

и непосредственно вооруженной защитой со стороны военной организации государства» [6, с.85]. В целях надлежащего решения этой задачи необходимо устанавливать и строго соблюдать порядок прохождения военной службы.

Таким образом, предлагается переименовать Раздел XI и дать ему наименование «Преступления против военной безопасности». Переименование Раздела XI является логичным и обоснованным шагом, который может отразить более точное и широкое понимание тех интересов, которые охраняются в данном разделе. Такое изменение отражает современную действительность и потребности защиты государственной безопасности в контексте военной службы.

Современные угрозы военной безопасности часто выходят за рамки традиционных нарушений дисциплины. Например, более актуальными становятся угрозы, связанные с кибербезопасностью в вооруженных силах, а также действия, направленные на подрыв авторитета армии в обществе. Термин «военная безопасность» более точно отражает эти новые реалии и позволяет классифицировать преступления, которые могут не касаться напрямую дисциплины в армии, но напрямую угрожают общей боеспособности и национальной безопасности. Переименование раздела также открывает возможность перераспределить различные преступления по категориям, связанным не только с внутренним порядком в армии, но и с охраной внешней безопасности и защиты от современных угроз.

Видовым объектом воинских преступлений является порядок прохождения военной службы. С учетом смысла норм Положения о порядке прохождения военной службы порядок прохождения военной службы некоторыми авторами определяется как «регулируемая федеральным законодательством, воинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации деятельность лиц, относящихся в соответствии с законом к категории военнослужащих» [7, с.5].

Следующим уровнем является непосредственный объект, который «обособляется через более узкие группы охраняемых интересов, которые образуют виды преступлений против военной службы» [8, с.139]. Непосредственным объектом преступлений против военной службы, являются «отдельные направления служебной деятельности в процессе руководства и взаимоотношений по службе, прохождения военной службы, несения отдельных видов несения службы, эксплуатации вооружения и военной техники» [5, с.191].

Непосредственный объект дает возможность провести классификация воинских преступлений на виды. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 №11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», по непосредственному объекту преступного посягательства, можно выделить следующие подгруппы:

1) Преступления против порядка подчиненности и порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности;

2) Преступления против порядка пребывания на военной службе;

3) Преступления против порядка несения специальных видов военной службы;

4) Преступления против порядка обеспечения живучести военного корабля;

5) Преступления против порядка сбережения военного имущества;

6) Преступления против порядка использования военно-технических средств;

7) Преступления против порядка прохождения военной службы в особые периоды [2].

Ряд преступлений против военной службы имеет помимо основного дополнительный объект. К ним относят: «жизнь и здоровье начальника при насильственных действиях против него или при сопротивлении ему (ст.ст. 333, 334 УК РФ), честь и достоинство личности военнослужащего (ст. 336 УК РФ) при оскорблении или при нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ), интересы правосудия при исполнении уголовного наказания в дисциплинарной воинской части (ч. 2 ст. 337 УК РФ); безопасность

охраняемых караулом объектов (ст. 342 УК РФ), общественный порядок и общественная безопасность (ст. 343 УК РФ), здоровье человека (ст.ст. 349, 350 УК РФ), а также жизнь человека при нарушении правил полетов или подготовки к ним либо иных правил эксплуатации военных летательных аппаратов и правил вождения или эксплуатации военных кораблей (ст.ст. 351, 352 УК РФ)» [4, с.48]. Можно отметить, что дополнительные объекты воинских преступлений разнообразны и охватывают материальные и нематериальные последствия.

Таким образом, под объектом воинских преступлений предлагается понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения, связанные с обеспечением военной безопасности Российской Федерации, которым причиняется вред или создается угроза причинения вреда в результате преступного посягательства. Предлагается родовым объектом данных преступлений считать военную безопасность как состояние защищенности государства от военных угроз. В этом контексте порядок прохождения военной службы выступает уже как видовой объект – средство обеспечения военной безопасности. Непосредственным объектом воинских преступлений являются отдельные направления служебной деятельности, а дополнительные объекты отличаются разнообразием.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/?ysclid=mmaeo3aq5w995133031 (дата обращения 14.01.2026)

3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 316 с.

4. Гончарова, С. В. Особенности оценки объективных признаков воинских преступлений / С. В. Гончарова, Л. Б. Прудникова, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 4(273). – С. 42-52.

5. Грузинская, Е. И. Критический анализ объективных признаков преступлений против военной службы (глава 33 УК РФ) / Е. И. Грузинская, Р.С. Должиков // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 1-1. – С. 189-201.

6. Зателепин, О.К. Объект преступления против военной службы: диссертация ... кандидата юридических наук: 20.02.03. – Москва, 1999. – 211 с.

7. Мальков, С.М. Преступления против военной службы [Текст] : монография / С. М. Мальков. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 170 с.

8. Чукин, Д. С. Общественно опасные последствия как основание криминализации преступлений против военной службы / Д. С. Чукин // Военное право. – 2024. – № 6(88). – С. 138-145.

9. Эрматов, Г. О. Объект преступления против военной службы и правила его определения / Г. О. Эрматов, А. Б. Ахмедов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 371-377.

Кирова П.В.
студент
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
научный руководитель – доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, кандидат экономических наук
Южно-Российский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Е.М. Филимонцева

Kirova P.V.
Student
South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
scientific director – Associate Professor of the Department of Economics, Finance, and Environmental, Candidate of Economic Sciences,
South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E.M. Filimonova

ПРОБЛЕМА БАНКОВСКИХ БАНКРОТСТВ И ИХ СВЯЗЬ С БАНКОВСКИМИ РИСКАМИ

Аннотация. В статье подчеркивается, что для эффективного управления кризисами в социально-экономических системах важно понимать природу проблем, осознавать экономические предпосылки и анализировать факторы и причины, приводящие к банкротству. Это знание помогает предсказывать возникновение кризисов в компаниях.

Ключевые слова: причины банкротства, производство, риски, кризисы.

THE PROBLEM OF BANK FAILURES AND THEIR CONNECTION WITH BANKING RISKS

Abstract. The article emphasizes that in order to effectively manage crises in socio-economic systems, it is important to understand the nature of problems, realize the economic prerequisites and analyze the factors and causes leading to bankruptcy. This knowledge helps to predict the occurrence of crises in companies.

Keywords: causes of bankruptcy, production, risks, crises.

С появлением товарно - денежных отношений возникло и такое явление как «банкротство». В первую очередь, это связано с тем, что при осуществлении торговли часто возникает риск потери прибыли, что и вызывает банкротство предприятий.

Сейчас риск банкротства предприятия гораздо ниже, чем при возникновении рынка, однако он всё равно есть и достаточно высок. Раньше такие рыночные механизмы как спрос и предложения не были исследованы, поэтому цены на товары устанавливались стихийно. Именно поэтому бывали такие ситуации, когда цены на товары были ниже, чем издержки на его производство, это провоцировало банкротство многих экономических субъектов. В современном мире механизмы рынка изучены лучше, поэтому каждый производитель устанавливает цены на свои товары, исходя из издержек на производство

того или иного товара. Однако ежегодно десятки компаний всё равно разоряются. Причины для этого существуют разные.

Под банкротством (несостоятельностью) в экономике понимается «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей[1].

Понимание природы, изучение предпосылок возникновения кризисных ситуаций и тщательный анализ факторов и причин, влияющих на возникновение процессов банкротства, позволяют управлять кризисными ситуациями и уменьшать риск банкротства предприятия.

Судебный департамент при Верховном суде опубликовал сводные статистические данные по делам о несостоятельности за 2023 год. За этот период российские арбитражные суды приняли к производству 430 501 заявление о несостоятельности. В 2022-м их было меньше — всего 329 890. Причем 378 499 заявлений касались банкротства граждан (в 2022 году — 308 159), 48 268 — юридических лиц, 3734 — индивидуальных предпринимателей. В 2022 году по поводу банкротства компаний поступило 18 632 обращения, 3099 заявителей инициировали банкротство ИП. Суды в прошлом году вернули только 5% заявлений по всем категориям.

Объем долгов компаний-банкротов вырос почти в два с половиной раза. Выросла и сумма задолженности несостоятельных граждан. При этом количество корпоративных банкротств уменьшилось на 17% в сравнении с 2022 годом. В последние три года последовательно сокращается число завершенных процедур банкротства юридических лиц:

- 8319 в 2021-м;
- 7052 в 2022-м;
- 6270 в 2023-м.

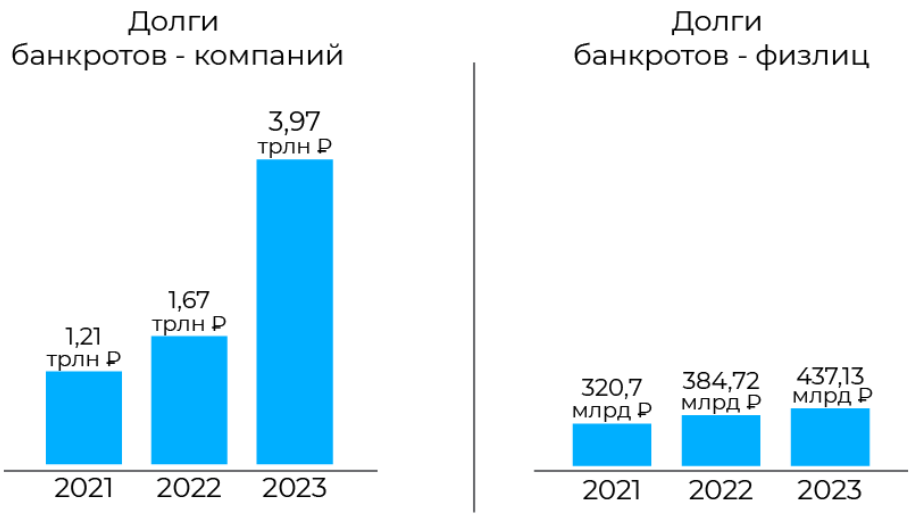

Рисунок 1. Статистика, отражающая долги банкротов среди физических и юридических лиц.

[1] Ст. 2 Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024)

Анализируя данную статистику, можно прийти к выводу, что ежегодно количество компаний, подающих заявления о просьбе признания их банкротами увеличилось, однако суды признают банкротами всё меньше и меньше компаний.

Существуют различные подходы к выделению причин банкротства.

Е. Торкановский в своей работе выделил следующие области, в которых могут возникнуть причины банкротства:

- Принципы деятельности предприятия;
- Ресурсы предприятия;
- стратегия развития предприятия;
- Качество и уровень маркетинга.

Однако данную классификацию не используют в качестве основной классификации причин банкротств. Это связано с тем, что в своей работе он не назвал конкретные причины, а лишь рассмотрел области, в которых они чаще всего возникают. Наиболее же распространённой является классификация причин банкротства М. Д. Эймсона, который выделил восемь причин:

- Нехватка капитала;
- Недостаток опыта;
- Неудачное расположение опыта;
- Неэффективное управление оборотом капитала;
- Плохая кредитная политика;
- Излишнее инвестирование в фиксированные активы;
- Использование средств предприятия на личные цели;
- Неожиданный и резкий рост бизнеса.

К внешним условиям возникновения банкротства можно отнесли следующие:

1. экономические (уровень инфляции, средний уровень заработной платы, изменение процентных ставок и т. д.);
2. политические (налоговая политика, отношение государства к предпринимательству, отношение государства к частной собственности и т.д.);
3. социальные (традиции, привычки потребления, потребительский выбор и т.д.);

Помимо внешних факторов, есть ещё внутренние факторы, которые влияют на процесс банкротства предприятия. Например, задолженности предприятия, возникновение убытков, нарушение пропорциональности в балансовом бухгалтерском отчёте, падение прибыльности предприятия и высокий уровень убыточности и т.д. Указанные причины понижают конкурентоспособность продукции производителя на рынке, следовательно, в условиях сущетсвующей модели рынка, предприятие сильно рискует обанкротиться.

По итогам первых шести месяцев 2024 года число юридических лиц, признанных банкротами, составило 4363, что на 40% выше, чем в аналогичном периоде прошлого года, когда банкротами стали 3115 компаний.

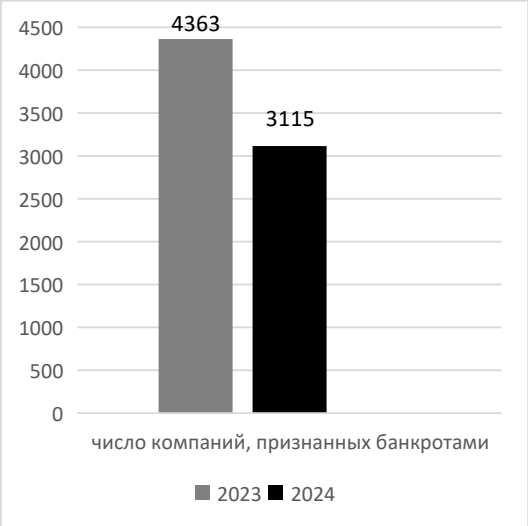

Рисунок 2. Число компаний, признанных банкротами в 2024-м и 2023-м годах

В этом числе также 13 случаев конкурсных производств в отношении нерезидентов РФ, что заметное увеличение по сравнению с шестью делами за год в 2022 и 2023 годах. Увеличение числа дел о несостоятельности таких компаний произошло после того, как в феврале 2024 года Верховный суд РФ разрешил введение процедуры несостоятельности для иностранных юридических лиц, имеющих "тесные связи" с Россией, например, когда их бенефициары ведут бизнес в стране или у них имеется имущество, а также совершаются значительные сделки на территории России.

Тем не менее, темп роста общего числа корпоративных банкротств начинает замедляться, согласно статистике: в первом квартале 2024 года он составлял 53%, а во втором - чуть менее 30%. Такую тенденцию может поддержать принятие в конце мая 2024 года закона ФЗ-107, который повысил минимальную сумму долга для инициации процедуры банкротства для большинства юридических лиц с 300 тыс. рублей до 2 млн рублей.

Кроме того, статистика демонстрирует, что налоговые органы стали проявлять большую активность в инициировании дел о несостоятельности компаний. В период с января по июнь 2024 года ФНС была заявителем в 26,4% случаев, тогда как в аналогичном периоде 2023 года этот показатель составлял 12%. Однако большинство банкротств по-прежнему инициируют конкурсные кредиторы: 66,3% случаев по сравнению с 78,9% в первом полугодии 2023 года. Должники начали процедуру банкротства по собственной инициативе в 7,1% дел (по сравнению с 8,7% в прошлом году), а работники инициировали 0,2% дел вместо 0,3%.

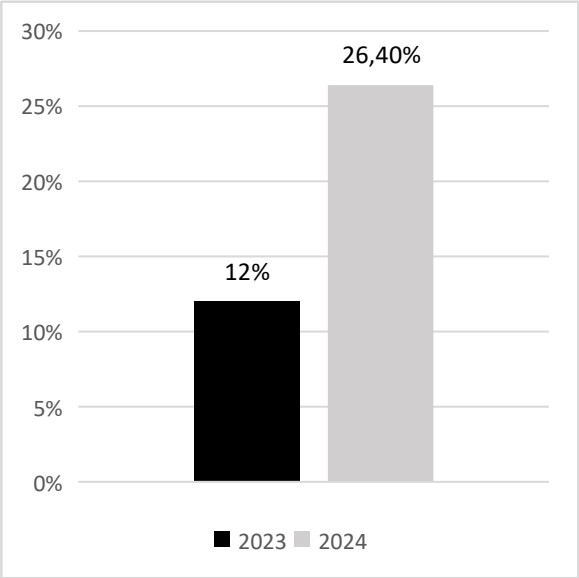

Рисунок 3. Статистика, отражающая процент инициативность начала дел о банкротстве относительно ФНС

В заключении можно сделать вывод о том, что причины банкротства предприятий в условиях современной экономики можно разделить на внешние и внутренние.

Внешние причины не зависят от деятельности предприятия и включают факторы, такие как состояние социально-экономического развития страны, развитие товарных рынков, политическая нестабильность, правовые условия, технологические изменения и другие.

Внутренние причины связаны с самим предприятием и включают факторы, касающиеся инвестиционной, операционной и финансовой деятельности, а также недостаточную квалификацию сотрудников и прочие подобные обстоятельства.

Существуют определённые факторы, которые могут усугубить кризисную ситуацию на предприятии, такие как:

- возникновение убытков;
- резкий рост производственных и сбытовых издержек;
- снижение уровня культуры производства и управления;
- нарушения пропорций в статьях бухгалтерского баланса;
- увеличение задолженности;
- уменьшение доходов и падение прибыльности компании.

Необходимо рассматривать причины банкротства в совокупности и их взаимодействие, поскольку маловероятно, что появление лишь одного фактора станет причиной банкротства.

Литература:

1. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. [Электронный ресурс]. URL: https://bankrot.fedresurs.ru/?attempt=1 (дата обращения: 01.05.2026).

2. Крохичева, Г. Е. Прогнозирование банкротства как элемент экономической безопасности / Г. Е. Крохичева, Э. Л. Архипов // Науковедение. — 2016. — № 2. — С. 62–68.

3. Львова, О. А. Факторы и причины банкротства компаний в условиях современной экономики / О. А. Львова, О. М. Пеганова // Государственное управление. Электронный вестник. — 2014. — № 44. — С. 64–82.

4. Торкановский, Е. Антикризисное управление / Е. Торкановский // Хозяйство и право. — 2000. — № 1. — С. 14–30.

5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127 ФЗ. [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 30.04.2026).

Пачевский С.В.
магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
В.П. Бодаевский

Pachevsky S.V.
Master's Student
V.M. Lebedev Russian State University of Justice
scientific director – Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Department
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol
V.P. Bodayevsky

САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой характеристики самовольного оставления части или места военной службы как одного из наиболее распространенных воинских преступлений. Особое внимание уделяется разграничению составов самовольного оставления службы и дезертирства, выявляются основные проблемы правоприменительной практики и критерии установления умысла. Исследуется значение квалифицирующих признаков, связанных с совершением преступлений в период мобилизации, военного положения, вооруженного конфликта и ведения боевых действий. Делается вывод о повышенной общественной опасности указанных деяний в современных условиях и необходимости единообразного подхода к их квалификации.

Ключевые слова: воинские преступления, самовольное оставление части, дезертирство, военная служба, уголовная ответственность, мобилизация, военное положение, вооруженный конфликт, боевые действия.

UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF MILITARY SERVICE AS A CRIMINAL OFFENSE

Abstract. This article examines the criminal law characteristics of unauthorized abandonment of a military unit or place of service as one of the most common military offenses. Particular attention is paid to distinguishing between the elements of unauthorized abandonment of service and desertion, identifying key issues in law enforcement practice and the criteria for establishing intent. The significance of qualifying features associated with crimes committed during periods of mobilization, martial law, armed conflict, and combat operations is examined. The conclusion is drawn regarding the heightened public danger of these acts in modern conditions and the need for a uniform approach to their classification.

Keywords: military crimes, unauthorized absence from a military unit, desertion, military service, criminal liability, mobilization, martial law, armed conflict, combat operations.

В современный период одним из достаточно распространенных воинских преступлений является оставление места военной службы. Основным конституционным долгом граждан Российской Федерации

является защита территориальной целостности и безопасности нашей страны. Самовольное оставление военной службы подрывает установленный порядок ее прохождения, нарушает систему подчиненности и негативно влияет на боевую готовность подразделений. В условиях современных вызовов, включая повышение требований к оперативности и эффективности вооруженных сил, такие деяния могут повлечь более серьезные последствия, чем ранее.

Уголовная ответственность за преступления, связанные с уклонением от отбывания военной службы, появилась достаточно давно, поскольку не каждый гражданин считал своим долгом отслужить на благо Отечества определенный для него срок. Например, в воинском артикуле Петра I (1715 г.) среди таких преступлений выделяются: «оставление своего места в походе, самовольная отлучка, побег, несвоевременная явка из отпуска, впервые указан такой вид уклонения от службы, как симуляция болезни и причинение вреда своему здоровью (членовредительство). Эти деяния отражают качественно новый подход к обеспечению воинской дисциплины. Воин рассматривался как носитель воинской обязанности перед государством, а умышленное нарушение этой обязанности – как общественно опасное деяние» [5, с.36]. Это свидетельствует о том, что государство с ранних этапов осознавало важность строгого контроля за исполнением воинской обязанности и поддержания дисциплины как основы боеспособности армии.

Самовольное оставление части или места военной службы может осуществляется как без цели уклонения от ее дальнейшего прохождения (ст.337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы»), так и с данной целью (ст.338 УК РФ «Дезертирство») [1]. Отличие между данными составами заключается в том, что «в обоих случаях предполагается, что военнослужащий стремится избежать выполнения военной службы, но при дезертирстве он также не планирует возвращаться к исполнению своих обязанностей» [6, с.348].

На практике наибольшие сложности возникают при отграничении составов ст.337 и ст.338 УК РФ. Как указывается в литературе, «сущностью дезертирства является желание обвиняемого вовсе скрыть от правоохранительных органов, как свой статус, так и место своего нахождения с целью избежать уголовного наказания за преступление» [7, с.50]. Разъяснения по разграничению данных составов даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 №11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»: «об умысле на дезертирство могут свидетельствовать такие обстоятельства, как приобретение или изготовление лицом подложных документов, удостоверяющих личность либо свидетельствующих о том, что оно прослужило установленный законом срок военной службы или имеет отсрочку от призыва, устройство на работу, сокрытие при его задержании правоохранительным органом факта прохождения им военной службы и т.п.» [4].

Составы ст.337 и ст.338 УК РФ имеют особое значение в связи с проведением Специальной военной операции (далее – СВО). В обоих рассматриваемых составах квалифицирующим является деяние, совершенное в период мобилизации (в т. ч. частичной) или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Факт совершения преступления в такие периоды является обстоятельством, отягчающим наказание (усиливающим ответственность) за оставление места службы.

Согласно ч. 2 ст. 1 «Основные понятия» Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени [2].

Например, К. был признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца, совершённой им как военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в период мобилизации. Согласно приговору, 29 февраля 2024 г. в период объявленной мобилизации К., с целью временно уклониться от прохождения военной службы, желая отдохнуть от исполнения служебных обязанностей, без уважительных причин не явился из отпуска в срок на службу в войсковую часть №, временно дислоцированную в одном из населённых пунктов, и проводил время по своему усмотрению по месту жительства [8].

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения [3].

Понятие военного времени традиционно связывается с особым правовым режимом существования государства, обусловленным состоянием войны. В юридическом смысле военное время представляет собой период, который начинается с момента официального объявления состояния войны либо фактического начала военных действий и завершается их прекращением. Для данного периода характерны: введение специальных правовых режимов управления государством и Вооружёнными Силами РФ; расширение полномочий органов военного управления; установление повышенных требований к воинской дисциплине и исполнению обязанностей военной службы. В уголовно-правовом аспекте совершение преступления в военное время существенно повышает его общественную опасность, поскольку любые нарушения порядка военной службы в этот период непосредственно влияют на обороноспособность государства.

Понятие вооруженного конфликта является более широким и гибким по сравнению с военным временем и во многом заимствовано из международного гуманитарного права. Под ним понимается ситуация применения вооружённой силы между государствами (международный вооружённый конфликт) либо внутри государства между правительственными силами и организованными вооружёнными формированиями (немеждународный вооружённый конфликт). Особенностями данной категории являются: отсутствие необходимости формального объявления войны; наличие фактического вооружённого противостояния; применение норм международного гуманитарного права. Включение этого признака в уголовный закон позволяет охватывать случаи, когда военные действия ведутся без официального введения режима военного времени.

Ведение боевых действий представляет собой более узкую категорию, характеризующую непосредственную фазу применения вооружённой силы. Речь идёт о фактическом осуществлении военных операций, боевых столкновений, выполнении боевых задач подразделениями и воинскими частями. Данный признак указывает на то, что преступление совершается: в условиях непосредственного контакта с противником либо в рамках боевой операции; при выполнении конкретных боевых задач; в обстановке повышенного риска для жизни и здоровья военнослужащих. В отличие от военного времени и вооружённого конфликта, которые могут охватывать более широкий временной и территориальный период, ведение боевых действий фиксирует именно активную стадию вооруженного противоборства.

Понимание данных определений имеет большое практическое значение для правильной квалификации оставления места прохождения службы, т.к. квалифицирующие признаки влекут более

строгое наказание. Например, в одном из дел К. был признан виновным в самовольном оставлении войсковой части продолжительностью свыше одного месяца, совершенном военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, с 14 августа по 2 октября 2022 г. в период мобилизации и осужден по ч. 5 ст. 337 УК РФ к лишению свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима. Однако, суд кассационной инстанции отменил предыдущие судебные акты на том основании, что на период совершения преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствовало данное отягчающее обстоятельство. Суд переквалифицировал действия К. с ч. 5 ст. 337 УК РФ на ч. 4 ст. 337 УК РФ (период уклонения от прохождения военной службы с 14 августа по 24 сентября 2022 г.) и ч. 2.1 ст. 337 УК РФ (период уклонения от прохождения военной службы с 25 сентября по 2 октября 2022 г.), назначив лишение свободы на срок 3 года [9].

Таким образом, самовольное оставление части или места военной службы представляет собой одно из наиболее распространенных воинских преступлений, напрямую затрагивающих основы военной дисциплины и боеспособности вооруженных сил. В современном правовом регулировании России данные деяния дифференцируются на самовольное оставление службы и дезертирство, что позволяет учитывать направленность умысла виновного. Однако на практике разграничение этих составов вызывает существенные трудности, требующие учета совокупности объективных и субъективных признаков, а также разъяснений высших судебных органов. Особую общественную опасность рассматриваемые преступления приобретают в условиях мобилизации, военного положения, вооруженного конфликта и ведения боевых действий, поскольку в такие периоды любое нарушение воинской дисциплины непосредственно влияет на обороноспособность государства и эффективность выполнения боевых задач.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

2. Федеральный закон от 26.02.1997 N 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 1997 г. N 9 ст. 1014

3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) "О военном положении" // Собрание законодательства Российской Федерации, 4 февраля 2002 года, №5, ст. 375

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11 "О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447521/?ysclid=mmaeo3aq5w995133031 (дата обращения 14.01.2026)

5. Маляров, А. И. Уголовная ответственность военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны: история становления и развития в России / А. И. Маляров // Военное право. – 2025. – № 5(93). – С.35-46

6. Оболенский, Д. И. Дезертирство и самовольное покидание службы: анализ уголовной ответственности и факторов, влияющих на решение о дезертирстве / Д. И. Оболенский // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 1(70). – С. 347-351

7. Сухоруков, А. Я. К вопросу о признаках, свидетельствующих об умысле на дезертирство (статья 338 УК РФ) / А. Я. Сухоруков, А. П. Титаренко // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2023. – № 2(23). – С. 49-51.

8. Апелляционное постановление Южного окружного военного суда от 7 ноября 2025 г. № 22А-1008/2025 // https://yovs--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=17787884&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 12.02.2026)

9. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 N 223-УД24-11-К10 // https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11062024-n-223-ud24-11-k10/?ysclid=mohbq2rxbt447912861(дата обращения 12.02.2026)

.

Мусатов М.А.
студент юридической школы
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
e-mail: musatov-maksim04@mail.ru

Musatov M.A.
Student of School Law
Far Eastern Federal University

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется система правовых основ регулирования таможенной деятельности в условиях интеграции в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации таможенных процессов. Актуальность работы обусловлена наличием коллизий между наднациональным и национальным законодательством, а также пробелами в правовом регулировании электронного декларирования и пост-контроля. Цель исследования — выявить структуру, принципы и проблемные зоны правового регулирования таможенной деятельности, предложить пути их устранения. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и анализ судебной практики. Результаты включают трехуровневую систему правовых основ (наднациональный, федеральный, ведомственный), классификацию принципов, а также эмпирические данные о нарушениях таможенных правил. В ходе обсуждения предложены меры по унификации понятийного аппарата, внедрению института предварительных решений и закреплению статуса цифровых профилей участников ВЭД. Выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Ключевые слова: таможенная деятельность, правовые основы, таможенное регулирование, ЕАЭС, Таможенный кодекс ЕАЭС, принципы таможенного права, цифровизация, электронное декларирование, правовые коллизии.

LEGAL BASIS FOR REGULATION IN CUSTOMS ACTIVITIES

Abstract. This article examines the legal framework for regulating customs activities in the context of integration within the Eurasian Economic Union (EAEU) and the digital transformation of customs processes. The relevance of this work stems from the existing conflicts between supranational and national legislation, as well as gaps in the legal regulation of electronic declarations and post-clearance procedures. The purpose of this study is to identify the structure, principles, and problem areas of legal regulation of customs activities and propose ways to address them. The methodological basis is based on formal legal, comparative legal, and judicial analysis. The results include a three-tier system of legal frameworks (supranational, federal, and departmental), a classification of principles, and empirical data on customs violations. The discussion proposed measures to unify conceptual frameworks, implement preliminary rulings, and formalize the status of digital profiles for foreign trade participants. The findings can be used in legislative and law enforcement practice.

Keywords: customs activities, legal framework, customs regulation, EAEU, EAEU Customs Code, principles of customs law, digitalization, electronic declaration, legal conflicts.

Введение. Современное таможенное регулирование развивается под воздействием разнонаправленных факторов: глобализация мировой торговли требует унификации таможенных процедур, тогда как санкционные ограничения – усиления национального контроля. Углубление

интеграции в рамках ЕАЭС, с одной стороны, формирует наднациональное правовое поле (Таможенный кодекс ЕАЭС), а с другой – обнажает коллизии между ним и законодательством государств-членов. Параллельно цифровизация экономики (электронное декларирование, искусственный интеллект, система «единое окно») создаёт новые правовые вызовы: отсутствие чёткого статуса цифрового профиля участника ВЭД, неопределённость в распределении ответственности при автоматизации контроля. Указанные обстоятельства обусловливают высокую актуальность системного анализа правовых основ таможенной деятельности.

Целью работы является выявление структуры, принципов и проблемных зон правового регулирования таможенной деятельности, а также формулирование предложений по совершенствованию нормативной базы.

В основу исследования положен комплекс общенаучных и специально-юридических методов. В разделе «Материалы и методы» будет подробно раскрыто применение формально-юридического (текстуальный анализ нормативных актов), сравнительно-правового (сопоставление норм ЕАЭС, национального законодательства и зарубежных подходов), историко-правового (эволюция регулирования) методов, а также метода анализа судебной практики Суда ЕАЭС и Верховного Суда РФ. Эмпирическую базу составят статистические данные о таможенных правонарушениях за последние три года.

Материалы и методы. Нормативно-правовую базу настоящего исследования составила система источников таможенного права, действующих на наднациональном, федеральном и ведомственном уровнях. В качестве фундаментального акта первостепенной значимости выступает Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, закрепивший принципы функционирования единой таможенной территории и основы отраслевого регулирования внешнеэкономической деятельности.

Ключевым кодифицированным актом в сфере таможенного регулирования в рамках ЕАЭС является Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) от 11 апреля 2017 года, который на сегодняшний день продолжает оставаться основным регулятором таможенных отношений между государствами-членами. При этом в ЕЭК ведётся активная работа над внесением около 600 поправок в ТК ЕАЭС, направленных на ускорение движения товаров и облегчение условий ведения бизнеса, подготовка пакета которых близится к завершению.

На национальном уровне основополагающим нормативным актом является Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон действует в актуальной редакции по состоянию на 27 октября 2025 года, с изменениями, вступающими в силу с 14 декабря 2025 года. Кроме того, Федеральный закон от 27 октября 2025 года № 383-ФЗ внёс значительные коррективы в механизмы взаимодействия участников ВЭД с таможенными органами, включая обязательный электронный формат подачи заявлений о классификации товаров [5].

К подзаконным актам, проанализированным в работе, относятся решения Коллегии и Совета Евразийской экономической комиссии, а также приказы Федеральной таможенной службы России. Среди наиболее значимых подзаконных актов последнего времени — Решение Коллегии ЕЭК от 1 апреля 2026 года № 141, закрепившее автоматизированный порядок регистрации деклараций в ЕАЭС, а также Решение Коллегии ЕЭК от 9 декабря 2025 года № 124, регулирующее электронный информационный обмен между государствами-членами ЕАЭС и третьими странами в рамках электронной сертификации происхождения товаров.

Особое место в источниковой базе занимают международные договоры универсального характера, прежде всего Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур

(Киотская конвенция) в пересмотренной редакции, содержащая ключевые стандарты современного таможенного администрирования. Также анализируются конвенции о временном ввозе и другие международные договоры в области таможенного сотрудничества.

Результаты. В ходе исследования выявлена трёхуровневая система правовых основ таможенной деятельности [12]:

Первый (наднациональный) уровень образуют международные договоры в рамках ЕАЭС, прежде всего Договор о ЕАЭС и ТК ЕАЭС, а также решения высших органов Союза, обладающие прямым действием и верховенством по отношению к национальному законодательству в регулируемой сфере. Особенностью данного уровня является активное развитие «мягкого права» (рекомендательных актов и разъяснений ЕЭК), которые, не имея формально обязательной силы, оказывают значительное влияние на правоприменительную практику.

Второй (федеральный) уровень представлен национальными законами о таможенном регулировании, в Российской Федерации — Федеральным законом № 289-ФЗ, который конкретизирует и дополняет положения ТК ЕАЭС применительно к национальной юрисдикции, а также устанавливает административную и уголовную ответственность за нарушения таможенных правил.

Третий (ведомственный) уровень включает подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые ЕЭК (решения Коллегии и Совета) и ФТС России (приказы, распоряжения, разъяснения). Эти акты регламентируют технологические и процедурные аспекты таможенного администрирования, такие, как форма и порядок заполнения деклараций, порядок применения системы управления рисками, форматы электронных документов.

Важным выводом является констатация того, что формальное существование трёхуровневой системы не означает её безупречного функционирования ввиду наличия институциональных разрывов между наднациональным регулированием, национальным законодательством и ведомственными правовыми актами.

На основе анализа источников таможенного права предложена следующая классификация принципов таможенного регулирования:

Общеправовые принципы:

- Принцип законности — строгое и неукоснительное соблюдение всеми участниками таможенных отношений (таможенными органами, участниками ВЭД, должностными лицами) требований нормативных правовых актов всех уровней.
- Принцип единства таможенной территории — отсутствие в пределах ЕАЭС внутренних таможенных границ и таможенных пошлин, обеспечение свободного перемещения товаров между государствами-членами.

Специальные принципы таможенного регулирования:

- Принцип гласности и транспарентности — открытость и доступность нормативных правовых актов в сфере таможенного регулирования, в том числе через официальные сайты и государственные информационные системы.
- Принцип стимулирования внешней торговли — направленность таможенно-тарифных и нетарифных мер на развитие экспорта, защиту внутреннего рынка и упрощение процедур для добросовестных участников ВЭД. Как отметил член Коллегии ЕЭК Руслан Давыдов, разрабатываемые поправки в ТК ЕАЭС «будут в первую очередь направлены на ускорение движения товаров, облегчение условий ведения бизнеса».
- Принцип охраны интеллектуальных прав — осуществление таможенными органами контроля за перемещением через границу товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, включённые в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности.

Принципы, обусловленные цифровой трансформацией [14]:

- Принцип приоритета электронного документооборота — постепенный отказ от бумажного документооборота в пользу электронных форматов. С 27 ноября 2025 года заявление о классификации товара в обязательном порядке подаётся в виде электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.
- Принцип автоматизации таможенных операций — внедрение автоматизированных алгоритмов регистрации деклараций, при которых «система наделяется правом самостоятельно регистрировать декларацию или отказывать в ней на основе заданных алгоритмов».
- Принцип единства информационного пространства — обеспечение совместимости и синхронизации информационных систем таможенных служб государств-членов ЕАЭС. Как заявил Руслан Давыдов, «нам надо добиться определенной унификации и стандартов, и форматов, и темпов этой цифровизации».

На основе анализа нормативных источников и практики их применения выявлены следующие ключевые проблемные зоны:

Коллизии между нормами ТК ЕАЭС и национальным законодательством. Несмотря на формальный приоритет наднационального права, на практике возникают ситуации, в которых национальное законодательство РФ детализирует или уточняет положения ТК ЕАЭС иным образом, что порождает правовую неопределённость и может служить основанием для судебных споров. Характерным примером выступают расхождения в регулировании институтов таможенного представителя и уполномоченного экономического оператора, где национальное законодательство устанавливает дополнительные требования, не предусмотренные ТК ЕАЭС.

Пробелы в регулировании электронного декларирования и распределение рисков ответственности. Внедрение автоматизированных систем регистрации деклараций (Решения Коллегии ЕЭК № 141 от 2026 года) ставит вопрос о правовой ответственности за ошибки, допущенные автоматизированной системой. Правовой статус искусственного интеллекта в таможенном администрировании законодательно не определён, возникают сложности с распределением бремени доказывания при автоматизированном отказе в регистрации декларации.

Недостаточная эффективность механизмов таможенного контроля после выпуска товаров (пост-контроля). Пост-контроль, осуществляемый в течение трёх лет после выпуска товаров, сталкивается с проблемами оперативного получения документов от участников ВЭД, несовершенством механизмов дистанционного взаимодействия, а также высокими временными и организационными издержками. На уровне ЕЭК предпринимаются шаги по совершенствованию данной сферы, однако полноценного правового решения проблемы пока не выработано.

Правовая неопределённость в применении санкционных и ответных мер. В условиях санкционного давления и введения Россией ответных экономических мер возникает ряд правовых коллизий: неопределённость статуса товаров, страна происхождения которых не может быть достоверно подтверждена; отсутствие единообразных подходов к классификации товаров, в отношении которых введены ограничения; проблемы квалификации действий участников ВЭД, направленных на обход санкционных запретов. Как свидетельствует судебная практика, Верховный Суд РФ отказывает участникам ВЭД в пересмотре дел, если страна происхождения товаров не подтверждена, а товары задекларированы в соответствии с кодом ТН ВЭД ЕАЭС, в отношении которого введены ответные меры.

Статистический анализ данных о правоприменительной практике в таможенной сфере выявил следующие тенденции. Количество административных дел о нарушениях таможенных правил (статья 16.1–16.24 КоАП РФ) сохраняется на высоком уровне, при этом наибольшая доля нарушений приходится на недекларирование товаров и представление недостоверных сведений. Количество уголовных дел о

контрабанде (статья 226.1 УК РФ) имеет тенденцию к небольшому снижению, что может объясняться совершенствованием системы управления рисками и ужесточением контроля.

Анализ судебных решений за 2023–2025 годы показывает, что количество споров, связанных с классификацией товаров по ТН ВЭД ЕАЭС и корректировкой таможенной стоимости, остаётся наиболее значительным в структуре таможенных судебных разбирательств. Важным показателем является также рост числа споров, связанных с отказом во внесении изменений в декларации на товары после выпуска, что подтверждается судебными актами Верховного Суда РФ. Одновременно наблюдается рост числа обращений участников ВЭД о возврате излишне уплаченных таможенных платежей, что свидетельствует о сохраняющихся системных проблемах с расчётом таможенной стоимости и корректным применением ставок пошлин.

Обсуждение. Проведённое исследование позволяет констатировать парадоксальную ситуацию: при формально стройной и непротиворечивой системе правовых основ таможенной деятельности на нормативном уровне сохраняются многочисленные правовые пробелы и коллизии. Причинами этого явления, по нашему мнению, выступают следующие факторы:

Институциональный разрыв между наднациональным регулированием (ЕЭК) и национальными ведомствами. ЕЭК, являясь наднациональным органом, вырабатывает решения и рекомендации, которые затем должны имплементироваться в национальные правовые системы государств-членов. Однако каждая страна-участница обладает собственным механизмом правотворчества, сроками и процедурами внесения изменений в национальное законодательство. В результате возникает временной лаг между принятием наднационального акта и его полноценной имплементацией, а также содержательные расхождения, обусловленные национальными особенностями правопонимания.

Быстрая цифровая трансформация таможенных технологий противоречит относительно низкой динамике законодательного процесса. Таможенные органы внедряют автоматизированные системы, искусственный интеллект, технологии «больших данных» и «единого окна», тогда как нормативная база, призванная их регулировать, запаздывает на годы. Как отмечается в ЕЭК, «в ЕАЭС важно синхронизировать процессы цифровизации таможенных служб», цифровизация «предполагает систему управления рисками», а «многие государства уже применяют в своей деятельности искусственный интеллект», — однако правовое регулирование использования этих технологий остаётся фрагментарным.

Разнонаправленный вектор интеграции: углубление интеграции в рамках ЕАЭС (стремление к единым таможенным процедурам) и усиление национального контроля ввиду санкционных ограничений. Данное противоречие сдерживает унификацию таможенного регулирования, поскольку государства-члены вынуждены в одностороннем порядке вводить ответные меры, которые затем вступают в противоречие с наднациональным правом.

Многообразие источников таможенного права (международные договоры, наднациональные акты, национальные законы, ведомственные приказы, судебные прецеденты) создаёт риски их дублирования, противоречий и неоднозначного толкования правоприменителями.

Сравнительно-правовой анализ таможенного регулирования в ведущих экономиках мира позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные различия, которые могут быть учтены при совершенствовании правовой базы ЕАЭС и Российской Федерации.

Европейский Союз отличается высоким уровнем унификации таможенного законодательства на наднациональном уровне (Союзный таможенный кодекс — Union Customs Code, UCC), который имеет прямое действие на территории всех государств-членов. Цифровизация в Евросоюзе достигла высокого уровня: предполагается создание единой цифровой среды таможенного администрирования к 2025 году. Также характерно активное использование системы «единого окна» и предварительной таможенной информации.

В США таможенным регулированием занимается Служба таможенного и пограничного контроля (CBP), функционирующая в рамках Министерства внутренней безопасности. Американское регулирование отличается высоким уровнем автоматизации (система ACE — Automated Commercial Environment), а также жёсткими механизмами пост-контроля и мониторинга санкционных режимов. Практикуется активное использование информационного обмена и систем ранжирования рисков.

В Китае создана масштабная цифровая экосистема таможенного администрирования (единая платформа Интернет+Таможня), активно внедряются искусственный интеллект и «большие данные». Как отмечается в ЕЭК, в Китае внедрена Международная система обмена электронными сертификатами происхождения товаров со многими странами.

При всех различиях можно выделить общие тенденции:

- постепенный отказ от бумажного документооборота в пользу электронного;
- автоматизация таможенных операций и использование искусственного интеллекта;
- интеграция таможенных информационных систем с системами других контролирующих органов;
- усиление пост-контроля с использованием инструментов анализа данных;
- дистанционное взаимодействие с участниками ВЭД через личные кабинеты и специализированные информационные системы.

На основе проведённого исследования предложен следующий комплекс мер по совершенствованию правового регулирования таможенной деятельности:

Унификация понятийного аппарата ТК ЕАЭС и национальных законов. Требуется проведение инвентаризации и кодификации дефиниций, используемых в ТК ЕАЭС и Федеральном законе № 289-ФЗ, с целью устранения различий в толковании таких ключевых понятий, как «таможенное декларирование», «таможенный контроль», «таможенные операции», «заинтересованные лица».

Введение института предварительных решений с обязательной силой для всех стран-участниц. Следует распространить практику принятия предварительных решений о классификации товаров, стране происхождения и таможенной стоимости на все государства-члены ЕАЭС таким образом, чтобы решение, принятое таможенным органом одного государства-члена, признавалось обязательным на территории всех стран ЕАЭС. Это позволит избежать споров и снизит транзакционные издержки для добросовестных участников ВЭД. В России с 27 ноября 2025 года подача заявлений на принятие предварительного решения о классификации товаров осуществляется исключительно в электронной форме, что является шагом в верном направлении.

Законодательное закрепление статуса цифровых профилей участников ВЭД. Необходимо определить в законодательстве правовой статус «цифрового профиля участника ВЭД», содержащегося в личном кабинете на сайте ФТС России. Сегодня цифровая платформа ФТС России, именуемая личным кабинетом участника ВЭД, предполагает онлайновый доступ к 26 сервисам. Однако правовой режим информации, содержащейся в личном кабинете, порядок её использования таможенными органами и распределение ответственности при технических сбоях остаются неопределёнными.

Совершенствование процедуры досудебного обжалования и перенос спора в платформенные решения. Следует разработать и внедрить специализированную цифровую платформу для досудебного обжалования решений, действий (бездействия) таможенных органов. Такая платформа должна обеспечивать подачу жалобы в электронной форме, отслеживание статуса рассмотрения в режиме реального времени и автоматическое формирование юридически значимых уведомлений. Медиативные процедуры и автоматизированные алгоритмы урегулирования споров позволят разгрузить судебную систему и снизить нагрузку на таможенные органы.

Дополнительно целесообразно разработать специализированные механизмы правового регулирования использования искусственного интеллекта при автоматизированной регистрации деклараций, включая нормы об ответственности за ошибки системы и порядке обжалования автоматизированных отказов.

Выводы. Проведённое исследование позволяет утверждать, что правовая основа таможенной деятельности представляет собой многоуровневую, динамично развивающуюся, но не лишённую внутренних противоречий систему. Трёхуровневая структура (наднациональный, федеральный, ведомственный уровни) обеспечивает баланс между унификацией и учётом национальных интересов, однако наличие коллизий между ТК ЕАЭС и Федеральным законом № 289-ФЗ, пробелов в регулировании цифровых форм взаимодействия и правовой неопределённости при применении санкционных мер существенно снижает эффективность правоприменения.

По результатам исследования на защиту выносятся следующие ключевые тезисы:

1. Приоритет наднационального права в рамках ЕАЭС не устраняет необходимость корректирующего национального регулирования. В условиях санкционных ограничений и различий в правовых системах государств-членов национальное законодательство сохраняет значительный объём самостоятельного регулирования, особенно в сферах ответственности и процедурных вопросов.
2. Ключевая проблема современного таможенного регулирования — рассогласование темпов цифровой трансформации и законотворчества. Автоматизированные системы, искусственный интеллект и электронный документооборот внедряются быстрее, чем формируется их правовая база, что порождает риски безответственности системы и неопределённости для участников ВЭД.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017) (ред. от 29.05.2019) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 05.05.2026).
3. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999) // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Конвенция о временном ввозе (заключена в г. Стамбуле 26.06.1990) // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32. Ст. 5082. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 14.11.2017 № 317-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 47. Ст. 6843.
7. Федеральный закон от 27.10.2025 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 05.05.2026).

8. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.04.2026 № 50 «О внесении изменений в Приложения № 2 и № 3 к Порядку заполнения декларации на товары, утвержденному Решением Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 05.05.2026).

9. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.12.2025 № 126 «Об утверждении формы единого реестра отдельных мер регулирования в отношении товаров, вывозимых с таможенной территории Евразийского экономического союза, применение которых зависит от происхождения товаров» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 05.05.2026).

10. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.06.2025 № 56 «О продлении антидемпинговой меры в отношении горячедеформированных бесшовных труб из нержавеющей стали, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/ (дата обращения: 05.05.2026).

11. Бетилгириев М. А., Филимонова Е. А., Чекмарева Г. И. Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-regulirovaniya-v-sfere-tamozhennoy-deyatelnosti (дата обращения: 04.05.2026).

12. Мацкевич А.Ю. Тенденции развития таможенного законодательства ЕАЭС / А. Ю. Мацкевич; науч. рук. Ж. В. Хацук // Шаг в науку - 2023: сб. науч. ст. VIII Междунар. студенческой науч.-практ. конф., Гродно, 7 апр. 2023 г. / редкол.: Т. В. Филипчик [и др.]; рецензенты С. М. Токть, А. Г. Авдей. – Гродно: БИП - Университет права и социально-информационных технологий, 2023. – С. 102-106.

13. Некрасова А.П. Совершенствование мер технического регулирования при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС // Электронный научный архив СПбПУ. 2024. № 1. С. 15–22.

14. Чернявский И.С. Проблемы проведения таможенного контроля в современных условиях в ЕАЭС / И. С. Чернявский; науч. рук. Д. Ю. Литвинчук // Persona. Justitia. Modernitas. В 3 т. Т. 3: сборник студ. работ по итогам X Всеросс. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов с междунар. уч., Саратов, 30 нояб. - 1 дек. 2023 г. – Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – С. 311-314.

15. Постановление Суда Евразийского экономического союза от 11.09.2025 о принятии к производству заявления о разъяснении отдельных вопросов в сфере таможенного регулирования (дело № Р-8/25) // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза. URL: http://courteurasian.org/ (дата обращения: 05.05.2026).

16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2025 № 305-ЭС25-1704 по делу № А40-40547/2024 // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2025 № 306-ЭС24-23470 по делу № А57-16033/2023 // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.12.2024 № 305-ЭС24-21395 по делу № А40-121786/2023 // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2024 № 303-ЭС24-5522 по делу № А51-12630/2023 // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

20. Решение Верховного Суда РФ от 22.10.2024 № АКПИ24-697 // Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

Кисляков С.В.
студент
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Kislyakov S.V.
Student
Vyatka State University

РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИМ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

Аннотация. Институт присяжных заседателей в Российской Федерации занимает особое место в системе уголовного судопроизводства, особенно когда речь идёт о рассмотрении дел по особо тяжким преступлениям, за которые может быть назначена смертная казнь. В данной статье рассматривается роль прокурора, обеспечивающего соблюдение прав всех участников таких процессов, от обвиняемого до жертв преступлений. Помимо глубоких знаний законодательства государственный обвинитель должен владеть навыками убеждения, соблюдать процессуальные нормы, поскольку именно от его профессиональной подготовки зависит не только справедливость приговора, но и авторитет судебной власти в целом.

Ключевые слова: особо тяжкие преступления, государственный обвинитель, смертная казнь, присяжные заседатели, роль прокурора.

THE PROSECUTOR'S ROLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING THE DEATH PENALTY

Abstract. The institution of jury trials in the Russian Federation occupies a special place in the criminal justice system, particularly when it comes to cases involving particularly serious crimes for which the death penalty may be imposed. This article examines the role of the public prosecutor, who ensures that the rights of all participants in such trials, from the accused to the victims, are respected. In addition to a deep knowledge of the law, the public prosecutor must possess persuasive skills and adhere to procedural rules, since not only the fairness of the sentence, but also the authority of the judiciary as a whole depends on his professional training.

Keywords: especially serious crimes, state prosecutor, death penalty, jurors, the role of the prosecutor.

В России суд с участием присяжных заседателей по ходатайству подсудимого может рассматривать уголовные дела по особо тяжким преступлениям, за которые предусмотрена смертная казнь. На протяжении нескольких веков смертная казнь в России являлась крайней мерой наказания. После распада СССР и принятия новой Конституции Российской Федерации 1993 года применение смертной казни было ограничено. В 1996 году, после вступления России в Совет Европы президент Борис Ельцин ввел негласный мораторий, перестав рассматривать ходатайства о помиловании, без чего по закону не может быть исполнен ни один смертный приговор [7].

Современный Уголовный кодекс РФ предусматривает смертную казнь как исключительную меру наказания за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь [3]:

— Убийство (статья 105 часть 2 УК РФ);

— Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические

средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества в особо крупном размере (статья 228.1 часть 5 УК РФ):

— Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (статья 229.1 часть 4 УК РФ);

— Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277 УК РФ);

— Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (статья 295 УК РФ);

— Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (статья 317 УК РФ);

— Геноцид (статья 357 УК РФ).

Несмотря на формальное сохранение смертной казни в законодательстве РФ, ее применение блокируется установленным постановлением Конституционного суда РФ в 1999 году, который был продлен в 2009 году. В качестве альтернативы для таких преступлений в Российском уголовном праве закреплено пожизненное лишение свободы.

Право гражданина на рассмотрение уголовного дела по особо тяжким преступлениям, предусматривающим смертную казнь, в суде с участием коллегии присяжных закреплено во второй главе Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина», а также регулируется Уголовно-процессуальным Кодексом РФ. Участие прокурора в таких делах имеет огромное практическое значение, так как прокурор выступает не только как главный представитель обвинения в уголовном судопроизводстве, но и является гарантом законности и справедливости для всех участников процесса.

Настоящая статья посвящена исследованию роли прокурора на всех этапах судебного процесса с участием коллегии присяжных по особо тяжким преступлениям, предусматривающую высшую меру наказания. Актуальность данного исследования обусловлена совокупностью факторов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение, так как позволяет выявить пробелы в отечественном законодательстве, недостатки в подготовке кадров, определить направления для дальнейшего развития процессуальных норм.

Конституция Российской Федерации закладывает фундаментальные принципы деятельности прокуратуры, определяя ее как единый централизованный орган, надзирающий за соблюдением законов в уголовном судопроизводстве. В статье 129 Конституции РФ определены обязанности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде, что особенно актуально при рассмотрении уголовных дел по преступлениям с возможным применением высшей меры наказания. Закрепленный в Конституции статус обязывает прокурора активно участвовать в уголовном судопроизводстве с коллегией присяжных, обеспечивая баланс между обвинением и защитой.

Особый статус прокуратуры в Российской Федерации также закреплен статьей первой федерального закона от 17.01.1992 N 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») как «единой федеральной централизованной системы органов». При этом особенностью положения прокуратуры в системе государства является ее независимость, так как она не относится ни к одной из ветвей государственной власти. Такой подход позволяет прокуратуре осуществлять свою деятельность «независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений». Положение и роль прокуратуры в Российской Федерации определяется характером и содержанием ее деятельности, которая осуществляется «в целях обеспечения верховенства

закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [4].

Реализация обеспечения законности в деятельности судов осуществляется посредством такого направления прокурорской деятельности, как участие прокурора в рассмотрении дел судами. Данная функция закреплена на законодательном уровне и регламентируется общими положениями, содержащимися в разделе IV ФЗ «О прокуратуре РФ». Статьей 37 УПК РФ установлены полномочия прокурора, осуществляющего от имени государства уголовное преследование, на всех этапах уголовного судопроизводства: от возбуждения уголовного дела до обжалования приговоров. Нормы главы 42 УПК РФ регулируют производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей.

В приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» предписана необходимость обеспечивать квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел, так как от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела. Особое внимание обращается на поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, которое должно поручаться прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами [9].

Судебный процесс с участием присяжных заседателей представляет собой специфическую форму организации суда, которая заключается в том, что рассмотрение в судебном разбирательстве уголовного дела и принятие решения осуществляется как профессиональным судьей (председательствующим), так и гражданами, которые принимают решение на основе своего личного жизненного опыта (коллегией присяжных) [4]. Полномочия председательствующего и присяжных различаются. Согласно части первой статьи 334 УПК РФ присяжные заседатели разрешают вопросы факта, сформулированные в вопросном листе, а именно: имело ли место событие преступления; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Председательствующий единолично решает вопросы, касающиеся применения права, то есть квалификация деяния, назначение наказания и других вопросов, разрешаемых при постановлении приговора (часть 2 статьи 334 УПК РФ).

До начала судебного заседания происходит формирование коллегии присяжных заседателей путем их отбора из списка кандидатов в присяжные. Этот процесс имеет колоссальное значение, поскольку отобранные присяжные станут оценивать все доказательства, представленные по делу, и вынесут свой вердикт о виновности или невиновности привлекаемого к уголовной ответственности лица. У сторон имеется только одно заседание, на котором они оценивают лиц, желающих стать присяжными, потом уже коллегия будет оценивать действия, как сторон, так и председательствующего судьи [6].

Каждый кандидат в присяжные имеет уникальный жизненный опыт, профессиональные знания, свои взгляды, кто-то мог столкнуться с преступлением, как жертва, а кто-то – иметь проблемы с законом. Кроме того, у людей могут быть положительные или отрицательные впечатления от работы полиции, судебных органов или адвокатов. Еще до начала отбора присяжных, изучив материалы дела, прокурору важно учесть все эти факторы и понять, кто может быть включен в состав коллегии, чтобы решение по делу было максимально объективным. Эффективность участия прокурора в формировании коллегии присяжных напрямую зависит от качества предварительной подготовки. Для этого необходимо:

— Изучить материалы уголовного дела, отметив ключевые моменты, которые могут повлиять на восприятие присяжными сути обвинения;

— Провести беседы с потерпевшими и определить значимые обстоятельства, которые будут иметь значение для формирования убедительной доказательной позиции обвинения.

— Составить перечень вопросов к кандидатам в присяжные, с помощью которых прокурор сможет выявить у людей, готовых вынести вердикт по делу, предубеждения, личные связи с участниками процесса, обстоятельства, способные повлиять на их беспристрастность. Подготовленные вопросы должны быть ясными, понятными, не вызывать двоякого толкования.

Институт присяжных заседателей, будучи одним из краеугольных камней современного правосудия, призван обеспечить максимальную объективность и справедливость при рассмотрении дел, где последствия для обвиняемого и общества могут быть необратимыми. Однако эффективность данного института напрямую зависит от качества представления доказательств и аргументации сторон. Будучи представителем стороны обвинения, прокурор несет ответственность за формирование у коллегии присяжных целостного, достоверного и доступного представления о произошедшем событии, основывающегося на совокупности неопровержимых доказательств. Неполнота или некорректность изложения позиции обвинения может привести к ошибочному оправданию виновного или, наоборот, к осуждению невиновного, что, в конечном счете, подрывает авторитет и доверие к системе правосудия.

Выявление лиц, склонных к оправданию преступления, представляет собой одно из основополагающих направлений деятельности прокурора, направленное на обеспечение соблюдения принципов законности и справедливости в уголовном процессе. Мотивы, влияющие на формирование оправдательного отношения к подсудимому, носят многофакторный характер. Могут иметь место непосредственные социальные связи с подсудимым или его родственниками, эмоционально-психологические факторы, религиозные воззрения, мировоззренческие установки.

При общении с кандидатами в присяжные прокурору следует обратить внимание на коммуникативную сторону взаимодействия: исключить из своей речи узкопрофессиональные юридические термины, сложные формулировки, использовать бытовую, вежливую форму взаимодействия, создавая условия для конструктивного диалога.

В судебных процессах с участием присяжных заседателей по делам, сопряженных с возможностью назначения смертной казни, ключевая задача прокурора заключается в достижении баланса между двумя задачами: убедительного поддержания стороны обвинения и строгого соблюдения процессуальных гарантий. При этом чрезмерная эмоциональность в обращении к коллегии создает риск нарушения основополагающего принципа презумпции невиновности и формирования предвзятости у присяжных. В частности, при рассмотрении дел о террористических актах прокурор, взяв за основу оперативные материалы, может акцентировать внимание на высокой общественной опасности деяния, что создает риск смешения фактических доказательств с их субъективной оценкой. Подобная ситуация повышает вероятность апелляционного обжалования и пересмотра вынесенного по делу решения.

В процессе подготовки к судебному разбирательству государственный обвинитель должен принимать во внимание возможное формирование ложных убеждений и умозаключений у присяжных, связанных с существующими стереотипами и установками. В процессе подготовки к судебному разбирательству прокурор должен учитывать специфику данного воздействия на когнитивные процессы человека и выстраивать свою профессиональную деятельность соответствующим образом [11].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет, что первой представляет доказательства сторона обвинения (статья 274 УПК РФ). В рамках уголовного судопроизводства непосредственно государственный обвинитель формирует исходную модель ситуации и определяет стратегию установления и оценки обстоятельств произошедшего, обеспечивая соблюдение законности и объективности.

Эффективность участия прокурора в качестве государственного обвинителя в процессе с участием коллегии присяжных определяется качеством и полнотой материалов, собранных в ходе предварительного следствия, а также уровнем профессионального мастерства в подаче доказательств

присяжным. Не менее значимым моментом является владение тактическими приемами ведения судебного разбирательства и умение их адекватно применять в конкретной процессуальной ситуации. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» предписывает необходимость тщательной подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве. Прокурор должен продумать, какие приемы представления соответствующей доказательственной информации будут наиболее понятны коллегии присяжных, как добиться максимальной убедительности и большей наглядности в представлении тех доказательств, которые он планирует представить.

В процессе представления доказательств государственный обвинитель должен использовать комплексный подход, сочетая вербальные, визуальные, тактильные способы подачи информации для достижения объективного восприятия материалов дела присяжными заседателями. Так, последовательное представление доказательств может включать оглашение протокола осмотра места происшествия, демонстрацию сопровождающей фототаблицы и предъявление вещественных доказательств с возможностью их непосредственного осмотра и тактильного изучения коллегией присяжных.

Стратегия прокурора в суде с участием присяжных требует акцента на визуализации доказательного материала. Это необходимо для обеспечения полноты и точности восприятия информации лицами, не обладающими специальными юридическими знаниями. Государственные обвинители достаточно активно используют в доказывании в суде присяжных различные схемы, планы, наглядные пособия, 3D-моделирование обстановки на месте происшествия и т. п. Даже простое демонстрирование присяжным заседателям вещественных доказательств уже может рассматриваться как элемент визуализации в судебном процессе. Примером визуализации может служить демонстрирование присяжным заседателям видеозаписей следственных действий, на которых видны внешний облик и поведение участников, их реакция на задаваемые следователем вопросы, раскрепощенность или, напротив, зажатость и поведение в целом.

Во всех уголовных делах имеются доказательства различные по степени своей значимости. Выбирая тактику представления доказательств, прокурор принимает для себя решение, с какого доказательства он будет начинать доказывание. Так, можно начать с наиболее сильного доказательства, чтобы сразу убедить коллегию присяжных в обоснованности позиции обвинения. После того как такое доказательство окажет свое воздействие на присяжных, им представляются менее значимые доказательства, которые как бы замыкают логическую цепочку. Можно пойти противоположным путем: начать с наименее значимых доказательств, после чего усиливать доказательственное воздействие и эффектно закончить наиболее сильным по своему содержанию доказательством, которое будет играть роль своего рода точки в доказывании [11].

Первый подход является целесообразным в ситуациях, когда дело содержит комплекс доказательств, изобличающих подсудимого. Второй подход актуален при ограниченном количестве таких доказательств: в процессе продолжительного судебного разбирательства единственное убедительное доказательство, представленное на начальном этапе, может утратить свою доказательную силу, «растворившись» в массиве процессуальных материалов, не несущих существенной информационной нагрузки (в том числе в многочисленных протоколах допросов и следственных действий).

В судебных заседаниях с участием коллегии присяжных, рассматривающих уголовные дела по особо тяжким преступлениям, предусматривающим смертную казнь, прокурор активно использует заключения экспертов, полученные в ходе досудебного производства. Заключения представляются в качестве ключевых аргументов, подкрепляющих позицию обвинения. Эффективность восприятия

заключения эксперта участниками судебного заседания напрямую зависит от тактики его представления государственным обвинителем в контексте остальных материалов дела. Ключевым фактором здесь выступает форма подачи: необходимо обеспечить чёткую структурированность и наглядность экспертных выводов. В судебных прениях государственный обвинитель также использует заключения экспертов в комплексе с другими доказательствами, что позволяет обосновать и закрепить свою позицию в рамках уголовного процесса.

В ситуациях, когда экспертное заключение обладает существенной доказательственной значимостью для уголовного дела, при этом его положения допускают неоднозначную трактовку, прокурор обязан инициировать процедуру допроса эксперта с целью уточнения и разъяснения ключевых выводов. В ходе судебного допроса эксперта необходимо предусмотреть вопросы, нацеленные на разъяснение содержания экспертных выводов, содержащих узкопрофессиональную терминологию. Отсутствие данного разъяснения в ходе судебного следствия может способствовать искажению информации коллегией присяжных: от простого недопонимания до негативного отношения к эксперту и его выводам. Во избежание данных рисков прокурор заблаговременно обсуждает с экспертом предмет допроса и акцентирует внимание на необходимости разъяснения специальной терминологии.

Одним из наиболее значимых и ответственных этапов поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных является выступление прокурора в прениях сторон. Государственный обвинитель готовит речь, где систематизирует доказательную базу, опираясь на принципы непосредственности и всесторонности. Он формулирует позицию по вопросам для присяжных – от установления события преступления до степени общественной опасности, – предлагая варианты, исключающие двусмысленность. Речь прокурора строится на принципах логической убедительности, а не эмоционального воздействия, в центре внимания — структурированное изложение хронологии событий, мотивация участников и анализ последствий совершённых действий.

Речь прокурора как полномочного представителя государства в уголовном судопроизводстве имеет не только большое процессуальное значение, но и особую общественную значимость. Необходимо помнить, что каждое слово обвинительной речи звучит от имени государства, ее будут слушать и анализировать и участники процесса, и присутствующие в зале суда граждане, представители общественности, СМИ. От качества данной речи будут зависеть и престиж самого государственного обвинителя, и авторитет органов прокуратуры, и уровень доверия граждан к этому институту [11].

На протяжении всего судебного разбирательства с участием коллегии присяжных по уголовным делам о преступлениях, предусматривающих высшую меру наказания, процессуальная обстановка носит напряженный характер, особенно в отношении линии поведения и аргументации прокурора, постоянно балансирующего между поддержкой обвинения и соблюдением процессуальных норм. Государственный обвинитель не просто поддерживает версию следствия, но тщательно выстраивает линию, ориентированную на два ключевых вердикта: установление события преступления и оценку его общественной опасности для возможного назначения смертной казни. Согласно процессуальным нормам, после признания обвиняемого виновным присяжные отвечают на специальный вопрос – заслуживает ли он лишения жизни или ограничится пожизненным заключением.

Специфика дел, связанных с возможностью назначения высшей меры наказания, требует от прокурора помимо глубокого знания процессуальных норм, способности сохранять эмоциональную стабильность в условиях высокого давления. В свою очередь государственному обвинителю необходимо самому избегать возможности давления на коллегию присяжных, фокусируясь на доказательствах. Это критически важно, поскольку решение присяжных формируется на основе коллективного восприятия доказательств, а аргументация прокурора в прениях нередко становится решающим фактором.

Результаты проведенного исследования подтвердили ключевую роль прокурора в рассматриваемых судебных процессах, как лица, обеспечивающего реализацию государственного обвинения и соблюдение принципов законности на всех этапах судебного разбирательства.

Совершенствование реализации полномочий государственного обвинителя в судебных процессах по уголовным делам о особо тяжких преступлениях, предусматривающих смертную казнь, требует комплексного подхода:

— Необходимо уточнить процессуальные полномочия прокурора в российском законодательстве;

— Внедрить специализированные программы обучения прокуроров, ориентированные на изучение психологии поведения присяжных на всех этапах судебного производства;

— Стандартизировать судебную практику по делам о преступлениях, за которые может быть назначена высшая мера наказания (с учётом действующего моратория и международных стандартов).

Данные меры позволят обеспечить большую прозрачность, справедливость и предсказуемость судебного процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года. – Текст электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 09.04.2026).

2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 : [в редакции от 30 сентября 2024 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157 (дата обращения: 12.04.2026).

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая и Особенная части / под общ. Ред. И. Я. Козаченко, Т. Р. Сабитова. – Москва: Проспект, 2024. – 1216 с.

4. Чурилов, Ю. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: самый простой и понятный комментарий / Ю. Ю. Чурилов. – 5-е издание с материалами новейшей практики высших судов РФ и судов общей юрисдикции. – Москва: Эксмо, 2023. – 912 с.

5. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года №376. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: https://www.legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-30062021-n-376-ob-uchastii/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. Бондаренко, О. Г. Ошибки прокурора, допускаемые на стадии формирования коллегии присяжных при опросе кандидатов в присяжные заседатели / О. Г. Бондаренко // Криминалист. – 2022. - №3 (40). – С. 49-55.

7. Возобновление применения смертной казни: за и против / П. И. Бевзюк, П. В. Ивлиев, А. Р. Корнилов // Юридические науки. – 2024. - №4. – С. 70-76.

8. Геранин, В. В. Смертная казнь в России: состояние и перспективы / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 3. – С. 366–377. – DOI: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).3.366-377.

9. Глебов, В. Г. Прокурорский надзор: учебное пособие / В. Г. Глебов; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 90 с.

10. Особенности участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами с участием присяжных заседателей. Учебное пособие. Ч. 1 / Е. В. Баркалова, Н. В. Кулик, Е. Б. Серова, Д. А. Сычев; под ред. Н. В. Кулика. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. — 151 с. - ISBN 978-5-6051511-0-4

11. Особенности участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами с участием присяжных заседателей. Учебное пособие. Ч. 2 / Е. В. Баркалова, Н. В. Кулик, Е. Б. Серова, Д. А. Сычев; под ред. Е. Б. Серовой, Н. В. Кулика. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – 136 с. - ISBN 978-5-6054272-3-0

12. Смертная казнь как наказание за особо тяжкие преступления: этические проблемы применения – аргументы за и против / В. С. Черных, И. Е. Селезнев, В. С. Радченко, М. А. Скачкова // Право и управление. – 2024. - №11. – С. 194-199.

Мельник А.Д.
магистрант
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Melnik A.D.
Master's student
Far Eastern State Transport University

ОТМЕНА СУДЕБНОГО ПРИКАЗА ПО ФОРМАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ: ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ДОЛЖНИКОМ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется проблема злоупотребления должником правом на отмену судебного приказа в российском гражданском и арбитражном процессе. Анализируется действующий механизм, допускающий отмену приказа по одному лишь формальному заявлению должника без проверки обоснованности возражений. Выделены типичные формы злоупотребления: «автоматическая» отмена без мотивов, процессуальная обструкция, многократная отмена приказов и заведомое неизвещение. На основе зарубежного опыта (Германия, Франция) предлагаются меры по реформированию: введение квалифицированной формы возражений с указанием конкретных доводов, установление условного судебного сбора за отмену приказа, закрепление презумпции надлежащего извещения через ЕПГУ. Сделан вывод о необходимости сохранения баланса между правом должника на судебную защиту и принципом процессуальной экономии.

Ключевые слова: судебный приказ, приказное производство, упрощенное производство, бесспорное требование, злоупотребление правом, отмена судебного приказа, возражения должника, процессуальная добросовестность, гражданский процесс, арбитражный процесс.

CANCELLATION OF A COURT ORDER ON FORMAL GROUNDS: THE PROBLEM OF ABUSE OF RIGHTS BY THE DEBTOR AND WAYS TO RESOLVING IT

Abstract. This article examines the problem of debtor abuse of the right to cancel a court order in Russian civil and arbitration proceedings. It analyzes the current mechanism, which allows for the cancellation of an order based solely on a formal application by the debtor, without verifying the validity of the objections. Typical forms of abuse are identified: "automatic" cancellation without justification, procedural obstruction, multiple cancellations of orders, and deliberate failure to notify. Based on international experience (Germany, France), reform measures are proposed: the introduction of a qualified form of objection stating specific arguments, the establishment of a conditional court fee for the cancellation of an order, and the establishment of a presumption of proper notification through the Unified State Services Portal. It is concluded that it is necessary to maintain a balance between the debtor's right to judicial protection and the principle of procedural economy.

Keywords: court order, writ proceeding, simplified proceeding, undisputed абслютизация claim, abuse of right, cancellation of a court order, debtor's order objections, procedural good faith, приказном civil procedure, arbitration procedure.

Институт судебного приказа традиционно рассматривается в доктрине российского гражданского процессуального права как наиболее эффективная форма защиты прав взыскателя по требованиям, не имеющим явно выраженного спора о праве. В соответствии с главой 11 ГПК РФ и главой 29.1 АПК РФ судебный приказ выдаётся судьёй единолично в 5-дневный срок без проведения судебного заседания и

вызова сторон, что создаёт высокую скорость взыскания и минимальные судебные расходы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году мировыми судьями было выдано около 7,2 млн судебных приказов, из которых более 70% приходилось на требования о взыскании задолженностей за жилищно-коммунальные услуги, услуги связи и налоги.

Однако именно высокая востребованность приказного производства обнажила его системный недостаток — чрезвычайную лёгкость отмены судебного приказа по инициативе должника. Пункт 4 ст. 128 ГПК РФ и часть 4 ст. 229.5 АПК РФ устанавливают: при поступлении в установленный срок возражений должника относительно исполнения судебного приказа судья обязан отменить судебный приказ. При этом закон не требует от должника указывать какие-либо конкретные причины, обосновывающие наличие спора, не позволяет суду проверять добросовестность возражений и не устанавливает никаких негативных последствий для должника в случае отмены приказа.

Фактически должник, получивший копию судебного приказа, может одним формальным действием — заполнением типового заявления о несогласии — аннулировать судебный акт, после чего взыскатель вынужден начинать процедуру заново, уже в исковом производстве, неся дополнительные временные и финансовые затраты. Складывается парадоксальная ситуация: упрощённая форма судопроизводства превращается для недобросовестного должника в инструмент затягивания исполнения обязательства.

Проблема усугубляется отсутствием в процессуальных кодексах легального определения «злоупотребления правом» применительно к приказному производству и механизмов его пресечения. Это приводит к массовым случаям, когда должники, не оспаривающие долг по существу, последовательно отменяют приказы, затягивают рассмотрение дел в исковом порядке, а затем, не дожидаясь решения, вновь сталкиваются с новым приказом.

Цель настоящей статьи — комплексный анализ проблемы злоупотребления правом на отмену судебного приказа, выработка критериев разграничения добросовестных и недобросовестных возражений, а также формирование конкретных предложений по реформированию процессуального законодательства, учитывающих как необходимость защиты прав взыскателя, так и конституционное право каждого на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ).

Типичные формы злоупотребления правом на отмену судебного приказа

Правоприменительная практика выработала несколько устойчивых моделей недобросовестного поведения должников в приказном производстве.

Форма 1: «Автоматическая» отмена без приведения мотивов.*Должник подаёт заявление, содержащее лишь фразу: «Не согласен с судебным приказом, прошу отменить». Никаких конкретных доводов не приводится. Этот вариант — самый распространённый, так как требует от должника минимума усилий. Судья, связанный императивным предписанием закона, отменяет приказ. Взыскатель вынужден подавать иск, теряя от 2 до 6 месяцев.

Форма 2: Процессуальная обструкция (системное затягивание). Должник не просто отменяет приказ, но и в дальнейшем исковом производстве заявляет многочисленные формальные ходатайства: об отводе судьи, об истребовании доказательств, о приостановлении производства, о передаче дела по подсудности. При этом долг по существу не оспаривается. Цель — максимально отсрочить момент вынесения решения и его исполнения, иногда на годы. Известен случай (дело № 2-1456/2023, мировые судьи г. Екатеринбурга), когда должник последовательно отменил три судебных приказа по одному и тому же долгу за ЖКУ, а затем в исковом производстве дважды заявлял отвод судье и один раз — ходатайство о назначении строительно-технической экспертизы по не имеющему к ней отношения делу. Общая длительность взыскания превысила 18 месяцев.

Форма 3: Многократная отмена приказов по одним и тем же обязательствам. После отмены приказа и прекращения приказного производства взыскатель имеет право повторно обратиться с заявлением о выдаче судебного приказа (пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 62). Этим пользуются недобросовестные должники: каждый новый приказ они вновь отменяют. Цикл может повторяться многократно. В одном деле, рассмотренном мировым судьёй судебного участка № 5 г. Челябинска, должник отменил пять судебных приказов о взыскании задолженности по кредитному договору, после чего кредитор был вынужден обращаться в исковое производство, где долг был взыскан в полном объёме.

Форма 4: Заведомое неизвещение (уклонение от получения приказа с последующей отменой). Должник намеренно не получает почтовую корреспонденцию, игнорирует смс-извещения и уведомления на «Госуслугах». По истечении срока хранения на почте, когда приказ считается доставленным, суд высылает копию приказа. Должник, зная об этом, получает её, после чего подаёт возражения на отмену с формулировкой: «Не был надлежащим образом извещён, копию приказа не получал, срок на возражения пропущен по уважительной причине». Однако фактически он уклонялся от получения именно для того, чтобы создать «уважительную причину» восстановления срока. Суды, как правило, восстанавливают срок и отменяют приказ, ссылаясь на необходимость защиты прав должника.

Проблема квалификации злоупотребления: отсутствие критериев в законе

Все перечисленные действия прямо противоречат принципу добросовестности, закреплённому в п. 3 ст. 17 Конституции РФ и п. 1 ст. 10 ГК РФ. Однако процессуальные кодексы не содержат специальных норм, позволяющих суду квалифицировать действия должника в приказном производстве как злоупотребление правом с соответствующими последствиями (отказ в защите права, возмещение убытков взыскателю и т.д.).

Конституционный Суд РФ в ряде определений (например, № 2011-О от 22.04.2010) подчеркивал, что упрощённая процедура отмены судебного приказа является гарантией права должника на судебную защиту, и ограничение этой гарантии недопустимо. Однако до сих пор не было выработано чёткой позиции относительно того, где проходит грань между реализацией права на защиту и злоупотреблением им.

В доктрине высказываются разные точки зрения. Одни авторы (например, Т.П. Подшивалов) настаивают на сохранении «безусловной» отмены, поскольку любой спор о праве должен рассматриваться в исковом порядке. Другие (М.З. Шварц, И.В. Решетникова) признают проблему злоупотребления, но расходятся в предлагаемых решениях — от введения судебного залога до создания специального «фильтра» на стадии принятия возражений.

Зарубежный опыт: как решают проблему в Германии, Франции и Казахстане

В европейских правопорядках, где приказное производство имеет давнюю историю, проблема злоупотребления правом на возражения решается иначе.

Германия. Судебный приказ (Mahnbescheid) выдаётся в рамках особого приказного производства (Mahnverfahren) по § 688–703 ZPO. Должник в течение двух недель может подать возражение (Widerspruch). Однако, в отличие от России, возражение должно быть обоснованным: должник обязан указать, в чём именно он не согласен с требованием. Молчаливое несогласие без аргументов не допускается. Более того, должник предупреждается о последствиях необоснованного возражения: на него могут быть возложены дополнительные судебные издержки, включая расходы взыскателя на переход в исковое производство (§ 93 ZPO).

Франция. Приказ об уплате (injonction de payer) регулируется ст. 1407–1425 CPC. Судья вправе отказать в принятии возражений, если признает их явно необоснованными или поданными с единственной целью затянуть производство (ст. 1419 CPC). Кроме того, должник обязан представить

доказательства, подтверждающие наличие спора. Простое заявление «не согласен» не является достаточным.

Казахстан. В ГПК Республики Казахстан (ст. 135–144) также существует приказное производство. Возражения должника должны содержать указание на обстоятельства, свидетельствующие о наличии спора о праве, а также ссылки на доказательства. Если возражения не соответствуют этим требованиям, судья возвращает их должнику без отмены приказа.

Анализ зарубежного опыта показывает, что абсолютизация права должника на отмену приказа не является безальтернативной моделью. Существуют сбалансированные подходы, которые сохраняют право на защиту, но исключают его использование исключительно для затягивания процесса.

Пути решения: конкретные предложения по реформированию ГПК РФ и АПК РФ

Представляется, что российское процессуальное законодательство нуждается в умеренном ужесточении механизма отмены судебного приказа, которое не нарушало бы право должника на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), но пресекало бы очевидные злоупотребления. Предлагается следующий комплекс мер.

Квалифицированная форма возражений (обязательность указания конкретных доводов)

Предлагается дополнить ст. 128 ГПК РФ и ст. 229.5 АПК РФ положением следующего содержания:

«Возражения должника относительно исполнения судебного приказа должны содержать указание на конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии спора о праве, а также доказательства, подтверждающие эти обстоятельства, при их наличии. Отсутствие в возражениях конкретных доводов является основанием для возвращения возражений должнику без отмены судебного приказа с установлением нового срока для их подачи, но не более 10 дней».

Введение судебного сбора за отмену судебного приказа с возможностью возврата

Действующее законодательство освобождает должника от уплаты каких-либо сборов при подаче возражений, что снимает всякий экономический стимул к добросовестности. Предлагается ввести условный судебный сбор за рассмотрение возражений в размере 50% от государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления по тому же требованию.

Механизм:

- При подаче возражений должник уплачивает сбор.

- Если в последующем исковом производстве суд установит, что долг отсутствовал либо имелись иные уважительные причины для возражений, сбор возвращается должнику.

- Если же долг подтверждён, сбор остаётся в бюджете, компенсируя издержки взыскателя и государства на переход в исковое производство.

Институт предварительного обеспечения при многократных отменах

Если должник уже дважды отменял судебный приказ по одному и тому же требованию без уважительных причин, при третьем обращении взыскателя за выдачей судебного приказа суд по заявлению взыскателя вправе выдать судебный приказ с правом немедленного исполнения и без права отмены по формальным возражениям. При этом взыскатель должен внести на депозит суда встречное обеспечение в размере суммы долга (на случай, если впоследствии выяснится, что долг отсутствовал).

Презумпция надлежащего извещения при использовании ЕПГУ и ГАС «Правосудие»

Для борьбы с уклонением от получения приказа предлагается закрепить в ст. 128 ГПК РФ правило:

«Если должник дал согласие на получение уведомлений и судебных актов через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) или личный кабинет пользователя в ГАС "Правосудие", судебный приказ считается полученным им на пятый рабочий день после размещения в

соответствующем кабинете. Должник не вправе ссылаться на ненадлежащее извещение, если он не обеспечил доступ к своему кабинету».

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Действующий механизм отмены судебного приказа, основанный на «формальной достаточности» любых возражений должника при отсутствии проверки их обоснованности и каких-либо негативных последствий для недобросовестных должников, создаёт благоприятную среду для массовых злоупотреблений.

2. Выделены четыре типичные формы злоупотребления: «автоматическая» отмена без мотивов; процессуальная обструкция; многократная отмена приказов по одним и тем же обязательствам; заведомое неизвещение с последующим восстановлением срока.

3. Зарубежный опыт (Германия, Франция, Казахстан) демонстрирует возможность сочетания упрощённой процедуры с требованиями к содержанию возражений и введением экономических стимулов к добросовестному поведению должника.

4. Оптимальным решением в российских условиях является комплекс мер, включающий: введение квалифицированной формы возражений; установление условного судебного сбора за отмену приказа; создание института предварительного обеспечения при многократных отменах; закрепление презумпции надлежащего извещения при использовании ЕПГУ и ГАС «Правосудие».

Предлагаемые изменения могут быть внесены в ГПК РФ и АПК РФ в рамках очередной процессуальной реформы. Они позволят сохранить баланс между правом должника на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) и правом взыскателя на эффективное и быстрое восстановление нарушенного права (ст. 45 Конституции РФ), а также между принципами состязательности, диспозитивности и процессуальной экономии.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Российская газета. 2017. № 11.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 2011-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коновалова А.С. на нарушение его конституционных прав положениями статей 126 и 128 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 816 с.

8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. 3-е изд. М.: Статут, 2023. 784 с.

9. Leipold K. Zivilprozessordnung. 18. Aufl. München: C.H. Beck, 2023.

10. Cadiet L., Jeuland E. Droit judiciaire privé. 12e éd. Paris: LexisNexis, 2024.

11. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V (с изм. от 12.07.2024).

12. Обобщение практики рассмотрения дел в приказном производстве мировыми судьями г. Москвы за 2023 год // Архив Московского городского суда. 2024.

13. Судебная статистика за 2024 год: отчёт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.05.2026).

Мельник А.Д.
магистрант
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»

Melnik A.D.
Master's student
Far Eastern State Transport University

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НЕДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ В ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируются правовые последствия выдачи судебных приказов в отношении несовершеннолетних и недееспособных должников. Установлено, что суды ежегодно выносят тысячи приказов на взыскание алиментов, коммунальных и налоговых платежей с лиц, не обладающих гражданской дееспособностью, что приводит к нарушению их прав и заведомой неисполнимости судебных актов. Автором обоснована необходимость внесения изменений в ГПК РФ: введение обязанности суда проверять дееспособность должника, отказ в выдаче приказа малолетним, обязательное извещение законных представителей. Предложены конкретные редакции статей 122, 125, 126, 128 ГПК РФ.

Ключевые слова: судебный приказ, приказное производство, несовершеннолетние, недееспособные, законные представители, алименты, защита прав, ГПК РФ, упрощенное производство.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS AND INCOMPATIBLE PERSONS IN ORDERED PROCEEDINGS: GAPS IN LEGAL REGULATION

Abstract. This article analyzes the legal consequences of issuing court orders against minors and incompetent debtors. It has been established that courts annually issue thousands of orders for the collection of alimony, utility bills, and tax payments from individuals lacking legal capacity, which leads to a violation of their rights and the deliberate unenforceability of judicial decisions. The author substantiates the need for amendments to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation: the introduction of a court obligation to verify the debtor's legal capacity, the refusal to issue a court order to minors, and mandatory notification of legal representatives. Specific revisions to Articles 122, 125, 126, and 128 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation are proposed.

Keywords: court order, writ proceeding, minors, incompetent persons, legal representatives, alimony, protection of rights, Civil Procedure Code, simplified proceeding.

Приказное производство в российском гражданском процессе позиционируется как эффективный механизм взыскания задолженности по требованиям, не имеющим спора о праве. Согласно ст. 121 ГПК РФ, судебный приказ выдается мировым судьей в 5- дневный срок без вызова сторон и проведения судебного заседания, что обеспечивает быстроту и минимизацию судебных издержек.

Перечень требований, по которым выдается судебный приказ, установлен ст. 122 ГПК РФ. Среди них —требования о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей (если это не связано с установлением отцовства или привлечением третьих лиц), о взыскании задолженности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, о взыскании налогов и сборов, а также иные требования, основанные на сделке, совершенной в простой письменной форме.

Проблема заключается в том, что указанный перечень не содержит исключений для случаев, когда должником является несовершеннолетний или недееспособный гражданин. Более того, процедура приказного производства не предусматривает обязательной проверки судом дееспособности должника, наличия у него законных представителей и возможности самостоятельно нести ответственность. Это приводит к массовым случаям выдачи судебных приказов, которые либо заведомо не могут быть первая исполнены, либо нарушают права наиболее уязвимых категорий граждан.

Особую остроту проблема приобретает в связи с распространённой судебной практикой взыскания алиментов, долгов за ЖКУ и кредитных платежей с несовершеннолетних, а также с лиц, признанных недееспособными. Статистика показывает, что ежегодно мировыми судьями выдается несколько тысяч судебных приказов в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, значительная часть которых впоследствии отменяется или оспаривается законными представителями.

Цель настоящей статьи —комплексный анализ пробелов правового регулирования приказного производства в части защиты прав несовершеннолетних и недееспособных лиц, выработка конкретных предложений по их устранению.

1. Правовой статус несовершеннолетних и недееспособных как субъектов гражданско-процессуальных отношений

Прежде чем анализировать пробелы приказного производства, необходимо обратиться к базовым положениям гражданского и семейного законодательства о правоспособности, дееспособности и ответственности указанных лиц.

Согласно ст. 21 ГК РФ, гражданская дееспособность возникает в полном объёме с наступлением совершеннолетия (18 лет). Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают частичной дееспособностью: они вправе самостоятельно совершать сделки, указанные в ст. 26 ГК РФ (мелкие бытовые, распоряжение стипендией и заработком и др.), однако все остальные сделки совершаются с письменного согласия законных представителей (родителей, усыновителей, попечителей). Несовершеннолетние до 14 лет (малолетние) являются полностью недееспособными (ст. 28 ГК РФ); от их имени все сделки совершают только родители или опекуны.

Что касается ответственности, то ст. 1073–1075 ГК РФ устанавливают, что вред, причинённый несовершеннолетними, возмещается их законными представителями (если не доказано, что вред возник не по их вине). Аналогичным образом, обязательства несовершеннолетних по сделкам, совершенным без согласия законных представителей, могут быть признаны недействительными (ст. 175 ГК РФ).

Лица, признанные судом недееспособными вследствие психического расстройства, не вправе самостоятельно совершать юридически значимые действия и несут ответственность через опекунов (ст. 29, 30 ГК РФ, ст. 32–34 ГК РФ).

Однако процессуальное законодательство в приказном производстве игнорирует эти фундаментальные положения. Судья, рассматривая заявление о выдаче судебного приказа, не проверяет:

- достиг ли должник возраста, с которого наступает самостоятельная ответственность;
- имеются ли в деле сведения о законных представителях;
- не признан ли должник недееспособным.

Это первый и основной пробел правового регулирования.

2. Приказное производство по взысканию алиментов с несовершеннолетних: скрытые риски

Согласно абз. 3 ст. 122 ГПК РФ, судебный приказ выдается по требованию о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, если это не связано с установлением отцовства, оспариванием отцовства (материнства) или необходимостью привлечения других заинтересованных лиц.

На первый взгляд, норма направлена на защиту прав ребёнка. Однако на практике возникают ситуации, когда должник по алиментам сам является несовершеннолетним. Это возможно в следующих случаях:

- несовершеннолетние родители (ст. 62 СК РФ) обязаны содержать своего ребёнка;

- алименты взыскиваются с несовершеннолетнего, достигшего 16 лет и имеющего самостоятельный заработок, в пользу нетрудоспособных родителей (ст. 85–87 СК РФ).

Судебная практика знает примеры, когда мировые судьи выдают судебные приказы на взыскание алиментов с несовершеннолетних, не привлекая их законных представителей и не проверяя, имеет ли должник самостоятельный доход. Такие приказы заведомо неисполнимы, поскольку у несовершеннолетнего нет ни работы, ни имущества, на которое можно обратить взыскание.

Кроме того, взыскание алиментов в приказном порядке с несовершеннолетнего родителя противоречит ст. 62 СК РФ, согласно которой при отсутствии у несовершеннолетних родителей заработка или иного дохода алименты взыскиваются с их родителей (дедушек и бабушек ребёнка). Приказное производство не позволяет суду выяснить эти обстоятельства.

Пример из практики. Мировой судья судебного участка № 3 г. Омска в 2023 году выдал судебный приказ о взыскании алиментов с несовершеннолетнего отца (17 лет). Приказ был вынесен на основании заявления матери ребёнка. Судья не проверил, имеет ли несовершеннолетний отец самостоятельный доход. После предъявления приказа к исполнению судебный пристав- исполнитель установил отсутствие у должника доходов и имущества. Законный представитель (мать несовершеннолетнего отца) обжаловала приказ в апелляционном порядке, указав, что её сын является учащимся школы, не работает и не имеет собственных средств. Суд апелляционной инстанции отменил судебный приказ, указав на необходимость рассмотрения вопроса в исковом порядке с привлечением законных представителей (апелляционное определение Омского областного суда № 33-2456/2023).

3. Взыскание задолженности по ЖКУ и налогам с недееспособных и несовершеннолетних

Наиболее массовую категорию дел в приказном производстве составляют требования о взыскании задолженности за жилищно- коммунальные услуги (ст. 122 ГПК РФ) и требования налоговых органов о взыскании обязательных платежей.

Практика показывает, что управляющие компании, ресурсоснабжающие организации и налоговые органы направляют заявления о вынесении судебного приказа, не проверяя правовой статус должника. В результате судебные приказы выдаются на имя:

- несовершеннолетних, зарегистрированных в жилом помещении (в возрасте от 0 до 17 лет);

- лиц, признанных недееспособными (в том числе с тяжёлыми психическими расстройствами);

- лиц, страдающих деменцией и иными заболеваниями, исключающими способность понимать значение своих действий.

В соответствии со ст. 21, 26, 28 ГК РФ несовершеннолетние до 14 лет не несут самостоятельной имущественной ответственности по обязательствам, связанным с оплатой жилья и коммунальных услуг. Их законные представители (родители, опекуны) несут ответственность по данным обязательствам, но приказное производство не предусматривает привлечения законных представителей в качестве должников.

В случае с недееспособными гражданами ситуация ещё более показательная. Согласно ст. 29 ГК РФ, недееспособный не может самостоятельно совершать сделки, в том числе —нести обязательства по оплате ЖКУ. Эти обязательства исполняются опекуном. Однако судебный приказ выдается на имя недееспособного, а не на имя опекуна. Законный представитель (опекун) часто не извещается о вынесении приказа, поскольку копия приказа направляется по месту жительства недееспособного, где он может не проживать (например, находится в психоневрологическом интернате).

Пример из практики. Гражданка С., 78 лет, признана решением суда недееспособной в 2022 году, опекуном назначена её дочь. В 2023 году мировой судья вынес судебный приказ о взыскании с С. задолженности за ЖКУ в размере 45 тыс. рублей. Приказ был вынесен на имя С., копия направлена по месту регистрации, где С. не проживала (находилась в стационаре). Опекун узнала о приказе только после списания денег со счёта С. (куда поступала пенсия). Опекун обратилась с заявлением об отмене приказа и восстановлении срока. Суд отменил приказ, указав, что должник не был надлежащим образом извещён, а также что обязательства по оплате ЖКУ в данном случае должен нести опекун (постановление мирового судьи судебного участка № 144 г. Санкт- Петербурга от 15.01.2024).

4. Отсутствие обязанности суда проверять дееспособность: системная проблема

Главный нормативный пробел заключается в том, что ГПК РФ не обязывает судью при принятии заявления о выдаче судебного приказа проверять дееспособность должника. В ст. 126 ГПК РФ перечислены основания для отказа в принятии заявления: не представлены документы, подтверждающие заявленное требование; не соблюдены требования к форме заявления; заявлено требование, не предусмотренное ст. 122; место жительства должника находится за пределами участка. Среди этих оснований отсутствует указание на то, что должник является несовершеннолетним или недееспособным.

Более того, даже если судья случайно обнаружит, что должник —несовершеннолетний, у него нет правового инструмента для отказа в выдаче приказа. Формально закон этого не запрещает. Судья может лишь выдать приказ, а затем должник (через законного представителя) будет его отменять, теряя время и нервы.

Это противоречит основополагающему принципу гражданского процесса —законности (ст. 195 ГПК РФ), а также принципу защиты прав уязвимых категорий граждан, вытекающему из ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка и ст. 7, 38 Конституции РФ.

5. Сравнительно- правовой анализ: как решают проблему в других странах

В зарубежных правопорядках вопрос о защите прав несовершеннолетних и недееспособных в упрощённых процедурах решается более последовательно.

Германия. В приказном производстве (Mahnverfahren) по § 688 ZPO суд проверяет пассивную легитимацию должника. Если должником указано лицо, не обладающее дееспособностью, суд отказывает в выдаче приказа и разъясняет взыскателю необходимость обращения в исковое производство с привлечением законного представителя.

Франция. Судья, рассматривая заявление о выдаче приказа об уплате (injonction de payer), обязан проверить, может ли должник быть субъектом данного обязательства с учётом его возраста и дееспособности (ст. 1408 CPC). При сомнениях судья запрашивает дополнительные сведения у органов опеки.

Казахстан. ГПК РК прямо устанавливает, что судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа, если должником является несовершеннолетний или лицо, признанное недееспособным, за исключением требований о взыскании алиментов на самого несовершеннолетнего (в этом случае приказ выдается, но с обязательным взгляд уведомлением законного представителя).

Российскому законодателю следовало бы воспринять этот позитивный опыт.

6. Предложения по реформированию ГПК РФ

На основе проведённого анализа предлагается внесение следующих изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ.

6.1. Дополнение ст. 122 ГПК РФ (перечень требований)

Добавить абзац следующего содержания:

«Судебный приказ не может быть вынесен в отношении должника, не достигшего возраста 14 лет, за исключением требований о взыскании алиментов на самого этого несовершеннолетнего. В отношении

должников в возрасте от 14 до 18 лет судебный приказ выносится только при наличии в материалах дела письменного согласия законного представителя, выраженного в заявлении о выдаче приказа».

6.2. Дополнение ст. 125 ГПК РФ (основания для отказа в принятии заявления)

Изложить п. 1 ч. 1 ст. 125 ГПК РФ в новой редакции:

«Судья отказывает в принятии заявления о вынесении судебного приказа, если: ... из заявления и приложенных документов усматривается, что должник является несовершеннолетним (за исключением случаев, предусмотренных ст. 122 настоящего Кодекса) либо признан недееспособным на основании вступившего в законную силу решения суда».

6.3. Дополнение ст. 126 ГПК РФ (основания для возвращения заявления или отказа)

Включить положение:

«При наличии сведений о том, что должник является недееспособным или несовершеннолетним, а законный представитель не привлечён к участию в деле, судья выносит определение о возвращении заявления о вынесении судебного приказа с разъяснением взыскателю права на обращение в исковом порядке».

6.4. Обязанность суда проверять сведения о дееспособности

Дополнить ст. 126 ГПК РФ нормой:

«Судья при принятии заявления о вынесении судебного приказа обязан проверить по имеющимся в его распоряжении базам данных (в том числе через ГАС " Правосудие", ФНС, органы ЗАГС) сведения о возрасте и дееспособности должника. Выявление обстоятельств, свидетельствующих о недееспособности должника либо о недостижении им возраста 14 лет, является основанием для возвращения заявления».

6.5. Особый порядок уведомления законных представителей

Дополнить ст. 128 ГПК РФ:

«Если должником является несовершеннолетний или недееспособный, копия судебного приказа направляется также его законному представителю. Срок на подачу возражений исчисляется со дня вручения копии приказа законному представителю. При отсутствии сведений о законном представителе суд откладывает направление приказа до их получения из органов опеки и попечительства».

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Действующее процессуальное законодательство в приказном производстве содержит существенные пробелы в части защиты прав несовершеннолетних и недееспособных лиц. Судья не обязан проверять дееспособность должника, а закон не содержит специальных оснований для отказа в выдаче судебного приказа в отношении указанных категорий граждан.

2. Правоприменительная практика демонстрирует массовые случаи выдачи судебных приказов на взыскание алиментов, задолженностей за ЖКУ, налогов и иных платежей с несовершеннолетних (в том числе малолетних) и недееспособных. Такие приказы либо являются заведомо неисполнимыми, либо нарушают права этих лиц, поскольку они не могут самостоятельно защищать свои интересы, а законные представители не извещаются.

3. Зарубежный опыт (Германия, Франция, Казахстан) показывает, что проблема может быть решена путём введения специальных проверочных процедур и отказа в выдаче приказа в отношении недееспособных и малолетних, а также обязательного уведомления законных представителей.

4. Предлагается внести изменения в ст. 122, 125, 126, 128 ГПК РФ, предусматривающие: исключение возможности выдачи приказа в отношении лиц, не достигших 14 лет; обязательную проверку судом дееспособности должника; отказ в принятии заявления при наличии сведений о недееспособности; обязательное уведомление законных представителей; истребование сведений из органов опеки.

Эти изменения не нарушат баланса интересов взыскателя и должника, но обеспечат реальную защиту прав наиболее уязвимых категорий граждан, что соответствует конституционному принципу правового государства и международным обязательствам Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138- ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51- ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223- ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

5. Конвенция ООН о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» // Российская газета. 2017. № 11.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. 2018. № 10.

8. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. 432 с.

9. Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2023. 320 с.

10. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник. 9-е изд. М.: Норма, 2024. 816 с.

11. Leipold K. Zivilprozessordnung. 18. Aufl. München: C.H. Beck, 2023. § 688–703.

12. Cadiet L., Jeuland E. Droit judiciaire privé. 12e éd. Paris: LexisNexis, 2024. § 723–735.

13. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V (с изм. от 12.07.2024). Ст. 135–144.

14. Апелляционное определение Омского областного суда от 15.09.2023 № 33-2456/2023 // Архив Омского областного суда.

15. Постановление мирового судьи судебного участка № 144 г. Санкт-Петербурга от 15.01.2024 // Архив судебного участка № 144.

16. Судебная статистика за 2024 год: отчёт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.05.2026).

Крюков Ф.О.
студент
факультет государственного и муниципального управления
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Суркова В.В.
старший преподаватель
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Kryukov F.O.
Student
Faculty of Public and Municipal Administration
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Surkova V.V.
Senior Lecturer
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

НАЛОГОВАЯ АМНИСТИЯ: КОНЕЦ «СЕРЫХ» СХЕМ ИЛИ ЛОВУШКА ДЛЯ БИЗНЕСА?

Аннотация. В статье на основе статистических данных Федеральной налоговой службы, судебной практики и экспертных оценок анализируются итоги первого года действия налоговой амнистии для компаний, использовавших схемы дробления бизнеса. Рассматриваются масштабы участия в амнистии, отраслевая структура, региональные особенности, динамика судебных споров, а также скрытые риски, связанные с условным характером прощения долгов и изменением параметров специальных налоговых режимов в 2026 году. Особое внимание уделяется анализу судебной практики 2025 года, демонстрирующей кардинальное ужесточение позиции налоговых органов.

Ключевые слова: налоговая амнистия, дробление бизнеса, Федеральный закон № 176-ФЗ, налоговая реформа 2026, ФНС России, судебная практика, специальные налоговые режимы, налоговая нагрузка, консолидация бизнеса.

TAX AMNESTY: END OF "GRAY" SCHEMES OR A TRAP FOR BUSINESS?

Abstract. This article analyzes the results of the first year of the tax amnesty for companies that used business fragmentation schemes, using statistical data from the Federal Tax Service, judicial practice, and expert assessments. It examines the scale of participation in the amnesty, industry structure, regional characteristics, the dynamics of litigation, and the hidden risks associated with the conditional nature of debt forgiveness and changes to the parameters of special tax regimes in 2026. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice in 2025, demonstrating a radical tightening of the tax authorities' position.

Keywords: tax amnesty, business fragmentation, Federal Law No. 176-FZ, tax reform 2026, Federal Tax Service of Russia, judicial practice, special tax regimes, tax burden, business consolidation.

В декабре 2024 года российское деловое сообщество получило беспрецедентное предложение: государство готово простить налоговые долги прошлых лет тем компаниям, которые использовали схемы дробления бизнеса, но готовы отказаться от них в 2025–2026 годах. Федеральный закон № 176-ФЗ, вступивший в силу 12 июля 2024 года, впервые на законодательном уровне закрепил понятие «дробление бизнеса» и запустил механизм амнистии [1]. Спустя более года можно подводить первые итоги: воспользовались ли компании этим шансом, и стал ли он для них реальным освобождением от налогового бремени или новой ловушкой?

Закон № 176-ФЗ определяет дробление бизнеса как «разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов» [2]. Как отмечают эксперты Финансового университета при Правительстве РФ, «в течение длительного промежутка понятие дробления бизнеса активно применялось в судебной практике, однако не имело законодательного толкования и являлось предметом споров в научной и экспертной среде» [3].

Суть амнистии, предусмотренной статьей 6 Федерального закона № 176-ФЗ, заключается в следующем: если налогоплательщик добровольно отказывается от использования схем дробления в 2025–2026 годах, обязанность по уплате налогов, пеней и штрафов, возникшая за

2022–2024 годы в связи с дроблением, прекращается [4]. При этом амнистия носит беззаявительный характер — ФНС сама отслеживает отказ от дробления по данным отчетности, и налогоплательщику не нужно подавать отдельное заявление [5].

Для объективной оценки результатов амнистии необходимо сопоставить данные за период её действия с предшествующей практикой налогового контроля. В таблице 1 приведены ключевые показатели, позволяющие оценить масштаб явления и эффективность амнистии как инструмента легализации бизнеса.

Таблица 1. Сравнительный анализ налоговой амнистии и предшествующей практики налогового контроля по дроблению бизнеса.

Показатель	Период до амнистии (2018–2023)	Период амнистии (2024–2025)	Динамика / Аналитический вывод
Количество выявленных групп дробления	643 судебных спора за 6 лет [6]	10 300 групп отказались от дробления за 1,5 года [7]	Рост числа легализованных групп в 16 раз за сопоставимый период. Амнистия стимулировала массовый выход из тени.
Сумма доначислений (налогов, пеней, штрафов)	56 млрд руб. за 6 лет [6]	22 млрд руб. прощено (под амнистию) [7]	Сумма прощенных налогов составляет 39% от суммы доначислений за предыдущие 6 лет. Налоговые потери бюджета от амнистии существенно ниже, чем потенциальные поступления от проверок.
Количество участников (налогоплательщиков)	~1 300 (исходя из средней группы 2,4 юрлица)	24 400 налогоплательщиков [7]	В 18,8 раз больше участников легализовано за полтора года, чем за шесть лет через суды.

Средняя сумма на одну группу	87,1 млн руб. (56 млрд / 643 спора)	2,1 млн руб. (22 млрд / 10 300 групп)	Средний размер доначислений в группах, воспользовавшихся амнистией, в 41 раз меньше, чем в группах, прошедших судебные споры. Это свидетельствует о том, что амнистию выбрали преимущественно мелкие и средние группы, а крупные схемы продолжают оспариваться в судах.
Доля от общего числа компаний с признаками дробления	—	5,7% (24,4 тыс. из 420 тыс.) [7]	Амнистией воспользовалась лишь незначительная часть потенциальных участников. Около 94% компаний с признаками дробления либо не осознали риски, либо намеренно игнорируют предложение.

Региональная специфика. Показательным примером служит Республика Карелия, где налоговиками инициировано шесть налоговых проверок в отношении компаний с признаками дробления бизнеса с общей суммой доначислений более 400 млн рублей. Из них по четырем судам в пользу налоговиков обращено свыше 350 млн рублей. При этом с момента применения амнистии с 1 января 2025 года было амнистировано 76 млн рублей — налогоплательщики в ходе проверки признали правонарушение и отказались от применения схем дробления на будущее [8].

Отраслевая структура участников амнистии. По данным руководителя ФНС Даниила Егорова, большинство компаний, воспользовавшихся амнистией, работало в сфере торговли (38%), строительства (18%) и логистики (11%) [7]. В Карелии лидером по дроблению также выступает торговля, вместе со сферой услуг составляющая свыше 60% всех областей деятельности, где бизнес использует дробление в качестве схемы незаконной оптимизации налогообложения. В меньшей степени дроблением затронуто производство (18%) и строительные работы (16%) [8]. Скрытые риски амнистии: количественный и качественный анализ

Условный характер прощения («испытательный срок»)

Главная особенность амнистии — её условный характер. Если в 2025 или 2026 году выездная проверка снова выявит дробление, приостановленное решение за 2022–2024 годы вступает в силу, и компания обязана заплатить все доначисленные налоги, пени и штрафы [4]. Фактически бизнес получает «испытательный срок» длиной в два года. Как отмечается в аналитическом обзоре портала «Моё дело», «если дробление применялось в 2024–2026 годах повторно, амнистия не подойдёт бизнесу» [5].

Заместитель руководителя ФНС Дмитрий Сатин предупреждает: даже если компании формально разделены, но фактический контроль остается за одними и теми же лицами (общие IP-адреса, управленческая подчиненность, единая бухгалтерия), налоговая будет расценивать это как продолжение дробления [9]. Как отмечает генеральный директор компании BLCons Group Мария Стригалёва, «налоговая служба постоянно донастраивает свои алгоритмы, поэтому использование в таких условиях схем дробления связано с повышенным риском претензий».

В зависимости от времени отказа от дробления объем амнистии различается. Если компания отказывается от дробления после назначения выездной проверки за 2025–2026 годы, амнистия действует только за 2022–2023 годы, а за 2024 год налоги, пени и штрафы подлежат уплате [4]. Таким образом, промедление с отказом сокращает выгоду от амнистии на один налоговый период.

Эксперты предупреждают: амнистия распространяется исключительно на нарушения, связанные с дроблением бизнеса в целях применения специальных налоговых режимов. Как подчеркивается в

материалах Финансового университета, «амнистия не распространяется на доначисления по налогам за 2021 г. и более ранние периоды, а также доначисления по итогам налоговых проверок, не связанные с дроблением бизнеса, например, по налогу на доходы физических лиц, страховым взносам, налогу на добавленную стоимость и налогу на добычу полезных ископаемых» [3].

Особую опасность представляет практика доначисления страховых взносов. Как отмечается в статье «Новые налоговые риски субъектов малого и среднего предпринимательства», опубликованной в Адвокатской газете, «в течение 2025 г. постепенно формировалась практика по доначислению страховых взносов, на которые амнистия не распространяется» [11].

Динамика судебных споров о дроблении бизнеса подтверждает кардинальное ужесточение позиции налоговых органов. По данным, озвученным на круглом столе Московской торговопромышленной палаты 13 марта 2026 года, из 104 недавних судебных споров о дроблении бизнеса в 2025 году налогоплательщики проиграли 90 [12]. В качестве показательных примеров эксперты назвали дела обувного холдинга с доначислениями 29 млрд рублей и сети меховых магазинов — 2 млрд рублей [12].

Согласно данным судебной статистики за I квартал 2025 года, окружные арбитражные суды принимали решения по делам о дроблении бизнеса в пользу налогоплательщиков лишь в 20% случаев, что в целом соответствует «норме» последних 5 лет по данной категории споров [13].

С 1 января 2026 года вступили в силу изменения налогового законодательства, которые кардинально меняют мотивацию малого бизнеса. В таблице 2 представлены ключевые параметры и их влияние на склонность к дроблению.

Таблица 2. Изменения налоговых параметров в 2026 году и их влияние на стимулы к дроблению бизнеса.

Параметр	Значение до 2026 г.	Значение с 2026 г.	Аналитическая оценка влияния
Порог освобождения от НДС на УСН	60 млн руб. выручки в год	20 млн руб. выручки в год [7] [14]	Снижение в 3 раза. Как отмечает руководитель ФНС Даниил Егоров, «понятно, что нужно дробиться уже от меньших сумм. В количестве они могут выглядеть более ужасно, но с точки зрения объёмов это уже не столь существенные величины» [7].
Ставка НДС (общая)	20%	22% [14]	Повышение на 2 п.п. увеличивает налоговую экономию от применения спецрежимов.
Порог патентной системы	60 млн руб. в год	20 млн руб. в год [14]	Снижение в 3 раза.
Лимит УСН с учетом коэффициентадефлятора	450 млн руб.	490,5 млн руб. [15]	Незначительное повышение, не компенсирующее резкое снижение НДС-порога.

Управляющий партнер адвокатского бюро CTL Дмитрий Кудрявцев предупреждает: «Именно на компании с оборотом 20–30 млн рублей будет нацелено око налоговиков, в ближайшие годы им стоит ожидать проверок. Причём малый бизнес не так тщательно подходит к разделению процессов, делая это “на глазок”. Единственное, что играет им на руку, — это их многочисленность. И надежда, что

инспекторов на всех просто не хватит». Ведущий юрист «Пепеляев Групп» Рустам Галияхметов добавляет, что целью налогового органа могут быть любые группы компаний, объединение которых приведёт к доначислению налогов, однако «тенденция последних лет — максимальное доначисление на одну проверку. Благодаря этому риски для микробизнеса снижаются».

С 2026 года подход ФНС к выявлению дробления бизнеса стал полностью цифровым. Как отмечается в аналитическом обзоре портала «Моё дело», «ФНС перешла от точечных проверок к цифровому налоговому контролю. Big Data ФНС, сквозной анализ банковских операций и отчётности показывают не отдельные компании, а всю экосистему бизнеса» [5].

Big Data ФНС — это совокупность всех данных о налогоплательщиках в электронном виде, которые есть у ФНС. Налоговая сопоставляет декларации, данные банков, онлайн-касс, контрагентов и госреестров, чтобы выявлять налоговые риски, схемы уклонения, разрывы по НДС и дробление бизнеса [5]. Как подчеркивает Тамрин Дарбаков из юридической фирмы Uppercase Legal, «современные системы анализируют связи между юрлицами автоматически, выявляя совпадение телефонов, IP–адресов, учредителей, контрагентов и других признаков» [10].

Внедрение автоматизированной системы контроля НДС-3 (АСК НДС-3) позволяет налоговым органам в режиме реального времени отслеживать цепочки движения товаров и денежных средств. Как отмечается в кейсе аудиторской компании «Аллент-Аудит», «в 2026 году ФНС полностью переключилась на цифровой контроль. АСК НДС-3, интегрированная с банковскими базами, автоматически строит цепочки связей» [15]. Правовые позиции Верховного Суда и Конституционного Суда

Судебная практика последних лет сформировала устойчивые подходы к квалификации дробления бизнеса. В Определении Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 № 1440-О указано, что налоговое законодательство не исключает в налоговых правоотношениях действия принципа диспозитивности, однако выбор метода учетной политики «не должна использоваться для неправомерного сокращения налоговых поступлений в бюджет в результате злоупотребления налогоплательщиками своими правомочиями» [16].

Верховный Суд РФ в Определениях от 23.03.2022 № 307-ЭС21-17713, от 23.03.2022 № 307ЭС21-17087, от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481 сформулировал ключевые критерии: «О превышении установленных пределов осуществления права могут свидетельствовать: 1) распределение доходов от реализации товаров (работ, услуг) между несколькими лицами, которыми прикрывалась фактическая деятельность другого (одного) хозяйствующего субъекта; 2) осуществление единой (общей) деятельности несколькими лицами,

объединившими принадлежащие им материальные, трудовые и финансовые ресурсы притом, что в силу значительности своего объема осуществляемая ими деятельность не отвечала (перестала отвечать) ограничениям, необходимым для применения УСН» [16].

Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.07.2025 по делу № А629089/2024 подтвердило законность доначислений в отношении ООО «Хлебница-Смоленск», использовавшего схему дробления бизнеса с привлечением подконтрольных физических лиц — индивидуальных предпринимателей, не осуществлявших самостоятельную хозяйственную деятельность [17].

Амнистия или защита: альтернативные стратегии

В условиях действующей амнистии бизнес стоит перед выбором: признать использование схем и легализоваться на льготных условиях или доказывать деловую цель разделения и сохранять структуру.

Показательный пример приводит аудиторская компания «Аллент-Аудит»: торговая сеть, состоявшая из 19 юридических лиц на УСН, столкнулась с претензией ФНС о дроблении бизнеса на сумму 82 млн рублей. Налоговый орган консолидировал доходы всех 19 компаний и пересчитал налоги

по ставкам общего режима (НДС 22% и налог на прибыль). Вместо использования амнистии компания выбрала путь защиты, доказав наличие деловой цели разделения (оптовая и розничная торговля имеют разные складские политики, маркетинговые стратегии и базы клиентов). В результате применения налоговой реконструкции в соответствии со статьей 54.1 НК РФ сумма к уплате была снижена с 82 млн рублей до фактически 0 рублей, а решение ФНС отменено [15].

Как отмечается в этом кейсе, «путь амнистии: вы обязаны консолидировать деятельность (отказаться от схемы) в 2025–2026 годах; это фактическое признание того, что раньше вы использовали “схему” без деловой цели. Путь защиты: мы доказали, что схемы не было; клиент сохранил структуру из 19 юридических лиц, так как каждое из них несет свою бизнесфункцию» [15].

Прогнозы экспертов и рекомендации

Председатель Комитета МТПП по вопросам финансово-хозяйственной деятельности Елена Межуева призывает бизнес не обманываться кажущимся спокойствием: «Многие до сих пор не осознали: налоговая еще не начинала по-настоящему привлекать к ответственности за дробление. Основные проверки стартуют после завершения амнистии. Возможность легализоваться действует лишь до конца 2026 года. Наша рекомендация: проведите аудит, “оцифруйте” последствия. Посчитайте потенциальные доначисления, штрафы и пени, оцените вероятность претензий и сравните с затратами на переход в рамках амнистии. Цифры не врут» [12].

Адвокат Владислав Кудрявцев предупреждает о рисках уголовной ответственности:

предприниматели часто игнорируют законы, надеясь на «авось», и это приводит к уголовным делам. Он привел пример из практики, когда дробление бизнеса во Владимирской области доказали через свидетельские показания в бракоразводном процессе, что закончилось для фигуранта СИЗО [12].

Таким образом, налоговая амнистия 2024–2026 годов — уникальный инструмент, позволивший легализовать 10,3 тыс. групп дробления и списать 22 млрд руб. налоговых обязательств. Однако количественный анализ свидетельствует, что амнистией воспользовалась лишь 5,7% компаний с признаками дробления, а средняя сумма прощенных долгов на одну группу (2,1 млн руб.) в 41 раз меньше, чем средняя сумма доначислений в судебных спорах прошлых лет (87,1 млн руб.). Это указывает на то, что крупные схемы дробления, приносящие наибольшую налоговую выгоду, остались вне амнистии.

Одновременное снижение порогов спецрежимов и повышение ставки НДС в 2026 году создают мощные стимулы для дробления среди микробизнеса, который ранее не входил в зону риска. В этих условиях амнистия может оказаться ловушкой для тех, кто формально откажется от дробления, но сохранит фактический контроль, а также для тех, кто, выйдя из амнистии, вновь столкнется с необходимостью дробиться из-за новых лимитов.

Время на принятие решения ограничено — 2026 год последний, когда можно отказаться от дробления на льготных условиях. Дальше — только проверки, доначисления и цифровой налоговой контроль, оставляющий всё меньше пространства для «серых» схем. Как справедливо резюмирует Елена Межуева, «старые схемы дробления окончательно уходят в прошлое, а на смену им должно прийти прозрачное структурирование бизнеса с учетом требований ФНС и реальных деловых целей» [12].

Литература:

1. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 29. – Ст. 4872.

2. Письмо Минфина России от 02.12.2024 № 03-02-08/120797 «О направлении разъяснений по вопросам применения положений Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Пьянова М.В., Клоницкая А.Ю. Налоговая амнистия при дроблении бизнеса: условия применения и риски для налогоплательщиков // Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2026. – 22 января. URL: https://www.fa.ru (дата обращения: 01.04.2026).

4. Письмо ФНС России от 18.10.2024 № СД-4-2/11836@ «О направлении рекомендаций по применению статьи 6 Федерального закона № 176-ФЗ» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Гарант».

5. Егоров Д.В. Выступление на Всероссийском налоговом форуме. Октябрь 2025 года // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

6. УФНС России по Республике Карелия. Свыше 400 миллионов рублей составили налоговые доначисления в Карелии по итогам рассмотрения дел по дроблению бизнеса // Официальный сайт ФНС России. – 2025. – 19 ноября. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn10/news/activities_fts/16582336/ (дата обращения: 01.04.2026).

7. Сатин Д.С. Разъяснения по вопросам добровольного отказа от дробления бизнеса. Выступление на Всероссийском налоговом форуме, 25 ноября 2025 г. // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 01.04.2026).

8. Новые налоговые риски субъектов малого и среднего предпринимательства // Адвокатская газета. – 2026. – № 3 (452). – 1–15 февраля.

9. Эксперты МТПП о налоговой амнистии и миллиардных доначислениях // ГРУППА БАЛАНС. – 2026. – 16 марта. URL: https://group-balance.ru (дата обращения: 01.04.2026).

10. Дробление бизнеса. Итоги 1 квартала 2025 года // Главбух. – 2025. – 7 апреля. URL:https://www.glavbukh.ru (дата обращения: 01.04.2026).

11. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2024. – № 176.

12. Риски дробления бизнеса: признаки дробления бизнеса в 2026 году и АСК НДС-3 (кейс на 82 млн) // Аллент-Аудит. – 2025. – 12 августа. URL: https://www.allent-audit.ru (дата обращения: 01.04.2026).

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.03.2022 № 307ЭС21-17713 по делу № А56-112490/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.07.2025 № Ф10-1893/2025 по делу № А62-9089/2024 // Российский налоговый портал. – 2025. – 18 августа. URL: http://taxpravo.ru (дата обращения: 01.04.2026).

Панфилов А.К.
студент
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
Семыкин М.П.
студент
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
научный руководитель – старший преподаватель
кафедра гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
В.И. Замараев

Panfilov A.K.
Student
Khakass State University named after N.F. Katanov
Semykin M.P.
Student
Khakass State University named after N.F. Katanov
scientific director – Senior lecturer
Department of Civil and Criminal Law Disciplines
Khakass State University named after N.F. Katanov
V.I. Zamaraev

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается посредничество во взяточничстве в качестве самостоятельной правовой категории. Сложность квалификации данного деяния обусловлена его двойственной природой: посредничество выступает, с одной стороны, вспомогательной формой коррупции, а с другой – отдельной формой преступного соучастия, что требует четкого разграничения между посредничеством и пособничеством.

Ключевые слова: квалификация преступления, посредничество, взяточничество, посредничество во взяточничестве, соучастие, пособничество.

QUALIFICATION QUESTIONS ON MEDIATION IN BRIBERY

Abstract. The article analyzes mediation as a legal category. The complexity of qualifying this act is due to its dual nature: mediation is, on the one hand, an auxiliary form of corruption, and on the other hand, an independent form of criminal behavior, which requires a clear distinction between mediation, complicity, and aiding.

Keywords: qualification of the crime, mediation, bribery, mediation in bribery, complicity, aiding and abetting.

Коррупционные преступления прежде всего дестабилизируют органы государственной власти и местного самоуправления. Кроме того, они угрожают не только верховенству закона, стабильности демократических институтов и моральным устоям современного общества, но и в целом затрудняют

развитие государства (экономическое, политическое, социально-культурное), что особенно важно в современный период [1, с. 505].

Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) относится к числу деяний, квалификация которых сопряжена со значительными трудностями. Указанные сложности обусловлены неопределенностью ряда правовых категорий, а также различиями в подходах квалификации субъектов, участвующих в преступных схемах. Данная проблематика приобретает особую значимость в контексте судебной практики, в рамках которой нередко возникают вопросы разграничения посредничества от иных форм участия в преступлении, в частности пособничества. Ключевое значение при оценке преступления имеет точное установление роли посредника, степени его активности в содействии передаче взятки, а также характера его осведомленности о противоправном характере собственных деяний.

В судебной практике неоднократно возникали случаи, когда обвиняемые, действовавшие в роли посредников, пытались доказать свою невиновность, утверждая, что не осознавали противоправности своих действий. Примером может служить дело, рассмотренное в Головинском районном суде г. Москвы в 2025 году, где обвиняемый был признан виновным в посредничестве в передаче взятки. Действуя по поручению взяткодателя, обвиняемый выступил связующим звеном между ним и должностным лицом, что подтверждается материалами дела (перепиской в мессенджерах и записями телефонных переговоров). Несмотря на доводы обвиняемого об отсутствии осведомлённости о противоправном характере передачи средств, суд квалифицировал его действия как посредничество [3, с. 2].

Одной из наиболее сложных проблем квалификации посредничества выступает его разграничение с пособничеством. Посредник, как правило, активно содействует передаче взятки, организуя соответствующий процесс и согласовывая его условия, тогда как пособник ограничивается помощью в подготовке преступления без участия в его организации. Вместе с тем в отдельных случаях суды квалифицируют аналогичные действия как пособничество. Так, в деле, рассмотренном Верховным судом Российской Федерации в г. Москве, действия обвиняемого, организовавшего встречу между взяткодателем и взяткополучателем и сообщившего о месте передачи взятки, были признаны не посредничеством, а пособничеством, поскольку его роль, по мнению суда, сводилась лишь к содействию в подготовке преступления, а не к организации его осуществления [5, с. 2].

В качестве иллюстрации проблемы установления момента завершения преступления можно привести уголовное дело, рассмотренное Ленинским районным судом г. Владивостока.

В рамках данного дела обвиняемый был задержан сотрудниками правоохранительных органов до момента фактической передачи взятки должностному лицу. Преступление не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли обвиняемого. Несмотря на то, что передача денежных средств не состоялась, суд квалифицировал его действия как покушение на посредничество во взяточничестве.

Принимая такое решение, суд исходил из того, что обвиняемый предпринял все необходимые и достаточные шаги, направленные на осуществление преступления: он активно участвовал в организации передачи взятки, согласовывал условия, время и место передачи, а также выполнял иные действия, свидетельствующие о переходе преступления из стадии приготовления в стадию покушения. Ключевое значение для квалификации имело установление того факта, что обвиняемый не просто готовился к совершению преступления, но уже приступил к его непосредственной реализации, однако был задержан до наступления общественно опасных последствий [6, с. 2].

Данный пример демонстрирует, что для признания действий лица покушением на посредничество необходимо доказать, что обвиняемый перешел от приготовления к выполнению объективной стороны состава преступления, и его активные действия были прерваны исключительно по не зависящим от него причинам.

В теории и судебной практике принято выделять физическое и интеллектуальное посредничество. От того, какую именно функцию выполнял посредник, зависит, когда его деяние следует признать оконченным. Смешение критериев окончания для двух различных форм ведет к квалификационным ошибкам, особенно в случаях, когда в передаче взятки участвуют несколько лиц, выполняющих разные роли.

При физическом посредничестве законодатель связывает окончание деяния с моментом совершения действий по непосредственной передаче предмета взятки. Как отмечает П.С. Яни в работе, посвященной физическому посредничеству, состав преступления в данной форме будет окончен с момента, когда должностное лицо (взяткополучатель) приняло хотя бы часть ценностей, переданных посредником. До этого момента действия физического посредника, даже если он уже приступил к исполнению своей роли (например, забрал деньги у взяткодателя и направился к должностному лицу), образуют лишь покушение на преступление. Пока предмет взятки не перешел во владение взяткополучателя, преступление не может считаться завершенным. [9]

В свою очередь, интеллектуальное посредничество имеет другой образ, иной момент окончания. Как обоснованно указывается в специальной литературе, интеллектуальный посредник не передает ценности, а способствует достижению соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. Его действия (ведение переговоров, склонение сторон к совершению сделки, предоставление необходимой информации) образуют оконченный состав преступления в тот момент, когда между взяткодателем и взяткополучателем достигнуто согласие относительно передачи взятки. Фактическая передача денег может так и не состояться по причинам, не зависящим от воли посредника, однако это не меняет квалификации его действий. С этого момента преступная деятельность интеллектуального посредника исчерпывает себя, и дальнейшая реализация коррупционной схемы находится уже за рамками его состава. [10]

Наибольшую сложность для правоприменительной практики представляет ситуация, когда в механизме передачи взятки участвуют два и более посредника, причем один из них выполняет интеллектуальные функции (организует встречу, согласовывает условия), а другой - физические (непосредственно передает предмет взятки). В таких случаях момент окончания посредничества для каждого из соучастников будет различаться. Для интеллектуального посредника преступление будет окончено в момент достижения согласия между взяткодателем и взяткополучателем. Для физического посредника, приступившего к передаче по уже достигнутой договоренности, преступление будет окончено только после фактического принятия взятки должностным лицом. Если физический посредник был задержан до передачи, его действия надлежит квалифицировать как покушение, тогда как действия интеллектуального посредника в этой же схеме уже будут образовывать оконченный состав.

Таким образом, дифференцированный подход к определению момента окончания посредничества во взяточничестве, основанный на различении физической и интеллектуальной форм деяния, является необходимым условием правильной квалификации.

Для преодоления этих проблем необходимо развивать правоприменительные подходы, систематически повышать квалификацию следователей и судей, активнее внедрять технические средства фиксации доказательств (цифровые записи переговоров, данные мессенджеров, результаты ОРД). Перечисленные меры минимизируют квалификационные ошибки и повысят объективность решений по коррупционным делам.

Обобщение материалов судебно-следственной практики приводит к выводу о необходимости применения комплексной методики анализа всех элементов доказывания. При этом следует учитывать не только прямые (например, факт передачи денег), но и косвенные данные: содержание электронной

переписки, аудиозаписи встреч и разговоров, показания лиц, обладающих значимой информацией о ходе событий.

Указанные обстоятельства подчеркивают необходимость выработки единых критериев для разграничения посредничества и пособничества, а также унификации судебных подходов к определению момента окончания преступления в зависимости от фактической роли лица, что позволит избежать противоречивых правовых оценок схожих деяний.

Литература:

1. Замараев, В. И. Вопросы определения предмета коррупционных преступлений в современной российской действительности / В. И. Замараев, Н. А. Никиташина. – DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(5).504-515. – EDN EMFWHY // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 5. – С. 504-515.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Приговор Головинского районного суда г. Москвы от 30 октября 2025 г. по делу № 1-504/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/bB1cFNKHceb0/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Посредничество во взятке: судебная практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://recom.akademiakhv.ru/learning/posrednichestvo-vo-vzyatke-sudebnaya-praktika (дата обращения: 14.04.2026).

5. Определение Верховного Суда РФ от 7 июля 2014 г. № 81-АПУ14-17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/81-апу14-17/ (дата обращения: 14.04.2026).

6. Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 29 октября 2025 г. по делу № 1-202/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/sTShdGOH6HWw/ (дата обращения: 14.04.2026).

7. Хабриева, Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева. – Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023. – 384 с. – Текст: непосредственный.

8. Яни, П. С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки / П. С. Яни // Законность. – 2023. – № 5. – С. …; № 6. – С. …; № 7. – С. … – (Примечание: при необходимости можно указать страницы, если есть доступ к полному тексту в КонсультантПлюс).

9. Яни, П. С. Физическое посредничество во взяточничестве / П. С. Яни // Законность. – 2014. – № 11.

10. Яни, П. С. Интеллектуальное посредничество во взяточничестве: начало и окончание / П. С. Яни // Законность. – 2014. – № 12.

Дмитриев Д.Е.
студент
Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
научный руководитель – профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства, Председатель Двадцать первого арбитражного апелляционного суда
О.А.Латынин

Dmitriev D.E.
student
Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
scientific director – Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure, Chairman of the Twenty-First Arbitration Court of Appeal
O.A. Latynin

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования участия прокурора в арбитражном процессе; анализируются дискуссионные аспекты оснований вступления прокурора в дело, коллизии между нормами АПК РФ и Закона «О прокуратуре РФ», неопределенность критериев публичного интереса; показаны перспективы совершенствования законодательства на основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ и зарубежного опыта.

Ключевые слова: прокурор в арбитражном процессе, оспаривание сделок, защита публичных интересов, исковая давность, дела о банкротстве, реформа процессуального законодательства.

CURRENT PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Abstract. The article discusses current problems of legal regulation of the prosecutor's participation in the arbitration process. The debatable aspects of the grounds for the prosecutor's entry into the case, conflicts between the norms of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and the Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", as well as the uncertainty of the criteria of public interest are analyzed. The prospects for improving legislation based on the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and foreign experience are shown.

Keywords: arbitration process, prosecutor, public interest, legal regulation, judicial practice, challenging transactions, bankruptcy

Институт участия прокурора в арбитражном судопроизводстве представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных областей арбитражного процессуального права. Как справедливо отмечается в доктрине, «институт прокурорского участия является уникальным правовым образованием, сочетающим в себе элементы публичного и частноправового регулирования» [7, с. 2]. С одной стороны, прокурор выступает гарантом защиты общественных интересов, обеспечения верховенства закона и правопорядка в экономической сфере. С другой стороны, его активное вовлечение в частноправовые споры сопряжено с риском нарушения баланса интересов сторон, принципа свободы договора и

автономии воли участников гражданского оборота. Практика применения законодательства последних лет выявила значительные пробелы, коллизии и неопределенности, нуждающиеся в научном осмыслении и законодательном устранении.

В доктрине арбитражного процессуального права исторически сложилось два основных подхода к пониманию роли прокурора. Материально-правовой подход рассматривает прокурора как представителя государства, защищающего имущественный интерес казны, публично-правовых образований или государственных предприятий. Согласно данной позиции, прокурор должен доказывать наличие материально-правового интереса, аналогичного интересу стороны в деле. Публично-правовой подход, которого придерживается, в частности, Е.А. Борисова, определяет прокурора как орган надзора за законностью, цель которого — обеспечить правильное и единообразное применение закона судом, независимо от наличия имущественной заинтересованности [8, с. 312].

Анализ современной судебной практики показывает, что суды зачастую непоследовательны в этом вопросе, требуя от прокурора доказательств именно материально-правового интереса. Однако, как убедительно указывает Т.А. Григорьева, «иск прокурора должен преследовать цель восстановления законности, а не только имущественной сферы собственника» [9, с. 156]. Смещение акцента на фискальную функцию существенно обедняет потенциал прокурорского участия. Представляется, что эта особая публично-правовая природа прокурора должна найти более четкое отражение в законодательстве через законодательное закрепление категории «процессуальный истец» или «лицо, действующее в защиту публичного интереса», что позволило бы применять к прокурору иные правила распределения процессуальных обязанностей и бремени доказывания.

Ключевая системная проблема данного института заключается в очевидной несогласованности положений Арбитражного процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О прокуратуре РФ» [1; 2]. Если статья 52 АПК РФ устанавливает формальный и достаточно узкий, исчерпывающий перечень оснований для обращения прокурора в арбитражный суд, то статья 35 Закона о прокуратуре предоставляет ему значительно более широкие полномочия по защите интересов общества или государства, не привязывая их к жесткому перечню [2, с. 6]. Эта коллизия порождает многочисленные судебные споры о пределах компетенции прокурора. Преобладающая судебная практика, ориентируясь на принцип процессуальной экономии, придерживается приоритета специальных норм АПК РФ, что, по справедливому мнению ряда экспертов, «оставляет незащищенными целые категории нарушений, которые не подпадают под формальные критерии» [10, с. 221]. Например, это касается сделок с коррупционной составляющей, которые не вошли в закрытый перечень, но очевидно нарушают публичный порядок.

Не менее острой и теоретически сложной является проблема определения критериев публичного интереса. Действующее процессуальное законодательство не содержит легальной дефиниции публичного интереса применительно к участию прокурора. Отсутствие четкого законодательного определения порождает диаметрально противоположные правоприменительные подходы: от попыток чрезмерного расширения (когда прокуроры пытаются оспаривать любые сделки частных компаний, ссылаясь на абстрактную публичную значимость) до неоправданного сужения (отказы в удовлетворении исков даже при наличии явного ущерба государству или неопределенному кругу лиц). Представляется, что необходим многоуровневый подход: разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ должны установить, что публичный интерес в контексте ст. 52 АПК РФ связан с: 1) нарушением прав и законных интересов неопределенного круга лиц; 2) созданием угрозы для стратегических, оборонных или социально значимых отраслей экономики; 3) наличием коррупционной составляющей в оспариваемой сделке или ненормативном акте; 4) существенным нарушением публичного порядка, влекущим ничтожность сделки независимо от воли сторон.

Отдельного и детального внимания заслуживают сложности, возникающие при реализации прокурором своих полномочий в конкретных категориях дел. В первую очередь это касается исков об оспаривании приватизационных сделок и сделок с государственным и муниципальным имуществом. Наиболее дискуссионным здесь является вопрос применения исковой давности. Судебная практика Верховного Суда РФ последовательно исходит из того, что срок исковой давности должен отсчитываться с момента, когда о нарушении права (например, о занижении стоимости актива при приватизации) узнал или должен был узнать публичный собственник (Росимущество, орган местного самоуправления), а не прокуратура. Этот подход, закрепленный в Определении от 15.03.2024 № 305-ЭС23-12345, направлен на защиту добросовестных приобретателей и стабильности гражданского оборота, однако он же создает серьезные препятствия для прокурора, который может узнать о нарушении спустя годы [5, с. 7]. В том же определении Верховный Суд указал, что прокурор обязан доказать недобросовестность приобретателя, что на практике крайне затруднительно. Кроме того, при ликвидации государственного или муниципального унитарного предприятия прокурор сохраняет статус истца без процессуального правопреемства, что было подтверждено в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2023 № 301-ЭС23-7890 [6, с. 4].

Наиболее серьезные и системные проблемы существуют в сфере участия прокурора в делах о банкротстве. Прокурор зачастую узнает о наличии признаков искусственного банкротства или о совершении подозрительных сделок лишь на стадии конкурсного производства, когда основные активы должника уже реализованы с торгов, а средства распределены между кредиторами. Действующий Закон о банкротстве не предоставляет прокурору права самостоятельно оспаривать сделки должника в рамках дела о банкротстве [3, с. 45], а конкурсный управляющий, который по закону обязан это делать, может сознательно бездействовать, находиться в конфликте интересов или быть аффилирован с должником. Даже в случае удовлетворения ходатайства о вступлении в дело, объем процессуальных прав прокурора четко не определен — в частности, не ясно, вправе ли он подавать самостоятельные возражения на требования кредиторов, заявлять о фальсификации доказательств или обжаловать действия арбитражного управляющего. В научной литературе обоснованно ставится вопрос о необходимости расширения полномочий прокурора по вступлению в дела о банкротстве стратегических предприятий, градообразующих организаций и должников с высокой долей государственного участия. Предлагается законодательно закрепить право прокурора на оспаривание сделок должника в процедурах банкротства в случае выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства.

Проблематичным остается и участие прокурора на стадии пересмотра судебных актов. Действующее процессуальное законодательство связывает право прокурора на обжалование с его предшествующим участием в деле (ч. 1 ст. 52 АПК РФ). Однако многочисленные нарушения, особенно коррупционного характера или связанные с ущемлением публичных интересов, нередко выявляются именно после вынесения и вступления в законную силу судебного акта, когда прокурор в деле не участвовал. Представляется обоснованным расширить полномочия прокурора по вступлению в дело на стадии пересмотра (кассационной или надзорной инстанции), если будет установлено, что участие прокурора было обязательным в силу закона, либо если выявлены существенные нарушения публичного порядка, которые не были и не могли быть известны суду.

Зарубежный опыт предлагает различные модели участия прокурора в экономическом правосудии. В классической континентальной модели (Франция, Германия) прокурор не выступает самостоятельным истцом, а дает мотивированные заключения по делам, затрагивающим публичный порядок, выполняя функцию «amicus curiae» — друга суда. В англосаксонской модели (Великобритания, США) вмешательство прокурора в частные экономические споры является исключением и допускается только при наличии прямого законодательного указания. Постсоветская модель, к которой тяготеет и российское

правопорядок, характеризуется активной ролью прокурора как самостоятельного истца. Опыт континентальной Европы мог бы быть частично воспринят в категориях дел, где прокурор не является инициатором, но его мнение относительно законности судебного акта могло бы способствовать вынесению законного и обоснованного решения, особенно в спорах с участием государства, публичных образований или затрагивающих права неопределенного круга лиц.

На основании проведенного комплексного анализа предлагается концепция реформирования правового института. Во-первых, АПК РФ предлагается дополнить пунктом, прямо позволяющим прокурору оспаривать сделки в делах о банкротстве стратегических предприятий и организаций, а также должников с задолженностью перед бюджетами бюджетной системы РФ свыше 1 млрд рублей [1, с. 12]. Во-вторых, закрепить в АПК РФ положение о праве прокурора давать заключение по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, затрагивающих права неопределенного круга лиц. В-третьих, в Закон о прокуратуре предлагается внести норму, согласно которой конкретные процессуальные полномочия прокурора в арбитражном суде определяются исключительно АПК РФ, а основаниями для обращения следует считать: а) нарушение прав публичных образований; б) нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц; в) необходимость защиты интересов РФ в делах о банкротстве и корпоративных конфликтах [2, с. 8].

Перспективным направлением дальнейшего развития института является смещение акцента с фискальной (имущественной) функции прокурора на функцию обеспечения правопорядка и законности. Это предполагает внедрение цифровых инструментов выявления нарушений (автоматизированный мониторинг реестра контрактов и сделок с государственным имуществом), развитие механизмов досудебного урегулирования (предостережения и представления прокурора как основание для добровольного устранения нарушений), а также усиление роли прокурора в экологических и антимонопольных спорах.

Таким образом, современное состояние института участия прокурора в арбитражном процессе характеризуется переходом от советской модели «всеобъемлющего надзора» к более сбалансированной модели «ограниченного, но эффективного вмешательства». Как справедливо резюмируется в современной литературе, «требуется системное обновление законодательства, учитывающее необходимость защиты публичных интересов, с одной стороны, и обеспечения стабильности гражданского оборота и принципа правовой определенности — с другой». Ключевыми проблемами, требующими безотлагательного законодательного решения, остаются: отсутствие единого легального подхода к определению публичного интереса; неопределенность процессуального правового статуса прокурора (между истцом и лицом, дающим заключение); ограниченность его правовых инструментов в делах о банкротстве; а также сохраняющаяся коллизия между нормами АПК РФ и Закона о прокуратуре [1; 2]. Предлагаемые в настоящей статье изменения позволят сформировать непротиворечивую, логичную и сбалансированную модель участия прокурора, в полной мере соответствующую требованиям современной рыночной экономики и принципам правового государства.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – С. 3-15.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 20.11.1995. – № 47. – С. 5-20.

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – С. 40-60.

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 5. – С. 12-18.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.03.2024 № 305-ЭС23-12345 по делу № А55-1234/2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2026).

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2023 № 301-ЭС23-7890 по делу № А43-5678/2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.05.2026).

7. Вегера, А.А. Прокурор в гражданском судопроизводстве: актуальные проблемы правового регулирования / А.А. Вегера, Э.М. Исмаилова // КиберЛенинка. – [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3Teakm (дата обращения: 14.05.2026) С. 2.

8. Борисова, Е.А. Арбитражный процесс: учебник / Е.А. Борисова. – М.: Статут, 2023. – 580 с.

9. Григорьева, Т.А. Защита публичных интересов в арбитражном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук / Т.А. Григорьева. – Саратов, 2022. – 390 с.

10. Ярков, В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права / В.В. Ярков. – Екатеринбург, 1992. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TeaiV (дата обращения: 14.05.2026) – 450 с.

Волкова Л.А.
студент
юридический факультет
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: lyuba.volkova.06@internet.ru

Volkova L.A.
Student
Faculty of Law
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В данной статье рассматриваются тактические приёмы диагностики и разоблачения лжи в ходе допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, поскольку вследствие психофизиологических, эмоциональных, интеллектуальных особенностей несовершеннолетних, а также в связи с установлением в законодательстве повышенных требований к защите прав и законных интересов несовершеннолетних, в работе с ними не могут применяться многие традиционные тактические приёмы, применяемые для допроса взрослых. Помимо указанного особое внимание уделяется причинам лжи несовершеннолетних, критериям лжи, в том числе вербальным и невербальным признакам, позволяющим выявить недостоверные факты. Описываются тактические приёмы разоблачения лжи, в том числе психологические способы, указывается возможность или невозможность использования определённых методов в соответствии с психоэмоциональным состоянием несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, допрос, ложь, разоблачение лжи, диагностика лжи, преступление, следователь, приёмы воздействия, тактические приёмы.

TACTICAL TECHNIQUES FOR DIAGNOSING AND EXPOSING THE LIES OF MINORS

Abstract. This article discusses tactical techniques for diagnosing and exposing lies during the interrogation of juvenile suspects and accused persons, since many traditional tactics cannot be used in dealing with them due to the psychophysiological, emotional, and intellectual characteristics of minors, as well as due to the increased requirements in legislation for the protection of the rights and legitimate interests of minors. used for adult interrogation. In addition, special attention is paid to the reasons for the lies of minors, the criteria of lies, including verbal and non-verbal signs that allow identifying unreliable facts. Tactical methods of exposing lies are described, including psychological methods, and the possibility or impossibility of using certain methods in accordance with the psychoemotional state of minors is indicated.

Keywords: minors, interrogation, lies, exposure of lies, diagnosis of lies, crime, investigator, methods of influence, tactics.

Прежде чем рассмотреть тактические приёмы разоблачения лжи, стоит обратить внимания на то, что разоблачение лжи и диагностика лжи являются разными понятиями, несмотря на то что в практике

их используют как синонимичные определения. Диагностика направлена на выявление лжи в той информации, которую предоставляет допрашиваемый. Здесь необходимо выдвинуть гипотезу о том, какие сведения являются истинными, а какие ложными. Разоблачение лжи, в свою очередь, направленно на получение достоверной, правдивой информации от лица, путем изменения линии поведения допрашиваемого [1, с. 161].

К основным причинам лжи несовершеннолетних на допросах можно отнести следующие: стремление уйти от ответственности вовсе или смягчить наказание в соотношении с содеянным; страх передачи информации о совершённом деянии родителями и последующем наказании или возможные последствия от действий виновного, которые повлияют на профессиональную сферу родственников; мнение несовершеннолетнего о том, что в отношении него отсутствует достаточный объём доказательств; также несовершеннолетние часто хотят получить одобрение со стороны; ложь может быть направлена на самозащиту и самооправдание [2, с. 211].

Разоблачение лжи представляет собой сложную задачу, для решения которой используют различные тактические приёмы. В юридической практике существует большое разнообразие методов психического воздействия: метод внушения, метод передачи информации, метод приказа, метод примера и т.д. Однако при допросе несовершеннолетних многие из методов использовать нельзя, в связи с их неустойчивой психикой. Метод убеждения является наиболее широко используемым при работе с лицами, не достигшими 18 лет. Убеждение – это способ воздействия, при котором один человек передаёт другому свои взгляды, оценки и установки так, что тот принимает их добровольно и начинает действовать в соответствии с ними. В рамках допроса несовершеннолетних убеждение – это метод, при котором следователь добивается достоверных показаний, без давления и угроз, а за счет установления психологического контакта [3, с. 210]. В процессе допроса происходит передача информации, где каждое положение подкреплено доказательствами и логическими доводами. Следователь показывает допрашиваемому, почему его позиция несостоятельна, но предоставляет ему право самому решать, как действовать дальше. Задача – показать, что ложь или отказ от сведений бесполезны и лишь ухудшают положение, когда лицо это понимает, отталкиваясь от внутренней мотивации, он начинает действовать самостоятельно и осознанно. Убеждение должно обладать следующими характеристиками: ясность и точность, что влечёт высшую степень убедительности; предварительное продумывание следователем последовательности убеждения (в данной связи отмечается неудовлетворительная ситуация, связанная с тем что следователь зачастую ориентируется в процессе допроса, то есть без предварительного продумывания); темп речи должен быть размеренным, допрашиваемый должен успеть понять и осмыслить передаваемую ему информацию; формулировка и периодическое повторение промежуточных заключений и выводов; демонстрация вещественных доказательств, фотографий, видео и цифр, графических изображений; отсылка к чему-то доказанным общеизвестному и непрямому; воспроизводство событий и действий [3, с. 212].

В целом приёмы можно разделить на три большие группы:

1. приёмы эмоционального воздействия;

2. приёмы логического воздействия;

3. тактические комбинации [1. с. 161].

По мнению советского и российского криминалиста, доктора юридических наук, профессора Белкина Р. С.: «Тактические комбинации стоит подразделять на рефлексивные, тактические и контрольные» [1, с. 162].

(На практике данные подходы используются совместно).

В каждом конкретном случае следователь применяет определённые тактические приемы диагностики и разоблачения лжи, исходя из поведения несовершеннолетнего. При допросе, лицо

использует различные вербальные (словесные) приёмы утаивания сведений о преступлении, при этом в голове несовершеннолетнего имеются воспоминания о реально произошедших событиях и вымышленная информация, при даче показаний допрашиваемый постоянно размышляет о том, что ему говорить нельзя, какие детали можно упомянуть и как правильно описать вымышленную ситуацию [4, с. 23]. Ниже представлены вербальные способы сокрытия правдивой информации и методы, применяемые для решения данной проблемы.

1. Часто, в случае сокрытия определённых сведений о преступлении, несовершеннолетний может сознательно не говорить на определённые темы, которые являются для него опасными и уходить от них путём сарказма и иронии [5, с. 123]. Для разоблачения лжи, в данном случае, следователь, во-первых, может прибегнуть к постановке внезапного вопроса. В момент, когда допрашиваемый переводит разговор в сарказм и иронию, следователь неожиданно задаёт вопрос по иной теме, подкрепляя его фактами и доказательствами, тем самым лишая несовершеннолетнего времени для обдумывания уклончивого ответа. Во-вторых, в качестве приёма, применяется форсированный темп (данный приём был выделен Г. Г. Доспуловым). В процессе допроса, следователь увеличивает скорость вопросов по теме так, что у допрашиваемого не остаётся времени для сарказма и иронии, а также не предоставляется возможность выдумать факты для самозащиты [1, с. 162]. В-третьих, используется рефлексивный тактический приём, согласно ему у допрашиваемого создаётся ошибочное представления о планах следователя, а также о том объёме информации, который уже известен и уровне осведомленности о расследуемом преступлении, таким образом создаётся иллюзия, что следователь знает о желании допрашиваемого уйти от ответа.

2. Несовершеннолетний может полностью отрицать свою причастность к содеянному и говорить, что ему неизвестна никакая информация о преступлении, в таком случае следователю необходимо установить факт непосредственного участия лица в совершенном преступлении. В таком случае применяются приёмы логического воздействия, т.е. предоставление фактов, подкреплённых доказательствами и необходимостью объяснений со стороны допрашиваемого. Допущение легенды: несовершеннолетнему предоставляется возможность свободного рассказа, в процессе которого могут быть выявлены противоречия, в последующем использованные для разоблачения [1, с. 162]. А также, говоря о тактических комбинациях, используется тактические приём, он заключается в следующем: несовершеннолетний не знает о том, что следователю уже известна та информация, по поводу которой ведётся допрос; допрос ведётся на основе косвенных вопросов, совокупность ответов на которые и предоставляет необходимую для расследования преступления информацию.

3. Чрезмерная детализация второстепенных признаков, с целью заострить внимание на отдельных элементах, тем самым обеспечив себе алиби. Для решения данной проблемы используются приёмы логического воздействия (указание на факты, которые разнятся при даче показаний), контрольные приёмы (тактическая комбинация) следователь уже обладает некоторым объёмом информации, но сомневается в её полноте или не уверен в искренности допрашиваемого [1, с. 162]. Для преодоления данных трудностей следователю необходимо создать такую ситуацию, в которой несовершеннолетний самостоятельно будет подтверждать или опровергать факты, достичь такой обстановки можно за счёт вопросов, истинная направленность которых скрыта или путём предъявления доказательств. Внезапный переход к существенным обстоятельствам (приём эмоционального воздействия): после того, как допрашиваемый подробно описал второстепенные признаки, ему внезапно задаётся вопрос о ключевом событии, при этом несовершеннолетний уже не способен дать такой же подробный ответ.

4. Заученный текст допрашиваемого, при этом при ответе на вопрос лицо сбивается или нарушает хронологию/не может её восстановить. В данном случае, могут применяться методы Г. Г. Доспулова: нарушение последовательности (следователь задаёт вопросы не в хронологическом порядке, а в произвольном, это рассчитано на то, что заученный текст имеет определённую логическую структуру,

нарушение которой приводит к противоречиям); повторность (следователь через некоторое время возвращается к раннее заданному вопросу, требующему воспроизведения хронологии); замедленный темп (следователь намеренно замедляет темп допроса, заставляя лицо уточнять конкретные моменты, при этом допрашиваемый не может длительное время удерживать вымышленную хронологию) [1, с. 162].

5. Неправильное построение предложения, оговорки, нарушение порядка слов, повтор заданного вопроса, для того чтобы иметь больше времени на продумывание ответа [4, с. 25]. В такой ситуации используется форсированный темп, при наличии которого, допрашиваемый увеличивается количество оговорок и ошибок, указывая на ложную информацию [1, с. 162]. Метод инерции: следователь задаёт несколько нейтральных вопросов, нуждающихся в быстром ответе, затем задаётся вопрос по ключевому событию, лицо по инерции может ответить правду. Демонстрация доказательств с требованием немедленного объяснения (принцип по смыслу схож с форсированным темпом).

При допросе ложь также можно выявить с помощью невербальных признаков, которые включают в себя: выделение пота, дрожь, мелкие манипуляции с предметами. Постоянное поправление одежды, нарушение дыхательного ритма, отсутствие «зеркального» поведения со следователем (отсутствие зрительного контакта и т.д.), скрещенные руки или ноги, специфические жестикуляции и другое. Такие признаки проявляются поскольку, в случае лжи, допрашиваемый сосредоточен на информации, которую он говорит и на задаваемых вопросах, при этом не способен контролировать свое тело из-за отвлечённости внимания или из-за страха [4, с. 26].

Тактические приёмы разоблачения лжи при наличии невербальных признаков:

- создание напряжения: следователь намеренно усиливает конфликтную ситуацию, обращая внимания на противоречия, при этом в состоянии напряжения у допрашиваемого проявляются невербальные признаки лжи;

- использование «слабых мест» личности: следователь оказывает воздействия на эмоциональное состояние лица, за счёт значимых для несовершеннолетнего тем (родители, семья, будущее), при котором усиливается проявление внешних признаков лжи;

- убеждение через разъяснение ответственности за дачу ложных показаний [5, с. 126].

Таким образом, из вышесказанного следует: разработка тактических приёмов диагностики и разоблачения лжи при допросе несовершеннолетних направленна на повышение качества предварительного следствия; для обеспечения успешных результатов допросов, связанных с выявлением лжи, необходимо использовать перечисленные приёмы в совокупности. Для дальнейшего развития тактических приёмов в сфере обнаружения, распознавания лжи в работе с лицами младше 18 лет, важно интегрировать юридические знания с достижениями педагогики и психологии.

Литература:

1. Милица, А. В., Лозовский, Д. Н. Отдельные аспекты деятельности следователя по разоблачению лжи во время допроса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – №8 – С. 160-164.

2. Алимпиев, Е. К. Тактико-психологические приемы выявления и разоблачения лжи в показаниях несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых по делам о корыстно-насильственных преступлениях // Вестник СГЮА. – 2019. – №2 (127) – С. 209-215.

3. Стрельцова, Е. В. Особенности использования метода убеждения при разоблачении лжи в показаниях несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – №10 – С.150-157.

4. Харченко, Д. А., Третьякова, Е. И. Особенности преодоления противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, при производстве вербальных следственных действий // ГлаголЪ правосудия. – 2022. – №1 (27) – С. 21-27.

5. Стрельцова, Е. В. Тактико-психологические приемы диагностики лжи в показаниях несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – №3 – С. 121-132.

Атаев С.М.
аспирант
кафедра теории и истории государства и права
юридический факультет
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
e-mail: Ataevselim12@gmail.com

Ataev S.M.
Postgraduate student
Department of Theory and History of State and Law
Faculty of Law
Kuban State University

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты понятия и реализации официального толкования права в Российской Федерации. Автор анализирует различные подходы к определению сущности официального толкования права, его этапов (уяснения и разъяснения) и видов (аутентическое, делегированное, конституционное, нормативное и казуальное толкование). Внимание уделяется вопросам правовой природы актов официального толкования права, признаков нормативности и общеобязательности в актах официального толкования права на примере судебных актов Конституционного Суда и Верховного Суда России. Исследуются проблемы правового регулирования процесса официального толкования права и его роли в механизме правового регулирования. Анализируются современные тенденции, согласно которым акты официального толкования могут создавать новые правовые механизмы и устранять пробелы в праве, фактически предваряя принятие нормативных правовых актов. Рассматриваются дискуссионные вопросы о соотношении официального толкования и правотворчества, а также возможность признания актов официального толкования источниками права. Приведены научные подходы различных авторов относительно признания отдельных актов официального толкования права источниками права. Отмечается сложившаяся тенденция в правоприменительной практике, в соответствии с которой официальное толкование права становится существенной предпосылкой для разработки новых нормативных актов. Подчеркивается необходимость совершенствования законодательного регулирования данного института, в том числе исследуется целесообразность принятия единого нормативного правового акта, включающего положения об официальном толкования права, в целях обеспечения единообразия применения правовых норм и соблюдения принципа правовой определенности.

Ключевые слова: официальное толкование права, акты официального толкования права, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, нормативное толкование, правоприменительная практика.

PROBLEMS OF THE CONCEPT AND REALIZATION OF OFFICIAL INTERPRETATION OF LAW

Abstract. The article considers theoretical and practical aspects of the concept and realization of official interpretation of law in the Russian Federation. The author analyzes various approaches to the definition of the

essence of official interpretation of law, its stages (explanation and clarification) and types (authentic, delegated, constitutional, normative and casual). Attention is paid to the issues of the legal nature of acts of official interpretation of law, signs of normativity and general binding in acts of official interpretation of law on the example of judicial acts of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. The problems of legal regulation of the process of official interpretation of law and its role in the mechanism of legal regulation are studied. The article analyzes modern trends, according to which acts of official interpretation can create new legal mechanisms and eliminate gaps in the law, actually preceding the adoption of normative legal acts. Discussion questions on the correlation between official interpretation and law-making, as well as the possibility of recognizing acts of official interpretation as sources of law are considered. Scientific approaches of various authors regarding the recognition of certain acts of official interpretation of law as sources of law are given. The current trend in law enforcement practice, according to which the official interpretation of law becomes an essential prerequisite for the development of new normative acts, is noted. The need to improve the legislative regulation of this institution is emphasized, including the expediency of adopting a single normative legal act, including provisions on the official interpretation of law, in order to ensure uniformity in the application of legal norms and compliance with the principle of legal certainty.

Keywords: official interpretation of law, acts of official interpretation of law, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, normative interpretation, law enforcement practice.

Процесс толкования сопровождает почти всю человеческую деятельность, поскольку любые осознанные действия человека происходят параллельно его мыслительному процессу, обдумыванию своих и чужих действий, слов. В праве же, как в главной и многомерной сфере человеческой жизнедеятельности, толкование права остается одной из наиболее важнейших, и в то же время дискуссионных тем в юриспруденции. Процесс переосмысления понятия и роли языка в XX веке или, по-другому, лингвистический поворот, как явление в истории и философии, продемонстрировал, что любое действие можно представить как текст, а все социально значимые действия совершаются с помощью произнесения слов – дискурса. И, как пишет Е.Н. Тонков, тем самым обосновывается присутствие толкования права в каждом его акте бытия [Тонков 2024, с. 16]. Действительно, если взять в пример любое правоотношение, будь то одна из стадий правотворческого процесса, либо же заключение между субъектами права какого-либо юридического соглашения, то действия субъектов таких правоотношений обязательно сопровождаются процессом толкования права.

Современные доктринальные позиции относительно понятия толкования права и производных от него понятий, в том числе официального толкования права, актов официального толкования, отличаются во многих аспектах, несмотря на нахождение общих закономерностей в самом процессе толкования. Власенко Н.А. отождествляет понятия «толкование норм права» и «толкование нормативных правовых актов», определяя его как определенный мыслительный процесс, направленный на установление содержания юридических предписаний путем выявления значений и смысла терминов и выражений, необходимый для практической реализации [Власенко 2023, с. 480]. Смоленский М.Б. приравнивает понятия «толкование права» и «толкование норм права» и утверждает, что это сложная познавательная деятельность субъектов, направленная на надлежащее уяснение содержания норм и их разъяснение [Смоленский 2022, с. 272].

Некоторые авторы, например Р.А. Ромашов, приравнивают понятия толкования и интерпретации права, утверждая, что это «сложный волевой процесс, направленный на установление смысла предписаний правовых норм и доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц» [Ромашов 2025, с. 380]. Однако возникает вопрос, является ли в процессе толкования права обязательным

доведение информации до сведения заинтересованных лиц по результатам толкования? Например, Л.П. Рассказов, который также отождествляет толкование норм права с интерпретационной деятельностью, подчеркивает, что это именно интеллектуально-волевая деятельность, направленная на определение точного смысла текста правовой нормы и состоящая из двух этапов: уяснения и затем, при необходимости, разъяснения правовой нормы [Рассказов 2015, с. 420]. Исходя из этого определения следует вывод, что именно разъяснение правовой нормы в процессе толкования права факультативно и не является обязательной стадии данного процесса. Так ли это на самом деле?

В научной доктрине одной из разновидностей толкования права признается официальное толкование права, в котором стадия разъяснения априори является необходимой, потому что результатам такого толкования придается обязательное значение, и тем самым они закрепляются в специальных правовых актах [Мурсалимов, Хабибулин 2025, с. 525]. В доктрине существует мнение о том, что официальное толкование права как наиболее формально выраженный процесс толкования, не содержит в себе стадию уяснения, и такое уяснение было бы неактуально для официального толкования права, поскольку государственному органу или должностному лицу, непосредственно создавшему норму права, изначально понятен смысл толкуемой нормы [Бредихин, Проценко 2021, с. 14]. Как, например, утверждает А.С. Пиголкин, уяснение правовой нормы преследует цель выявить ее смысл в полном объёме, и с помощью уяснения интерпретатор исследует саму норму, ее правовые и внеправовые связи [Пиголкин, Головистикова, Дмитриев 2025, с. 516]. Поэтому нельзя согласиться с мнением об отсутствии этапа уяснения в процессе официального толкования права, поскольку даже несмотря на осведомленность интерпретатора в смысле принятой им нормы, он в любом случае анализирует ее сущность, аспекты практического применения в действующем праве и существующую правоприменительную практику. Более того, исходя из общепринятого понимания этапа толкования-уяснения и тех действий, которые он подразумевает, следует, что данный этап происходит в любом виде толкования права, будь то обыденное, доктринальное или официальное толкование правовых норм. Как утверждает Мурсалимов К.Р., уяснение предваряет, сопутствует и завершает разъяснительные процедуры, ибо, прежде чем разъяснить содержание нормы другим, интерпретатор должен уяснить, понять ее содержание для себя [Мурсалимов, Хабибулин 2025, с. 525].

Таким образом, понятие толкования права содержит в себе более широкий смысл, и может включать в себя этапы уяснения и разъяснения правовой нормы как в отдельности, так и в совокупности. Определяющим обстоятельством в реализации процесса толкования права является то, что этап толкования – уяснения — это обязательная стадия, а этап толкования – разъяснения — это факультативная стадия, осуществляемая при необходимости. Такая необходимость возникает при официальном толковании права, где результатом толкования - разъяснения выступают юридические акты различной формы и содержания, принимаемые государственными органами или должностными лицами.

В науке едина позиция, определяющая официальное толкование права как разновидность толкования, осуществляемого уполномоченными государственными органами, структурными подразделениями органов государственной власти и отдельными должностными лицами. Такие авторы как А.А. Клишас, В.В. Лазарев и С.В. Липень сходятся во мнении, что официальное толкование дается государственными органами или уполномоченными на то государством, которое можно подразделить на аутентическое и делегированное [Лазарев 2013, с. 121]. Аутентичное толкование, по мнению А.А. Клишаса, вытекает из права конкретного государственного органа на издание нормативных правовых актов и не требует специальной фиксации права их толкования, а делегированное толкование заключается в разъяснении положений нормативного акта, изданного другим правотворческим органом [Клишас 2019, с. 363]. Другие авторы, например В.К. Бабаева, выделают конституционное толкование, осуществляемое исключительно Конституционным Судом РФ, как разновидность официального

толкования права [Бабаева 2024, с. 499]. Помимо приведенных видов официального толкования в науке также выделяют нормативное толкование, которое распространяется на широкий неопределенный круг субъектов правоотношений, и казуальное толкование, которое в противовес ему направлено лишь на узкий круг лиц при разрешении конкретного спора или ситуации [Матузов, Малько 2022, с. 476].

Все эти виды официального толкования объединяет то, что субъектами такого толкования выступают государственные органы и должностные лица, однако их правовой статус имеет существенные различия и компетенцию в вопросах толкования правовых норм. Например, Конституционный Суд России обладает исключительным полномочием толкования Конституции России, а результаты его толкования в соответствии со ч. 1 ст. 106 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются официальными и обязательными для всех субъектов правоотношений.

Однако возникает вопрос, можно ли в таком случае считать результаты толкования, принятые в форме решений Конституционного суда России, новыми правовыми нормами, или же принятые им судебные решения являются неким уникальным исключением из правила? Данный вопрос широко обсуждается на протяжении уже многих лет, и позиции многих ученых в сфере права разделились на два полюса, где одни признают их источником российского права, а другие это отрицают. И.С. Бастен утверждает, что такое толкование, осуществляемое Конституционным судом, приобретает новое качество – конституционное законодательствование, и тем самым, при принятии таких судебных решений Конституционным судом, сам текст Конституции без учета таких судебных решений уже не может считаться полным [Бастен 2022, с. 24].

Также следует отметить, что в силу ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию. Эта норма закона лишь подтверждает большую защищенность судебных решений Конституционного суда в сравнении нормами законодательства, поскольку нормативные правовые акты и отдельные статьи законодательства могут быть отменены как Федеральным Собранием, так и Конституционным Судом России, а судебные решения Конституционного суда только им самим. То есть фактически, единственным вариантом изменения позиции Конституционного суда РФ на сегодня является вынесение им нового судебного решения по аналогичному спору, затрагивающему те же нормы и акты законодательства. Судебные акты Конституционного суда имеют уникальную правовую природу в контексте их общеобязательности и значимости в сравнении с нормативными правовыми актами, что подтверждается позицией самого Конституционного суда в постановлении от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и, следовательно, такое же, как соответствующие нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов» [По делу о толковании отдельных положений … 1998].

Исходя из рассмотренных позиций и сложившегося правового регулирования, решения Конституционного суда можно отнести к актам нормативного официального толкования права, которые обладают признаком нормативности и общеобязательности, и в настоящее время не включают в себя какого-либо механизма обжалования.

Иной характеристикой обладают акты толкования, которые принимаются Верховным Судом России. В науке на сегодняшний день поляризировались взгляды относительно правовой природы постановлений Пленума Верховного суда России. Мнения правоведов во многом разделились именно в

отношении признания указанных постановлений источником российского права, до сих пор ведутся дискуссии относительно признаков общеобязательности и нормативности данных постановлений, в следствие чего актуализируется и тема единообразия судебной практики в российском праве. Обобщенная позиция сторонников непризнания постановлений Пленума Верховного суда источниками права заключается в том, что, во-первых, российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, в которой судебный прецедент не признается в качестве источника права, во-вторых, суды не относятся к органам правотворчества, соответственно они не могут создавать новые нормы права, и в этой связи суды могут лишь интерпретировать и разъяснять уже имеющиеся нормы права и спорные вопросы правоприменения для обеспечения единообразия судебной практики.

Между тем, анализируя сложившуюся судебную практику, в особенности судебные акты, принимаемые Конституционным Судом России и Верховным Судом России, нельзя однозначно согласиться с утверждением о том, что сегодня суды с помощью принимаемых ими актов нормативного толкования не создают новых норм права. Как отмечается некоторыми авторами, одним из примеров создания Судом новой нормы права является содержание пункта 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в соответствии с которым в дополнение статьи 12 Гражданского Кодекса РФ судами был установлен такой способ защиты нарушенного права, как признание права отсутствующим, и примечателен тот факт, что ранее законодательство не устанавливало подобного способа защиты права [Акаёмова, Чейшвили 2017, с. 221].

Если обратиться к Федеральному конституционному закону России «О Верховном Суде Российской Федерации», то содержащийся в нем пункт 1 статьи 2 указывает, что Верховный Суд «в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения», а пунктом 1 статьи 3 Закона указывается, что его Пленум «рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации». Учитывая данные правовые положения, разъяснения, которые дает Верховный Суд России по различным вопросам судебной практики в виде постановлений и обзоров судебной практики, являются актами официального толкования права. Примечательно также то, что в сравнении с Федеральным конституционным законом «О конституционном суде Российской Федерации» Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» не содержит в себе отдельных положений, указывающих на обязательность всех судебных актов Верховного суда России, и таким образом нельзя однозначно утверждать, что постановления и обзоры судебной практики Пленума Верховного суда России обладают признаками общеобязательности и нормативности, как например ими обладают решения Конституционного суда России. Однако, несмотря на это, разъяснения, которые содержатся в актах толкования права Верховного суда, широко применяются и учитываются сегодня различными правоприменителями, в том числе и нижестоящими судебными инстанциями.

Установление нового способа защиты нарушенного права в виде признания права отсутствующим является одним из тех примеров в судебной практике, которые демонстрируют, что Верховным Судом РФ может быть не только разъяснен, истолкован смысл и правовое регулирование спорного правоотношения, но и может быть создан новый правовой механизм, устраняющий пробел в праве. Нижестоящие суды сегодня активно применяют положения из рассматриваемого постановления Пленума Верховного суда и Пленума Высшего Арбитражного суда России, мотивируя выносимые ими судебные

акты и руководствуясь правовыми позициями, обозначенными Пленумами [О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права … 2010].

Более того, нововведения, которые содержал в себе вступивший в силу Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", затронули положения Арбитражного процессуального кодекса и Кодекса административного судопроизводства России и добавили возможность для судов ссылаться на такие акты толкования как обзоры судебной практики Верховного Суда, утвержденные Президиумом Верховного Суда России, помимо уже ранее существовавшей нормы о возможности ссылки на постановления Пленума Верховного Суда и решения Конституционного суда России.

Рассмотренные обстоятельства свидетельствуют о том, что результаты такого судебного толкования как акты официального толкования права в сегодняшних правовых реалиях имеют признаки источников права. В то же время такие акты официального толкования не обладают автономией в сравнении с нормативными правовыми актами, потому что они приобретают форму и содержание лишь как результаты толкования уже существующих правовых норм. Как указывает С.А. Жинкин, такие акты толкования зависят от толкуемых нормативных актов и полностью разделяют их судьбу, и если для отмены нормативного акта требуется специальное решение правотворческого органа, то акт толкования теряет силу автоматически вместе с отменой толкуемого акта [Жинкин 2022, с. 314]. В случае же отмены или изменения отдельных правовых норм, например статей из Федерального закона, акты официального толкования, которые включают в себя разъяснения в том числе и отмененных статей, могут и не утрачивать свою силу. Примером может послужить постановление Пленума Высшего Арбитражного суда России от 14.03.2014 № 16 "О свободе договора и ее пределах", которое на сегодняшний день сохраняет свою юридическую силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда России, даже несмотря на то, что многие толкуемые в данном постановлении статьи Гражданского Кодекса России подвергались изменениям либо утрачивали свою силу.

Более того, в науке на сегодняшний день отмечается формирование парадоксальной тенденции, согласно которой официальное толкование права не просто следует после принятия нормативных актов, а оно, наоборот, является существенной предпосылкой для разработки и дальнейшего принятия новых нормативных актов. Как отмечается некоторыми авторами, одним из примеров действия такого парадокса в российском праве является вынесение Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении», содержащее в себе разъяснения относительно погашения требований по потребительским кредитным обязательствам, которые затем послужили основой для разработки положений Федерального закона «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»» [Терехов 2024, с. 68]. Этот пример говорит о том, что устоявшиеся механизмы правового регулирования в российском праве претерпевают изменение причинно-следственных связей, и традиционная модель функционирования права, при которой акты официального толкования воспринимались лишь как дополнение к существующим правовым актам, уже теряет свою актуальность. В связи с этим актуализируется проблема как самого понятия официального толкования права, так и понятия актов официального толкования как его непосредственных результатов.

Сложившаяся проблематика в исследовании понятия официального толкования права и связанных с ним элементов также дополняется тем, что на сегодняшний день отложен вопрос относительно принятия единого нормативного правового акта, который бы устанавливал всеобъемлющие и наиболее полные правила официального толкования права, закрепления всех особенностей данного процесса и формирования его результатов. До 2004 года на рассмотрении в Государственной Думе России находился законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который содержал отдельные

главы и правовые нормы, посвященные официальному толкованию права, кругу субъектов толкования, а также устанавливал исчерпывающие цели официального толкования - уяснение и уточнение содержания правовых норм, совершенствование правоприменительной практики. В законопроекте также оговаривалось, что толкование нормативного правового акта не может изменять смысл правовых норм. Однако в итоге проект данного закона был отклонен, и одними из основных причин его отклонения согласно фрагменту стенограммы заседания в Государственной Думе послужили нецелесообразность продолжения работы над данным законом ввиду его сильного различия с первоначальным вариантом проекта и значительным изменением самого законодательства России с течением времени, а также дублированием в проекте закона многих уже действующих в законодательстве правовых норм [О нормативных правовых актах Российской Федерации]. Таким образом, на сегодняшний день в законодательстве на федеральном уровне не закреплено понятие актов официального толкования права. Однако, несмотря на отсутствие такого правового регулирования, в некоторых субъектах России на региональном уровне приняты и действуют законы о нормативных правовых актах, которые включают в себя основополагающие положения об официальном толковании нормативных правовых актов. В качестве примера можно привести Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края», который включает в себя главу о толковании нормативных правовых актов Краснодарского края, устанавливающую понятие, цели и пределы действия официального толкования нормативных правовых актов Краснодарского края. Законом устанавливается, что толкование нормативных правовых актов Краснодарского края — это деятельность по установлению содержания нормативного правового акта Краснодарского края для его практической реализации [О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края 1995]. Данное определение толкования по своему содержанию перекликается с мнением С.С. Алексеева, который утверждал, что толкование норм и принципов преследует также цель их правильной реализации на практике [Алексеев 2009, с. 502].

Создание правотворческими органами субъектов России подобных законов, содержащих положения об официальном толковании, сфере его действия и результатах такого толкования – это очевидная попытка устранить правовую неопределенность, сложившуюся ввиду отсутствия должного правового регулирования, в том числе единого нормативного правового акта, устанавливающего правовые нормы об официальном толковании права.

Тем не менее, в научной доктрине активно ведутся дискуссии и вырабатываются различные позиции относительно понятия толкования права, официального толкования права как его разновидности, а также исследуется сущность и цели актов официального толкования как результатов такой интерпретационной деятельности. Например, Матузов Н.И. утверждает, что акты толкования – это один из видов правовых актов, которые самостоятельного значения не имеют и применяются только вместе с толкуемыми актами. Вместе с тем, автор указывает, что ближе к истине та точка зрения, согласно которой в отдельных случаях акты толкования содержат в себе признаки нормативности [Матузов, Малько 2022, с. 640]. В этой связи примечательна также точка зрения Смоленского М.Б., который утверждает, что интерпретационные акты не устанавливают новых норм права, не отменяют и не изменяют действующие правовые нормы. Однако вместе с этим, автор выделяет такой подвид интерпретационных актов как акты нормативного толкования, которые носят общеобязательный характер, поскольку распространяют свое действие на неопределенный круг субъектов и рассчитаны на неоднократное применение [Смоленский 2022, с. 272]. В связи с этим может возникнуть вопрос: каким образом такие интерпретационные акты могут одновременно носить общеобязательный характер, но при этом не создавать новых норм права? Вопрос носит дискуссионный характер, в доктрине права мнения относительно нормативности, как признака актов официального толкования права, разделились. Однако

рассмотренные ранее примеры судебных актов, принимаемых Конституционным Судом и Верховным Судом России, демонстрируют возможность данных судов не просто производить нормативное и казуальное толкование правовых норм, но и устранять пробелы в существующем праве путем создания конкретизирующих общеобязательных правовых позиций. В дополнение к существующей неопределенности в вопросе признания нормативности некоторых актов официального толкования можно привести пример в виде пункта 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 "Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность", которым Верховный Суд установил понятие выгодоприобретателя в сделке и исчерпывающим образом разъяснил его признаки [Об оспаривании крупных сделок … 2018]. Можно утверждать, что Верховным Судом дано расширительное толкование понятия «выгодоприобретателя», которое употребляется в некоторых Федеральных законах, однако в них это понятие не раскрывалось ранее, и не подразумевало использование таких разграничительных критериев понятия выгодоприобретателя. Таким образом, анализируя признаки актов официального толкования права, которые выделяются в доктрине права, стоит признать, что некоторые акты официального толкования наделены свойством нормативности наравне с общеобязательностью их соблюдения. К интерпретационным актам, обладающим такими свойствами, можно отнести решения Конституционного суда России, а также постановления Пленума Верховного суда России и обзоры судебной практики Президиума Верховного суда России.

Иные интерпретационные акты, например такие акты официального толкования, которые даются Федеральной налоговой службой, Министерством финансов, Федеральной антимонопольной службой и другими федеральными органами исполнительной власти РФ, нельзя включить в данный перечень, поскольку разъяснения, рекомендации или так называемые «нормативные» письма, издаваемые данными государственными органами не могут содержать в себе нормативные предписания общеобязательного характера наравне с нормативными правовыми актами. Продолжавшиеся на протяжении длительного периода времени злоупотребления некоторых должностных лиц своими полномочиями по изданию таких интерпретационных актов, содержащих одновременно и нормативные, и индивидуальные предписания, а также отсутствие механизма обжалования таких актов привели к тому, что в 2016 году были проведены масштабные законодательные реформы, вводившие порядок рассмотрения дел, в которых оспариваются акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами [Иванов 2016].

Таким образом, проанализировав сложившиеся подходы в доктрине права, а также актуальные проблемы правоприменения, следует отметить, что под официальным толкованием права в настоящее время понимается деятельность по уяснению и разъяснению правовых норм в целях выявления их смысла и содержания, осуществляемая органами государственной власти, в том числе должностными лицами в установленном законом порядке. Акты официального толкования права или по-иному интерпретационные акты, представляют собой правовые документы различной формы, содержащие разъяснения правовых норм и направленные на устранение неопределенности в их понимании. В настоящее время в научной доктрине не сложилось единого подхода в определении существенных признаков официального толкования права, в частности в науке расходятся мнения относительно признания нормативных свойств в отдельных актах официального толкования права, также авторами выражаются различные подходы в отнесении актов официального толкования к источникам права. Расхождение в научных подходах также обуславливается отсутствием законодательного регулирования процесса официального толкования права. Тем не менее, несмотря на существующее различие в научных подходах, в правоприменительной практике отмечается закономерность в действующем праве, согласно которой создание актов официального толкования права предшествует разработке и принятию нормативных правовых актов. Данное обстоятельство лишь усиливает актуальность существующей

проблематики в реализации официального толкования права, что тем самым является предпосылкой для дальнейшего совершенствования механизма правового регулирования официального толкования для обеспечения единообразия применения правовых норм и соблюдения принципа правовой определенности.

Литература:

1. Акаёмова Н.В., Чейшвили М.З. Место судебных разъяснений высших судов в источниках права, как способа обеспечения единообразия толкования и применения норм права // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №2. с. 221. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sudebnyh-razyasneniy-vysshih-sudov-v-istochnikah-prava-kak-sposoba-obespecheniya-edinoobraziya-tolkovaniya-i-primeneniya-norm (дата обращения: 09.04.2025).

2. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2009. 502 с.

3. Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. —499 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16788-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/535520/p.499 (дата обращения: 09.04.2025).

4. Бастен И.С. Решения Конституционного суда Российской Федерации как источник права // Вестник ЧелГУ. 2002. №1. 24 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resheniya-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-kak-istochnik-prava (дата обращения: 09.04.2025).

5. Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. Официальное толкование права в Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2021. №5. с. 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnoe-tolkovanie-prava-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 11.04.2025).

6. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата / Н.А. Власенко. — 3-е изд., доп. и испр. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 480 с. - ISBN 978-5-91768-869-5. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1932283 (дата обращения: 10.04.2025).

7. Жинкин С.А. Теория государства и права: курс лекций / С.А. Жинкин. – Ростов н/Д: Феникс, 2022. 314 с.

8. Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» / Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – URL: https://docs.cntd.ru/document/461607123 (дата обращения: 09.04.2025).

9. Законопроект № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» / Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2 (дата обращения: 12.04.2025)

10. Иванов Р. Л. «Нормативные» письма как форма официального толкования норм права // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. №3 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnye-pisma-kak-forma-ofitsialnogo-tolkovaniya-norm-prava (дата обращения: 13.04.2025).

11. Клишас А.А. Теория государства и права: учебник. М., 2019. 363 с.

12. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 121 с.

13. Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 476 с. - ISBN 978-5-91768-271-6. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1817818 (дата обращения: 09.04.2025).

14. Мурсалимов К.Р. Теория государства и права: учебник / Мурсалимов К.Р., Хабибулин А.Г. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: ИНФРА-М, 2025. — 525 с. — (Высшее образование). — DOI 10.12737/1844531. - ISBN 978-5-16-017342-9. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1844531 (дата обращения: 11.04.2025).

15. Пиголкин А.С. Теория государства и права: учебник для вузов / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 516 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-01323-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. 412-413 с. — URL: https://urait.ru/bcode/559574/p.419 (дата обращения: 09.04.2025).

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (дата обращения: 11.04.2025).

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения: 10.04.2025).

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 "Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность" / СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301033/ (дата обращения: 10.04.2025).

19. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М., 2015. 420 с.

20. Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / Ромашов Р.А. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. 380 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16922-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 386 — URL: https://urait.ru/bcode/564528/p.386 (дата обращения: 08.04.2025).

21. Смоленский, М.Б. Теория государства и права: учебник / М.Б. Смоленский. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 272 с. — (Высшее образование: Бакалавриат). - ISBN 978-5-16-006508-3. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1844273 (дата обращения: 10.04.2025).

22. Терехов Е.М. Официальное толкование права в контексте парадокса // Legal Concept. 2024. №1. 68 с. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ofitsialnoe-tolkovanie-prava-v-kontekste-paradoksa (дата обращения: 11.04.2025).

23. Тонков Е.Н. Толкование права: классика и постклассика: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб., Алетейя, 2024. 16 с.

Шайкина П.С.
студент
экономический факультет
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»
e-mail: polinasha2005@gmail.com
Панин С.И.
старший преподаватель
кафедра экономического анализа, статистики и прикладной математики
экономический факультет
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»
e-mail: Psi1988@yandex.ru

Shaikina P.S.
Student
Faculty of Economics
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great
Panin S.I.
Senior Lecturer
Department of Economic Analysis, Statistics, and Applied Mathematics
Faculty of Economics
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ООО «АГРОЕДИНСТВО» БУТУРЛИНОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Статья содержит результаты комплексной оценки финансового состояния ООО «Агроединство» за 2021-2022 годы. Были проанализированы структура баланса, ликвидность, финансовая устойчивость, оборачиваемость и деловая активности. Отмечены позитивные тенденции: рост собственного капитала, ускорение оборачиваемости активов и высокая платежеспособность. Предложены меры по повышению финансовой устойчивости с учетом отраслевых особенностей.

Ключевые слова: финансовое состояние, ликвидность, финансовая устойчивость, оборачиваемость, деловая активность.

ASSESSING THE FINANCIAL POSITION OF AN AGRICULTURAL ENTERPRISE (BASED ON THE CASE OF AGROEDINSTVO LLC, BUTURLINOVSKY DISTRICT, VORONEZH REGION)

Abstract. This article contains the results of a comprehensive assessment of the financial position of Agroedinstvo LLC for 2021-2022. The balance sheet structure, liquidity, financial stability, turnover, and business activity were analyzed. Positive trends were noted: growth in equity, accelerated asset turnover, and high solvency. Measures to improve financial stability, taking into account industry specifics, are proposed.

Keywords: financial position, liquidity, financial stability, turnover, business activity.

Финансовое положение компании отражает, насколько успешно она может обеспечивать свою работу, вовремя рассчитываться с партнерами и рационально использовать свои активы. Для аграрного

бизнеса поддержание стабильного финансового состояния особенно важно из-за специфики отрасли: цикличности производства, длительных сроков созревания урожая, зависимости от погоды и государственного влияния на цены.

Поэтому постоянный анализ финансов - это не просто контроль, а жизненно важный инструмент для раннего обнаружения проблем и предотвращения кризисов. ООО «Агроединство», расположенное в Бутурлиновском районе Воронежской области, имеет благоприятные условия для растениеводства (зерновые и подсолнечник), которое составляет 97,6% его выручки за последние три года. В 2022 году выручка компании выросла на 20,7% по сравнению с 2021 годом, достигнув 231 101 тыс. руб.

Цель данной статьи - провести анализ финансового состояния ООО «Агроединство» по данным бухгалтерской отчетности, определить основные тенденции и предложить пути укрепления его финансовой стабильности.

Оценка финансового положения компании обычно начинается с анализа изменений в активах и пассивах. За период с 2021 по 2022 год общая стоимость активов ООО «Агроединство» (таблица 1) выросла на 24 078 тыс. руб. (6,3%). Это увеличение в основном обусловлено ростом внеоборотных активов на 20 551 тыс. руб., в частности, основных средств на 20 537 тыс. руб., что указывает на укрепление производственной базы. Доля внеоборотных активов в общей структуре активов увеличилась с 52,9% до 54,8%. Оборотные активы показали скромный рост на 3 527 тыс. руб., при этом их доля в общей структуре снизилась на 1,9 процентного пункта. На конец 2022 года запасы составляли основную часть оборотных активов (61,5%). Важным позитивным изменением стало существенное сокращение дебиторской задолженности на 29 095 тыс. руб. (55,9%), что свидетельствует о повышении эффективности управления расчетами с контрагентами. Напротив, краткосрочные финансовые вложения значительно увеличились на 29 448 тыс. руб., заняв 22,7% активов (рост на 16,0 п.п.). Денежные средства сократились на 7 718 тыс. руб., их доля снизилась до 3,2%. В целом, структура активов ООО «Агроединство» демонстрирует стабильность.

Таблица 1. Структура активов ООО "Агроединство", тыс. руб.

Показатели	На начало 2021 года	На конец 2022 года	Отклонение
Внеоборотные активы	201379	221930	+20551
Оборотные активы	179353	182880	+3527
Итого активов	380732	404810	+24078

Анализ пассивной части баланса выявил позитивные тенденции:

Собственный капитал и резервы продемонстрировали рост на 35 629 тысяч рублей, что составило 14,1%. Их доля в общей структуре пассивов увеличилась на 4,9 процентных пункта, достигнув 71,2% к концу 2022 года.

Долгосрочные обязательства были сокращены на 22 351 тысячу рублей, и их удельный вес снизился на 6,8 процентных пункта. Краткосрочные обязательства возросли на 10 800 тысяч рублей, в основном из-за увеличения заемных средств. Кредиторская задолженность значительно уменьшилась – на 84,8% (с 2 657 тысяч рублей до 403 тысяч рублей). Это указывает на то, что компания своевременно рассчитывается со своими поставщиками и подрядчиками.

В целом, эти изменения свидетельствуют об укреплении финансовой самостоятельности компании и снижении ее зависимости от внешних заимствований.

Оценка ликвидности баланса:

Ликвидность баланса характеризует способность предприятия погашать свои обязательства за счет активов, которые могут быть быстро конвертированы в деньги. Сравнение активов по их способности превращаться в наличные и пассивов по срокам погашения показало, что не все условия

полной ликвидности соблюдены. В частности, среднеликвидные активы (22 977 тыс. руб.) оказались меньше краткосрочных пассивов (57 900 тыс. руб.), что нарушает условие А2 ≥ П2.

Тем не менее, баланс предприятия нельзя назвать неликвидным, поскольку общая структура активов и пассивов оценивается как удовлетворительная.

Ключевые показатели ликвидности и платежеспособности (согласно таблице 2):

Коэффициент абсолютной ликвидности в 2022 году составил 0,813, что значительно превышает нормативное значение (0,20–0,25). Это означает, что компания может покрыть более 80% своих краткосрочных обязательств, используя только самые ликвидные активы (денежные средства и краткосрочные финансовые вложения). Коэффициент срочной ликвидности (1,207) находится в пределах нормы. Это говорит о том, что предприятие способно погасить текущие обязательства при условии своевременного поступления средств от дебиторов. Коэффициент текущей ликвидности (3,137) значительно превышает рекомендуемое значение 2,0, что указывает на достаточный объем оборотных средств для покрытия краткосрочных обязательств. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (0,68) существенно выше нормативного показателя (0,1). Коэффициент утраты платежеспособности равен 1,490 (больше 1,0), что свидетельствует об отсутствии риска потери платежеспособности компанией в ближайшие три месяца [1].

Таблица 2. Показатели платежеспособности ООО "Агроединство"

Показатели	2021 г.	2022 г.	Норматив
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,540	0,813	0,20-0,25
Коэффициент срочной ликвидности	1,646	1,207	0,7-1,0
Коэффициент текущей ликвидности	3,776	3,137	2
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,735	0,681	0,1
Коэффициент утраты платежеспособности	X	1,490	1,0 и более

Финансовая устойчивость ООО «Агроединство» (таблица 3) оценивается как высокая. В 2022 году коэффициент автономии составил 0,712 а соотношение заёмных и собственных средств - 0,41. Коэффициент финансового риска снизился до 0,203 с прежних 0,320. По классификации типов финансовой устойчивости, предприятие относится к категории нормальной устойчивости, близкой к абсолютной [2].

Таблица 3. Коэффициенты финансовой устойчивости ООО "Агроединство"

Показатели	2021 г.	2022 г.	Отклонение	Норматив
Коэффициент автономии	0,663	0,712	+0,049	>= 0,5
Коэффициент финансовой зависимости	1,508	1,405	-0,103	<=2
Коэффициент маневренности собственного капитала	0,522	0,433	-0,090	0,4-0,5
Коэффициент финансового риска	0,320	0,203	-0,117	<=0,7

Деловая активность предприятия в 2022 году повысилась (таблица 4). Оборачиваемость оборотных активов ускорилась на 52 дня, что позволило высвободить из оборота 33 474 тыс. руб. Производительность труда выросла на 26,7%, фондоотдача - на 14,7%. Продолжительность операционного цикла сократилась с 287 до 211 дней, финансового цикла — с 282 до 205 дней [4].

Таблица 4. Показатели деловой активности ООО "Агроединство"

Показатели	2021 г.	2022 г.
Оборачиваемость дебиторской задолженности, дни	32	20
Оборачиваемость запасов, дни	255	192
Продолжительность операционного цикла, дни	287	211
Продолжительность финансового цикла, дни	282	205

Для повышения финансовой стабильности ООО «Агроединство» целесообразно привлекать долгосрочные льготные кредиты и использовать лизинговое финансирование; внедрить систему кредитного анализа контрагентов и предоставления скидок за предоплату; оптимизировать запасы и реализовывать неликвидные товары; расширять географию рынков сбыта и внедрять технологии, снижающие потребление ресурсов; осуществлять страхование посевов с государственной поддержкой и создавать резервные фонды [3].

Анализ финансового состояния ООО «Агроединство» за 2021-2022 годы выявил его прочное финансовое положение. Предприятие демонстрирует высокую платежеспособность и минимальную зависимость от заемных средств. Рост балансовой стоимости активов указывает на расширение операционной деятельности. Особо отмечается увеличение внеоборотных активов, связанное с модернизацией, и существенное снижение как дебиторской, так и кредиторской задолженности. Это свидетельствует о повышении платежной дисциплины и эффективном управлении расчетами, что минимизирует кассовые риски и укрепляет репутацию компании.

Показатели ликвидности и платежеспособности подтверждают финансовую стабильность. Высокий коэффициент абсолютной ликвидности позволяет покрыть значительную часть краткосрочных обязательств за счет наиболее ликвидных активов. Превышение нормативного значения коэффициента текущей ликвидности гарантирует отсутствие рисков для кредиторов и обеспечивает уверенность компании даже при временных задержках поступлений. Отсутствие угрозы банкротства в ближайшей перспективе подтверждается коэффициентом утраты платежеспособности. Финансовая устойчивость ООО «Агроединство» также высока: коэффициент автономии превышает норму, а доля заемных средств значительно ниже допустимого уровня. Снижение коэффициента финансового риска указывает на рост независимости от внешних кредиторов. По классификации, предприятие обладает нормальной, близкой к абсолютной, финансовой устойчивостью.

Деловая активность в отчетном периоде также улучшилась. Ускорение оборачиваемости оборотных активов высвободило дополнительные средства для текущей деятельности без привлечения кредитов. Рост производительности труда и фондоотдачи, а также сокращение операционного и финансового циклов свидетельствуют о более эффективном использовании ресурсов и повышении общей деловой активности, что особенно ценно для сезонного сельскохозяйственного бизнеса.

Реализация предложенных мероприятий позволит предприятию не только сохранить текущую финансовую устойчивость, но и повысить рентабельность собственного капитала, укрепить конкурентные позиции на рынке сельскохозяйственной продукции и обеспечить стабильное развитие в долгосрочной перспективе. Таким образом, финансовое состояние ООО «Агроединство» можно

охарактеризовать как устойчивое и перспективное, а предложенные меры способны вывести предприятие на качественно новый уровень финансово-экономической безопасности.

Литература:

1. Губина О. В., Губин В. Е. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник. - 2-е изд. - М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. - 335 с.

2. Илышева Н. Н., Крылов С. И. Анализ в управлении финансовым состоянием коммерческой организации: монография. - 2-е изд. - М.: Финансы и Статистика, 2021. - 244 с.

3. Рознина Н. В., Карпова М. В., Дуничева С. Г. Анализ устойчивости финансового состояния организации // Актуальные вопросы современной экономики. - 2021. - № 3. - С. 226–235.

4. Чаленко М. С., Хаустова Г. И. Анализ финансового состояния организации и оценка вероятности его банкротства // Молодежный вектор развития аграрной науки. - Воронеж: Воронежский ГАУ, 2020. - С. 312–318.

Киселева И.В.
студент
юридический факультет
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: irakiseleva270@gmail.com
Винниченко А.С.
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления – филиал «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: vinnichenko.sashuta@mail.ru

Kiseleva I.V.
Student
Faculty of Law
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vinnichenko A.S.
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Science
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПОКАЗАНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения очной ставки как одного из следственных действий в уголовном процессе. Анализируются основания её проведения, в частности наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, а также проблемы отсутствия законодательного определения данного понятия.

Ключевые слова: очная ставка, уголовный процесс, следственные действия, существенные противоречия, доказательства.

TACTICAL METHODS OF CONDUCTING A CONFRONTATION: OVERCOMING CONTRADICTIONS IN TESTIMONIES

Abstract. The article discusses the features of a confrontation as one of the investigative actions in the criminal process. It analyzes the grounds for conducting a confrontation, including the presence of significant contradictions in the testimonies of previously interrogated persons, as well as the problems associated with the lack of a legislative definition of this concept.

Keywords: confrontation, criminal proceedings, investigative actions, significant contradictions, evidence.

Один из способов узнать правду по уголовному делу — это проводить специальные действия, которые прописаны в законе. Если использовать их правильно и вместе, расследование будет полным, объективным и всесторонним.

Одно из таких действий — очная ставка. Очная ставка- это когда следователь сводит вместе двух людей, которых уже раньше допрашивали, чтобы они прямо друг при друге ответили на вопросы. Делается это тогда, когда их показания противоречат друг другу, и нужно понять, кто говорит правду.

Что такое «очная ставка», до сих пор вызывает много споров. Например, по мнению Г.М. Гуры, это такой способ следствия, который помогает собрать доказательства по делу [1]. Суть очной ставки в том, что следователь одновременно допрашивает двух людей (например, двух свидетелей, двух обвиняемых или свидетеля и обвиняемого). Делается это для того, чтобы разобраться в противоречиях между их показаниями и выяснить правду.

По мнению А.Б. Соловьева, очной ставкой следует считать: «допрос в присутствии друг друга ранее допрошенных лиц об обстоятельствах, по которым в показаниях этих лиц имеются существенные противоречия, с целью установления истины по спорным обстоятельствам» [2]. В данном определении присутствует цель, с которой проводится очная ставка, но при этом не конкретизирует лица, которые могут быть ее участниками.

По мнению Р.С. Белкина, под очной ставкой подразумевается следственное действие, в ходе которого одновременно допрашиваются лица, которые ранее были допрошены по одному и их показания содержат существенные противоречия [3].

На первый взгляд это простая процедура, но на практике и среди ученых возникает много споров о том, как именно её правильно проводить. В законе подробно описано, как проводить очную ставку, но всё равно есть моменты, которые вызывают разногласия и обсуждения.

Согласно статье 192 УПК РФ: «Если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку. Очная ставка проводится в соответствии со статьей 164 настоящего Кодекса.

2. Следователь выясняет у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой. Допрашиваемым лицам поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. После дачи показаний следователь может задавать вопросы каждому из допрашиваемых лиц. Лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу.

3. В ходе очной ставки следователь вправе предъявить вещественные доказательства и документы.» [4]

Очная ставка, являющаяся следственным действием, проводится на этапе предварительного расследования с целью разрешения значительных расхождений в показаниях лиц, ранее допрошенных. Ее проведение регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса, в частности, статьями 164 и 192.

Итак, в соответствие с п. 1 ст. 192 следователь может провести очную ставку если в показаниях раннее допрошенных лиц возникнут существенные противоречия. Следует отметить, что понятие «существенное противоречие» является спорным вопросом у ученых и по сей день.

Следователь или дознаватель могут проводить очные ставки не тогда, когда захотят, а только в конкретном случае - если есть серьезные противоречия в показаниях двух людей, которые уже были опрошены.

То есть вы не можете просто взять двух участников дела и «поставить их лицом к лицу» - В его словах должно быть какое-то расхождение, и не просто какое-то, а существенное.

И здесь возникает проблема: закон точно не объясняет, что считается «существенным противоречием». По этой причине на практике сам следователь зависит от него - от того, как он это воспринимает. Получается, что в этом есть элемент субъективности: один сочтет противоречие важным, другой - нет.

Можно с уверенностью сказать, что существенными являются те несоответствия, которые напрямую связаны с центральными вопросами расследуемого дела. К таким вопросам относятся, например, установление виновного лица, описание произошедшего, а также время, место и условия совершения преступления. Все это составляет так называемый предмет доказывания. Если же выявленные расхождения не затрагивают эти основополагающие моменты, то нет оснований для их противопоставления. Законодатель в действующем уголовно-процессуальном законе не детализирует понятие «существенных противоречий», что на практике порождает субъективный подход должностных лиц, ведущих расследование.

По нашему мнению, под «существенными противоречиями» следует понимать именно те расхождения, которые непосредственно относятся к предмету доказывания, то есть к обстоятельствам, подлежащим доказыванию согласно статье 73 УПК РФ. При отсутствии таких противоречий в показаниях участников относительно предмета доказывания, проведение очной ставки нецелесообразно.

Более того, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» будет считаться серьезной процессуальной ошибкой проведение очной ставки по расследуемому уголовному делу в случае отсутствия существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных участников, так как, по сути, отсутствуют основания для ее производства. [5]

Но здесь есть большой риск. Если очная ставка была проведена незаконно (то есть без необходимых оснований), все доказательства, полученные таким образом, могут быть признаны недействительными и это серьезная проблема.

Кроме того, в уголовном судопроизводстве существует своего рода «эффект домино»: если одно доказательство является недействительным, другие доказательства, связанные с ним, могут «рухнуть». В результате это может значительно ослабить дело в целом.

Бывают ситуации, когда противоречия в показаниях действительно есть, но проводить очную ставку всё равно не стоит.

Например, представить если: есть несовершеннолетний (ребёнок или подросток) и взрослый человек. Если их свести на очной ставке, взрослый может на него надавить — даже не обязательно прямо угрожать, иногда достаточно авторитета, страха или психологического давления. В итоге ребёнок может испугаться и изменить свои показания, даже если изначально говорил правду.

В такой ситуации очная ставка может не помочь, а наоборот — только навредить, поэтому следователь имеет полное право отказаться от её проведения, даже если противоречия есть и это считается правильным подходом.

Вообще, идея такая: очная ставка нужна для поиска истины, а не для того, чтобы сломать человека или запутать его ещё больше. Есть мнение (например, у юриста В. Ю. Стельмаха), что очную ставку обычно нужно проводить всегда, если есть противоречия. Но он тоже делает важные исключения — когда это может навредить. [6]

К таким исключениям относятся:

- если есть риск психологического давления на одного из участников (и из-за этого он может начать говорить неправду);
- если у человека проблемы со здоровьем — физическим или психическим — и он просто не может нормально участвовать в такой процедуре;

- если человек находится под государственной защитой (например, ему угрожает опасность), и лишний контакт с другими участниками может быть для него рискованным.

То есть в итоге всё сводится к балансу: с одной стороны, нужно разобраться в противоречиях, а с другой — не допустить вреда людям и искажения правды.

Таким образом, на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства недопустимо рассматривать очную ставку только лишь как средство устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Целью ее проведения является среди прочего получение информации о новых, ранее неизвестных органам расследования обстоятельствах, а также обеспечение стороне защиты права на справедливое судебное разбирательство. Каждый следователь и дознаватель должны знать об этом, а потому необходимо сделать прямое соответствующее указание в законе. В частности, нормы о проведении очной ставки и возможности огласить показания ранее допрошенных в ходе расследования лиц должны удовлетворять признаку комплементарности - соответствовать друг другу в части соблюдения интересов стороны обвинения и защиты по проверке доказательств. Поскольку судебная система с ее возможностями пересмотра как вступивших, так и не вступивших в законную силу судебных решений стремится обеспечить законность и обоснованность принимаемых судебных актов, нормы, регламентирующие производство предварительного расследования, должны быть созвучны требованиям уголовно-процессуального законодательства, применяемого на судебных стадиях.

Лиетратура:

1. Гура Г.М. Понятие и значение очной ставки в системе следственных действий// Территория науки. 2013. №2. С. 254-259

2. Соловьев А.Б. Об эффективности норм УПК РФ, регламентирующих деятельность уголовного судопроизводства в досудебных стадиях // Библиотека криминалиста. 2016. № 4. С. 365-379

3. Белкин Р.С. Криминалистика/ Р.С.Белкин. - М.: Норма, 2012 -990с

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174- ФЗ (ред. от 08.03.2026) // «Парламентская газета» от 22 декабря 2001 г. № 241-242, от 25 декабря 2001 г. N 243-244, от 26 декабря 2001 г. № 245

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».

6. Стельмах В. Ю. Процессуальные, тактические и психологические аспекты производства очной ставки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2

Хавжокова З.Б.
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
Текужев А.А.
магистрант
кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Khavzhokova Z.B.
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
Tekyzhev A.A
Master's student
Department of Civil Law and Procedure
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль прокурора в гражданском процессе, направленная на защиту публичных интересов. Исследуются теоретические основы и практические аспекты участия прокурора в делах, затрагивающих интересы общества, государства или неопределенного круга лиц. Особое внимание уделяется механизмам и способам, которыми прокурор осуществляет эту функцию, а также правовым последствиям его участия. Анализируются существующие проблемы и предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. Статья призвана способствовать более глубокому пониманию значения прокурорского надзора для обеспечения законности и справедливости в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; прокурор; публичный интерес; иск прокуратуры; заключение по делу; процессуальные полномочия.

PROTECTION OF PUBLIC INTEREST BY THE PROSECUTOR IN A CIVIL PROCEEDING

Abstract. This article examines the role of the prosecutor in civil proceedings aimed at protecting public interests. It explores the theoretical foundations and practical aspects of the prosecutor's involvement in cases that affect the interests of society, the state, or an indefinite group of individuals. Special attention is given to the mechanisms and methods by which the prosecutor performs this function, as well as the legal consequences of their involvement. The article analyzes existing issues and suggests ways to improve legislation and law enforcement practices in this area. The article aims to contribute to a deeper understanding of the significance of prosecutorial supervision in ensuring the rule of law and justice in civil proceedings.

Keywords: civil proceedings; prosecutor; public interest; prosecutor's lawsuit; conclusion of the case; procedural powers.

Прокуратура во все периоды своего существования занимала особую позицию в правозащитной сфере в системе государственных органов. В силу стоящих перед ней задач прокуратура в

организационном и функциональном отношении выведена за рамки законодательной, исполнительной и судебной властей. [1] Правовой статус прокурора в рамках гражданского судопроизводства включает в себя комплекс прав, обязанностей и возможностей, которые он использует для защиты общественных интересов. Понимание этого положения критически важно для осмысления роли прокурора в судебном процессе, его взаимодействия с другими участниками дела и масштаба предоставленных ему полномочий. Спорность вопроса о процессуальном статусе прокурора объясняется двойственностью его положения: с одной стороны, прокурор не является стороной спора и не имеет материальной заинтересованности в исходе дела, а с другой — он активно участвует в процессе, реализуя полномочия, во многом схожие с правами сторон.

Принимая во внимание дискреционные полномочия надзорного ведомства по отстаиванию интересов государства и неопределённого круга лиц необходимо помнить, что органы прокуратуры не могут подменять иные государственные органы и службы. Следует исходить из компетенции и подведомственности круга дел. Надзорная деятельность не должна сводиться к повторному выполнению работы, за которую отвечают другие контролирующие органы и их должностные лица. Такие полномочия предусматриваются, как правило, нормами специального ведомственного законодательства. Выгодно отличает от иных органов власти правомочие прокуратуры по принятию специальных мер прокурорского реагирования.

Меры прокурорского реагирования в широком практическом понимание делятся на 2 вида:

- Общий административный порядок (институциональный) состоит во внесении протестов и представлений непосредственно нарушителям;

- Судебный порядок, включающий: подачу искового заявления, участие для дачи заключения по делу и обжалование судебных актов в вышестоящих инстанциях.

Применительно к участию прокурора в судебном разбирательстве следует помнить, что статус как участника процессуальных отношений складывается из прав и обязанностей. Все процессуальные права и обязанности прокурора можно разделить на два вида:

1) права и обязанности, которыми наделяются инициаторы возбуждения гражданских дел в суде;

2) специфические права и обязанности. В силу особенностей своего должностного положения прокурор наделен такими правами, которые не могут принадлежать другим участникам гражданского процесса.

Деятельность прокурора по защите публичных интересов сопряжена с реализацией процессуальных полномочий, и институциональной компетенции прокуратуры как правозащитного ведомства. Участие прокурора должно быть обоснованным и мотивированно законом. Поскольку в гражданских правоотношениях, основанных на равенстве участников, свободе договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, свободном установлении своих прав и обязанностей на основе договора, действуют диспозитивные начала. Публичные начала прослеживаются во всех видах правоотношений, в том числе, и в частноправовых, т.е. между отдельными субъектами, по поводу реализации субъективных прав.

Публичным может быть интерес и частного лица. Такое возможно в случаях, когда предмет спора задевает интересы многих субъектов, затрагивает социально-значимые проблемы и привлекает внимание общества или же касается фундаментальных ценностей.

В последние годы, возбуждение гражданских дел в целях охраны публичного интереса стало особенно актуальным по вопросам землепользования и экологии, распоряжения государственным и муниципальным имуществом, а также в сфере общественной безопасности и антитеррористической защищённости населения. Следует отметить, что инициирование гражданского дела прокурором в целях

защиты интересов государства и общества происходит в ординарном порядке судебного разбирательства, с соблюдением общих правил искового производства.

В контексте динамичного экономического прогресса и глубоких социальных преобразований в российском государстве, наблюдаются нередкие случаи ухудшения окружающей среды, нарушения экологических прав и интересов граждан, а также ущемления иных конституционных благ. В правоприменительной практике для нейтрализации подобных инцидентов задействуются, с одной стороны, административно-правовые меры принуждения, осуществляемые уполномоченными государственными органами, и, с другой стороны, уголовно-правовая ответственность, применяемая в случаях совершения деяний, квалифицируемых как преступления. Важно отметить, что ни административные, ни уголовные санкции не предполагают наступления гражданско-правовой ответственности причинителя вреда, в частности, в форме обязательства по возмещению причиненного ущерба.

При этом, как настаивает надзорный орган, особое внимание следует уделять выполнению обязанностей по предъявлению исков о возмещении вреда окружающей среде, взысканию платы за природопользование. [3, п.3.9]

Нарушение в упомянутой сфере весьма разнообразны и включают:

- Загрязнение окружающей среды — поступление в окружающую среду вредных веществ или других объектов в количествах, превышающих естественный фон.

- Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ;

- Нарушение правил обращения с опасными веществами и отходами;

- Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если это повлекло причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству;

- Нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушение эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если это повлекло загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха;

- Нарушение правил охраны и использования недр;

- Незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан;

- Нарушение правил охраны среды обитания или путей миграции объектов животного мира и водных биологических ресурсов;

- Причинение вреда редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных, растений или других организмов, занесённых в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации;

- Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов и тд.

Таким образом, защита публичных интересов в экологической сфере представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и возмещение ущерба, причинённого экологическим правонарушением.

Отдельного внимания заслуживает ещё одна секция дел, составляющих категорию «публичные интересы» - дела об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не предоставлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. По общему процессуальному правилу, бремя доказывания, установленное в ст. 56 ГПК РФ гласит, что каждая сторона должна доказывать те обстоятельства, на которые ссылается. [2] Однако в рассматриваемой категории дел всё иначе: так как на ответчике лежит обязанность доказать легальность

происхождения имущества. Ведь именно в подобных спорах и реализуется публично-правовая составляющая полномочий прокурора. [5, с 37]

При этом, позиция ВС РФ состоит в том, что обращению в доход государства подлежит не только имущество, приобретённое нелегальным путём, но и иные доходы, полученные в ходе реализации такого имущества [6].

О неумолимом вкладе прокуратуры в данной области защиты публичного интереса свидетельствуют официальные источники. Так, согласно отчёту Счётной палаты на 1 июля 2025 года Росимуществом получены сведения об обращении в доход государства 8 776 объектов коррупционного недвижимого имущества совокупной стоимостью более 113 млрд рублей. [4] Возврат незаконно нажитого имущества и связанных с ним активов выступает в качестве ключевого направления работы прокуратуры. Финансовая устойчивость государства опирается, в первую очередь, на бюджетный механизм перераспределения ресурсов в государственные сектора и отдельные отрасли экономики.

В продолжение защиты прокурором имущественных интересов государства нельзя не отметить также дела о возврате государственных активов из чужого незаконного владения. Защита законности при управлении и распоряжении государственной и муниципальной собственностью – это важная задача, стоящая перед органами прокуратуры. Для выполнения этой миссии прокуроры активно применяют свои полномочия, в том числе путем подачи виндикационных исков. Виндикационный иск – это юридический инструмент, направленный на возврат имущества, которое незаконно удерживается третьими лицами. Как установлено статьями 301 и 305 Гражданского кодекса Российской Федерации, истцом по такому иску может быть не только собственник, но и любое лицо, законно владеющее имуществом на основании права пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления или иного права, предоставленного законом или договором.

Судебная практика показывает, что прокурор может подать иск в защиту государства или его учреждения, когда в ходе проверки выясняется, что их права нарушены, а ответственные государственные органы не обращаются в суд для их защиты или делают это недобросовестно. Согласно статье 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, если государственный орган, в защиту интересов которого прокурор инициировал судебный процесс, отказывается от дальнейшего участия в деле или от своих первоначальных требований, это не влечет за собой прекращение производства по делу. Вместо этого, разбирательство продолжается в соответствии с общими нормами искового производства.

Помимо имущественной составляющей у публичного интереса проявляется также и социальный характер. Так социально-правовая природа прослеживается в защите прокурором нематериальных конституционных и производных от неё благ неопределённого круга лиц. Для наглядности следует обратиться к судебной практике. Так, Определением Ульяновского областного суда по делу № 33-1157/2023 были удовлетворены требования прокурора, обратившегося в порядке ст. 45 ГПК РФ. [7] Прокурор Старомайнского района Ульяновской области подал иск в интересах неопределённого круга лиц к Министерству здравоохранения Ульяновской области и ГУЗ «Старомайнская районная больница». Истец требовал обязать организовать финансирование и розничную торговлю лекарственными препаратами в фельдшерско-акушерском пункте в селе Кременки. Проверка показала, что, несмотря на наличие лицензии у больницы, в ФАП отсутствовала аптечная организация, что создавало угрозу здоровью жителей села и других лиц, нуждающихся в лекарствах. Благодаря активному вмешательству прокуратуры удалось обязать больницу организовать торговлю лекарствами в ФАП.

В другом деле, прокурор Центрального административного округа г. Курска подал иск к МБОУ «Лицей N» и комитету образования города Курска. В ходе проверки было установлено, что здание лицея не оборудовано средствами антитеррористической защиты: отсутствовала система охранной

сигнализации, системы оповещения и управления эвакуацией (либо автономные системы экстренного оповещения), а также помещение для охраны на первом этаже с системами видеонаблюдения, охранной сигнализации и средствами передачи тревожных сообщений в подразделения вневедомственной охраны. [8]

Публичный интерес в контексте защиты частных прав, свобод и законных интересов граждан, особенно тех, кто находится в уязвимом положении, заключается в признании государством и обществом необходимости обеспечения правовой и социальной защиты наиболее слабой стороны в правоотношениях. Это направлено на реализацию конституционных принципов состязательности и равноправия сторон, гарантирующих каждому возможность судебной защиты.

Специфика прокурорского представительства в суде диктует необходимость индивидуального подхода к процессуальным требованиям, учитывая природу защищаемого интереса. Применение исковой формы для охраны публичных интересов предполагает модификацию стандартных моделей гражданского процесса, адаптируя их к ситуациям, где объектом судебного контроля является прежде всего исполнение публично-правовых обязательств.

Таким образом, судебная практика наглядно показывает, насколько востребовано участие прокурора в процессах, направленных на защиту публичных интересов: признание недействительными сделок с государственным и муниципальным имуществом, возврат незаконно присвоенного имущества, а также взыскание неосновательного обогащения и причиненного ущерба. Несмотря на это, существует явная необходимость в доработке правовых норм, определяющих, когда и как прокурор может выступать в суде, а также в четком разграничении его полномочий с функциями других ответственных государственных властных органов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации с комментариями: официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://constitutionrf.ru/ (дата обращения: 12.05.2026).

2. ГПК РФ от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения: 12.05.2026).

3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 “Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере”. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения: 12.05.2026).

4. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит учета и распоряжения имуществом, обращенным в доход Российской Федерации и в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, и конфискованным имуществом, полученным в результате совершения коррупционных правонарушений, за исключением долей и акций хозяйственных обществ, движимого имущества, в 2023–2024 годах и истекшем периоде 2025 года» . Официальный сайт Счётной палаты Российской Федерации — https://ach.gov.ru/ (дата обращения: 12.05.2026).

5. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве: вопросы теории: монография / И.И. Головко. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025 — 135с. (дата обращения: 12.05.2026).

6. "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2026)" (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2026 N 5А/2026) . Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения: 12.05.2026).

7. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 14.03.2023 г. по делу № 33-1157/2023. // Ульяновский областной суд: официальный сайт. — URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=105104. (дата обращения: 12.05.2026).

8. Апелляционное определение Курского областного суда от 8 февраля 2022г. по делу N 33-381/2022. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения: 12.05.2026).

Жигалова А.А.
студент
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
научный руководитель – профессор, доктор юридических наук
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Д.А. Петров

Zhigalova A.A.
Student
Saint-Petersburg State University
scientific director – Professor, Doctor of Law
Saint-Petersburg State University
D.A. Petrov

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Проблема наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью порождает множество правовых дискуссий. Целью исследования является анализ доктринальных подходов к определению правосубъектности искусственного интеллекта и распределению ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. В основу исследования положены научные труды российских и зарубежных ученых, а также данные о проектах нормативных актов в сфере регулирования технологий. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и аналитический методы. В результате исследования дана характеристика выделяемым в доктрине основным подходам к определению правосубъектности искусственного интеллекта: технология как объект гражданских прав, квазисубъект права и полноценный субъект правоотношений. Исследование позволило выявить преимущества и недостатки каждой из предложенных концепций, особое внимание уделено анализу идеи наделения систем искусственного интеллекта статусом «электронного лица» и «квазичеловеческого разума». В результате исследования сделан вывод о том, что наделение искусственного интеллекта статусом субъекта на текущий момент является преждевременным для российского правопорядка, наиболее оптимальным видится восприятие технологии в качестве объекта гражданских прав с возложением ответственности за причиненный им вред на его владельца.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, правосубъектность, ответственность, объекты гражданских прав, электронное лицо.

LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LIABILITY ISSUES

Abstract. The problem of endowing artificial intelligence systems with legal personality gives rise to numerous legal debates. The aim of the study is to analyze doctrinal approaches to determining the legal personality of artificial intelligence and the distribution of liability for harm caused by artificial intelligence systems. The research is based on scientific works of Russian and foreign scholars, as well as data on draft legal acts in the field of technology regulation. The methodological framework comprises formal-legal, comparative-legal and analytical methods. As a result of the study, the main approaches distinguished in the doctrine to determining the legal personality of artificial intelligence are characterized: technology as an object of civil rights,

as a quasi-subject of law, and as a full-fledged subject of legal relations. The study reveals the advantages and disadvantages of each of the proposed concepts, with particular attention paid to the analysis of the idea of endowing artificial intelligence systems with the status of an "electronic person" and "quasi-human personality". The study concludes that endowing artificial intelligence with the status of a subject is currently premature for the Russian legal order; the most convenient approach is to perceive the technology as an object of civil rights, with liability for harm caused by it imposed on its owner.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, legal subjectivity, responsibility, objects of civil rights, electronic person.

Введение

Мировое сообщество в настоящий момент находится на пороге фундаментальной технологической трансформации. Искусственный интеллект (ИИ) стремительно становится неотъемлемой частью повседневной жизни людей, а также инфраструктуры глобальных и национальных рынков. Стремительное развитие и распространение ИИ-технологий, включая генеративный ИИ, в том числе большие языковые модели, существенно опережает формирование нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в данной сфере. Правовое регулирование, традиционно ориентированное на разум и действия человека, сталкивается с принципиально новым феноменом - автономными алгоритмами, способными принимать решения и совершать юридически значимые действия без непосредственного участия человека. Это влечет за собой ряд правовых неопределенностей, в числе которых вопросы о том, какое место занимают ИИ-технологии в системе участников тех или иных правоотношений, кто несет ответственность за действия ИИ-систем, как обеспечить прозрачность решений, принимаемых алгоритмами ИИ. Дискуссионными в равной степени остаются вопросы о возможности наделения ИИ элементами правосубъектности.

Проблема возможности наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью является одной из самых дискуссионных в правовой доктрине. Практическое значение данного вопроса заключается в том, что именно от определения общего подхода к регулированию ИИ и его наделения теми или иными свойствами зависит формирование правового регулирования в данной сфере.

Целью исследования является анализ основные доктринальные подходы к правосубъектности ИИ, выявление их достоинств и недостатков, а также обоснование оптимальной модели регулирования для российского правопорядка.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы исследования, в том числе методы диалектической логики, анализ правовых норм и научной литературы, синтез, моделирование, конкретизация, классификация, систематизация, обобщение материала. Теоретическую основу исследования составили научные труды российских и зарубежных авторов, а также проекты нормативных правовых актов в сфере технологий. В эмпирическую основу исследования положены материалы конференций и общественных обсуждений правового регулирования применения технологий.

Результаты исследования и их обсуждение

По мнению С.М. Солаймана, вкратце правосубъектность включает в себя следующие атрибуты: лицо может быть субъектом права; бытие субъектом права влечет за собой способность осуществлять права и выполнять обязанности; осуществление права требует осознанности и выбора [1].

Основные подходы к определению сущности искусственного интеллекта в российской и зарубежной правовой доктрине можно условно разделить следующим образом: ИИ как объект гражданских прав (ИИ как имущество); ИИ, наделенный статусом квазисубъекта права; ИИ как субъект гражданских прав и обязанностей.

Первый из обозначенных подходов на текущий момент является наиболее распространенным в отечественной правовой доктрине и определяет ИИ как объект гражданских прав (результат интеллектуальной деятельности или программа для ЭВМ). Так, Л.Ю. Василевская указывает на «ошибочность правосубъектности искусственного интеллекта» и невозможность наделения его «общественно-юридическими свойствами правоспособности и дееспособности» [2]. С.А. Соменков говорит о том, что системы искусственного интеллекта - это объекты гражданско-правовых отношений, рассматриваемые как вещь с функцией искусственного интеллекта [3]. А.В. Нестеров в своем исследовании доказывает, что понятие «правосубъектность робота» не имеет под собой правовых оснований [4]. Это же мнение последовательно отстаивает В.Ф. Попондопуло [5].

Особую позицию занимает Ю.Э. Монастырский, полагая, что ИИ является технологией, а не объектом гражданских прав, но при этом может участвовать в создании оборотоспособных объектов [6].

Кроме того, в науке активно обсуждается возможность экстраполяции на ИИ правового статуса животных, которые, хотя и не являются субъектами права, наделены особым правовым статусом ввиду исторически сложившегося особенного отношения к ним как в обществе, так и в правопорядке, что позволяет говорить о них как об особых объектах гражданского оборота, наделенных определенными правами. Данный подход позволяет разрешить вопрос об ответственности ИИ аналогично подходу, используемому в отношении животных, без создания принципиально новых правовых конструкций, т.е. с помощью признания ИИ источником повышенной опасности - особым объектом, использование которого налагает на его владельца особые обязанности.

Второй подход основывается на идее о том, что ИИ наделяется статусом особого объекта с элементами субъектности. Одной из высказанных идей, открывших данную дискуссию, стало предложение В.В. Архипова и В.Б. Наумова включить в ГК РФ категорию «робот» – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека [7]. По своей сути, данный подход характеризуется наделением ИИ статусом квазисубъекта права. Так, например, В.А. Вайпан уже сегодня предлагает рассматривать искусственный интеллект как квазисубъект права [8].

В целом, сторонники данного подхода отмечают, что в современных условиях уже является необходимым развитие теории квазисубъектов права, которые не обладают всеми признаками субъекта права, так как дальнейшее развитие искусственного интеллекта, не зависящего от решений человека, может повлечь за собой его отнесение к субъекту гражданских прав [9].

Вместе с тем зачастую поднимается вопрос о том, может ли действующий как робот искусственный интеллект считаться субъектом посредством фикции, как и юридическое лицо, которое выступает в имущественном обороте от собственного имени и несет гражданские права и обязанности. В данном контексте наиболее известной является концепция П.М. Морхата, который предложил ввести институт «электронного лица» [10] по аналогии с юридическим лицом, призванный решить проблему невозможности наделения ИИ правосубъектностью физического или юридического лица, но при этом законодательно закрепить его особый статус. Исследователи, придерживающиеся данного подхода, отмечают, что в праве сознание не является необходимым или достаточным условием для правосубъектности, поскольку, например, дети лишены полной правосубъектности, в то же время, люди, временно не обладающие сознанием, например, находящиеся в коме или спящие, на этом основании ее не лишаются, хотя и не могут осуществлять часть своих прав; при этом юридические лица также не обладают сознанием [11]. В связи с этим отсутствие у ИИ воли и сознания не являются препятствием для наделения его определенной правосубъектностью.

Однако представляются обоснованными сомнения, которым подвергается данная концепция в литературе. Отмечается, что создание правового статуса электронного лица может повлечь за собой такие

проблемы как риск использования ИИ отдельными субъектами для того, чтобы избежать личной ответственности, вопрос о необходимости наделения ИИ-систем конституционными правами по аналогии с человеком, ограниченная уязвимость ИИ к наказаниям, а также риск ослабления правовой защиты людей по сравнению с ними [12].

Теория наделения ИИ статусом особого субъекта, однако не по аналогии с юридическими лицами, а посредством самостоятельной юридической фикции, нашла развитие, в частности, в концепции создания такого квазисубъекта права как «квачер» - квазичеловеческого разума, являющегося, по сути своей, новой юридической фикцией, и предлагаемого в качестве компромиссной правовой категории для систем искусственного интеллекта, обладающих автономностью, но не достигающих уровня человеческого сознания [13]. Сторонниками данной теории высказывается мнение о том, что радикальные подходы («ИИ — только объект», «ИИ — полноценный субъект») не позволяют адекватно регулировать существующие отношения, в которых используется ИИ. Так, предлагаемый квазисубъект права (квачер) будет характеризоваться прямым участием в правоотношениях от своего имени, способностью совершать юридически значимые действия, а также нести за них ответственность.

Основной проблемой, с которой сталкивается концепция наделения роботов статусом особых субъектов - это необходимость несения ими самостоятельной имущественной ответственности, для чего предполагается наделение их обособленной имущественной базой. Сформировать такую имущественную базу в перспективе можно будет с помощью различных механизмов: страхование, целевые фонды, ответственность собственника и пр. Представляется, что до тех пор, пока вопрос возможности наделения роботов определенным имуществом, за счет которого его можно будет привлечь к ответственности, не разрешен, реализация данного подхода является преждевременной.

Наконец, последний подход характеризуется наделением ИИ статусом полноценного субъекта гражданских прав и обязанностей. На сегодняшний день учеными с осторожностью высказываются идеи относительно наделения ИИ статусом полноценного субъекта, поскольку отсутствие полной автономности у систем ИИ, а также воли и способности мыслить делают невозможным постановку их в один ряд с субъектами права, в полной мере обладающими гражданскими правами и несущими соответствующие обязанности.

Тем не менее, в литературе встречаются подходы, обосновывающие гипотетическую возможность постепенного перехода к наделению правосубъектностью ИИ-систем. Так, среди зарубежных авторов примечательным является исследование С. Честермана, который разделил основания правосубъектности на инструментальные и сущностные: к первым относится необходимость разрешения неопределенности в вопросе ответственности ИИ, а также вопросы гражданско-правового взаимодействия с ИИ-системой. К сущностным основаниям автор относит морально-ценностные характеристики ИИ, который, совершая те или иные действия, оказывает прямое влияние на окружающую среду [14]. Автором критикуется концепция применения к ИИ правовой фикции по аналогии с юридическим лицом, так как в случае с управлением юридическим лицом «корпоративная вуаль» при необходимости может быть снята, а в случае с ИИ вместо участников и акционеров, фактически осуществлявших контроль за действиями компании, появились бы разработчики, которые программируют автономность ИИ-системы, а в дальнейшем зачастую передают контроль за ней третьим лицам.

Вывод

Наиболее широко распространенный на данный момент подход, рассматривающий ИИ как объект права (программу для ЭВМ, технологический комплекс), а его владельца или оператора - как лицо, ответственное за причиненный искусственным интеллектом вред по аналогии с источником повышенной опасности, является наиболее оптимальным. Он не создает излишних правовых фикций, усложняя правопорядок и перегружая законодательство, но при этом обеспечивает защиту прав и законных

интересов лиц, взаимодействующих с такой технологией. В то же время важным является то, что такой подход не препятствует технологическому развитию, а напротив, способствует ему, не устанавливая неоправданных нормативно-правовых барьеров, однако сохраняя контроль за внедрением и применением технологий. Наконец, в отличие от альтернативных концепций, такой подход не порождает неопределенности в вопросах распределения ответственности и не требует наделения ИИ-систем обособленным имуществом для того, чтобы механизм гражданско-правовой ответственности указанных технологий был эффективным на практике. Именно поэтому представляется, что данный подход может быть закреплен в качестве основополагающего для формирования правового регулирования ИИ в Российской Федерации.

Литература:

1. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 2. P. 155–179.

2. Василевская Л.Ю. Кодекс этики для искусственного интеллекта: юридический миф и реальность // Гражданское право. 2023. № 2. С. 19.

3. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75.

4. Нестеров А.В. Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? М.: Препринт. Сентябрь 2016. С. 1.

5. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 – 36.

6. Монастырский Ю.Э. Информация и искусственный интеллект в системе гражданского права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 4 (50). С. 31–40. URL: https://ipcmagazine.garant.ru/articles/1931343/ (дата обращения: 18.03.2026).

7. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46–62.

8. ИИ нужно начинать рассматривать как субъект правоотношений - Вайпан. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20250519/310871105.html (дата обращения: 20.03.2026).

9. Ересько П.В. Проблемы признания и защиты авторских прав при использовании произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 450.

10. Мохат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61 - 73.

11. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy. URL: http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

12. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons. URL: http://www.cs.bath.ac.uk/~jjb/ftp/BrysonDiamantisGrant17-preprint.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

13. Архиереев Н.В. Квачер (квазичеловеческий разум) как квазисубъект права: новая юридическая фикция // Юрист, 2025, № 11.

14. Chesterman, S. From Slaves to Synths? Superintelligence and the Evolution of Legal Personality. SSRN. 2025. 06 November. URL: https://ssrn.com/abstract=5710867 (дата обращения: 19.03.2026).

Кобзарева В.А.
магистрант
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»
научный руководитель – преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»
Р.В. Тарасенко

Kobzareva V.A.
Master's Student
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
scientific director – Lecturer at the Department of Criminal Procedure
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
R.V. Tarasenko

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистического обеспечения расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых иностранными гражданами. Анализируется структура криминалистической характеристики данной категории деяний, включая сведения о личности преступника и потерпевшего, типичных способах совершения преступлений и особенностях следовой обстановки. Особое внимание уделяется организационно-тактическим приёмам производства следственных действий в условиях языкового барьера и культурных различий, а также проблемам преодоления противодействия расследованию со стороны этнических диаспор. Обосновывается необходимость совершенствования международного информационного обмена и внедрения специализированных методик расследования, учитывающих этнопсихологические особенности фигурантов.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, расследование, корыстно-насильственные преступления, иностранные граждане, криминалистическая характеристика, личность преступника, этническая преступность, международное сотрудничество, следственные действия, преодоление противодействия.

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF ACQUISITIVE-VIOLENT CRIMES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS

Abstract. The article examines current issues of criminalistic support for the investigation of acquisitive-violent crimes committed by foreign citizens. The structure of the criminalistic characteristics of this category of acts is analyzed, including information about the personality of the offender and the victim, typical methods of committing crimes, and features of the trace environment. Particular attention is paid to organizational and tactical methods of conducting investigative actions under conditions of a language barrier and cultural differences, as well as to the problems of overcoming counteraction to the investigation by ethnic diasporas. The necessity of

improving international information exchange and introducing specialized investigation methods that take into account the ethno-psychological characteristics of the persons involved is substantiated.

Keywords: criminalistic support, investigation, acquisitive-violent crimes, foreign citizens, criminalistic characteristics, offender's personality, ethnic crime, international cooperation, investigative actions, overcoming counteraction.

В условиях глобализации и роста миграционных потоков Российская Федерация, как и многие другие страны, сталкивается с проблемой преступности иностранных граждан. Особую общественную опасность и сложность в расследовании представляют корыстно-насильственные преступления, совершаемые данной категорией лиц (грабежи, разбои, убийства по найму и др.). Эффективное противодействие таким деяниям невозможно без надлежащего криминалистического обеспечения — системы научных положений, технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по расследованию, основанной на криминалистической характеристике преступлений и ситуационном подходе [2].

Ключевой элемент криминалистического обеспечения — криминалистическая характеристика, включающая сведения о личности преступника, потерпевшего, способах и обстановке совершения преступления [1].

Исследователи выделяют несколько типов личностей преступника [4].:

· Ситуативный (случайный) — совершает преступление под влиянием внезапно возникшего умысла, часто в состоянии опьянения.

· Последовательно-корыстный — лица, для которых преступная деятельность — основной или дополнительный источник дохода.

· Профессиональный (организованный) — члены этнических ОПГ, совершающие дерзкие преступления с высоким уровнем подготовки и распределением ролей.

Рассмотрев статистику уголовных дел, рассмотренными судами Хабаровского края в 2022-2025 гг., отметим, что в основном преступления совершаются иностранными гражданами, незаконно находящимися на территории Российской Федерации не имеющими постоянного места жительства и места работы. Можно отметить следующие данные: около 70% преступников- мужчины, 50% находятся в возрасте 29-42 лет, 35% имеют неполное среднее образование. Преступления совершают как холостые, так и семейные лица, имеющие детей.

Потерпевшими часто становятся сами иностранцы (земляки преступника) либо обеспеченные граждане РФ. Виктимное поведение (доверчивость, демонстрация благосостояния) способствует совершению преступления. Так же необходимо изучение личности потерпевшего, это критически важно для выдвижения версий о мотивах и связях. [3].

Преступники - иностранцы часто используют фактор внезапности, применяют холодное оружие и подручные средства, принимают меры для сокрытия следов биологического происхождения. После преступления они могут быстро покинуть территорию региона или РФ [3]. Наиболее распространенными составами совершаемыми иностранными гражданами являются преступления, предусмотренные ст. 105, 161, 162 УК РФ, при этом корыстная цель деяния, как правило, сопровождается насильственным способом достижения.

В свою очередь, К.И. Богомолов приходит к выводу, что наиболее распространенный мотив совершения преступлений иностранцами гражданами – корыстный, поскольку, по его мнению, одной из главных причин является не достаточный материальный уровень жизни большинства иностранцев, прибывающих в Россию с целью заработка [11]. Однако, согласно проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев корыстную цель преступных деяний мигрантов

сопровождает насильственный способ их совершения. В связи с этим целесообразно рассматривать наиболее часто совершаемые преступления мигрантов на территории Российской Федерации в обобщенной группе – преступления корыстно-насильственного характера.

В структуре преступности иностранцев до 25% составляют тяжкие и особо тяжкие деяния [9]. По данным официальной статистики:

Число преступлений иностранцев выросло на 15%: зафиксировано 4309 особо тяжких и 2211 тяжких преступлений. При этом россияне совершают насильственные преступления в четыре раза чаще мигрантов.

Отмечается резкий рост изнасилований (+40%) и убийств (157 случаев)

В 2023 году иностранцами совершено порядка 25 тыс. преступлений, а за 8 месяцев 2024 года — уже более 26 тысяч.

Основную массу осужденных иностранцев (свыше 80%) составляют граждане стран СНГ.

Специфика начинается с этапа возбуждения дела. Необходимо тщательно устанавливать личность подозреваемого, его правовой статус и наличие иммунитета от уголовной юрисдикции в соответствии с международными договорами [3]..

Центральной проблемой является языковой барьер, обязывающий участие переводчика с разъяснением прав и обязанностей [6].

· Осмотр места происшествия: поиск следов, указывающих на этническую принадлежность (специфические предметы, записи), и биологических следов для ДНК-экспертизы.

Допрос: требует тщательной подготовки, изучения культурных особенностей и использования помощи переводчика. Рекомендуется использовать видеозапись для фиксации показаний во избежание последующих ссылок на неверный перевод [7].

Специфической чертой расследования преступлений рассматриваемой категории является высокая вероятность того, что подозреваемый (обвиняемый) скроется от органов предварительного следствия, используя возможность выезда за пределы Российской Федерации либо перемещения внутри страны с использованием документов, не вызывающих доверия. В связи с этим особое значение приобретает комплекс оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на установление местонахождения и задержание иностранного гражданина [2].

Основными ОРМ в таких ситуациях выступают:

· Наведение справок — направление запросов в подразделения по вопросам миграции МВД России для получения сведений о дате и месте пересечения границы, заявленной цели въезда, сроках регистрации по месту пребывания, продлении визы или разрешения на временное проживание, а также о привлечении к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства [3].

· Проверка по учётам — использование автоматизированных баз данных МВД («Розыск-Магистраль», «Мигрант», ППО «Территория», АС ЦБДУИГ и др.) для идентификации личности фигуранта, выявления его связей, иных фактов противоправной деятельности на территории РФ [4].

· Опрос свидетелей и очевидцев из числа представителей диаспоры, работодателей, соседей по общежитию — позволяет получить сведения о круге общения, привычках, местах возможного нахождения и намерениях разыскиваемого.

· Наблюдение — скрытое либо зашифрованное визуальное наблюдение за местами вероятного появления фигуранта (вокзалы, рынки, религиозные центры, съёмные квартиры, общежития, хостелы), а также за его родственниками и земляками.

· Прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи — позволяют установить контакты, маршруты передвижения, факты подготовки к выезду за границу, а также получить сведения о сообщниках [10].

· Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств — проводится для обнаружения вещественных доказательств, документов, подтверждающих личность и правовой статус фигуранта, а также самого разыскиваемого лица.

Учитывая транснациональный характер преступности, важным элементом поиска является незамедлительное информирование органов пограничного контроля ФСБ России о необходимости ограничения выезда подозреваемого за пределы страны. Параллельно инициируется направление запроса о международном розыске по каналам Интерпола с указанием установочных данных, фотографий, отпечатков пальцев (при наличии) и описания преступления [8].

Особое место занимает взаимодействие следователя с оперативными подразделениями, которое должно носить непрерывный характер с момента получения сообщения о преступлении. Совместное планирование следственных действий и ОРМ, обмен информацией и согласованное использование сил и средств являются необходимым условием быстрого установления и задержания скрывшегося иностранного гражданина [2].

Избрание меры пресечения. Учитывая высокий риск побега за границу, по таким делам наиболее часто избирается заключение под стражу. В ходатайстве следователь должен подробно обосновать отсутствие у лица социальных связей и реальную возможность скрыться [10].

Проблемы и пути совершенствования:

1. Установление личности. Отсутствие единых международных баз данных и надлежащего обмена информацией серьезно затрудняет работу [8].

2. Преодоление противодействия. Этнические диаспоры создают круговую поруку, обеспечивая ложные алиби и давление на свидетелей, что требует комплекса мер безопасности и оперативной поддержки ФСБ и МВД [4].

3. Транснациональный характер. Успех расследования напрямую зависит от эффективности международного сотрудничества с Интерполом и компетентными органами иностранных государств [8].

Расследование корыстно-насильственных преступлений, совершенных иностранными гражданами, требует особого научно-методического подхода. Эффективное криминалистическое обеспечение, основанное на глубоком знании криминалистической характеристики и ситуационном подходе, является залогом успешного раскрытия и расследования данной категории дел [2].

В целях совершенствования деятельности необходимо: внедрять современные методы ДНК-идентификации, совершенствовать институт судебного перевода, оптимизировать международный информационный обмен и разрабатывать специализированные методики расследования с учетом этнопсихологических особенностей фигурантов.

Литература:

1. Криминалистика: учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2023. – 543 с.

2. Волынский, А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография / А. Ф. Волынский. – М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2018. – 312 с.

3. Лелетова, М. В. Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых мигрантами / М. В. Лелетова // Юридическая наука: история и современность. – 2024. – № 3. – С. 46–54. – DOI: 10.24411/2618-8120-2024-3-46-54.

4. Поздняков А.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений, совершенных членами этнических преступных структур: монография. – М.: Акад. управ. МВД России, 2012. – 120 с. http://lawlibrary.ru/izdanie2348519.html

5. Волчецкая, Т. С. Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами / Т. С. Волчецкая, Н. Л. Рябенькая // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 2-2. – С. 18–24. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminalisticheskoy-harakteristiki-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-migrantami

6. Ахмедшин, Р. Л. Тактика допроса иностранных граждан / Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 391. – С. 155–159. – DOI: 10.17223/15617793/391/25.

7. Рябенькая, Н. Л. Особенности криминалистического изучения личности преступника-мигранта в целях установления с ним психологического контакта / Н. Л. Рябенькая // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 131–138. – DOI: 10.24412/2071-6184-2021-2-131-138.

8. Клевцов, К. К. Понятие и правовая сущность международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / К. К. Клевцов // Мировой судья. – 2023. – № 4. – С. 28–33.

9. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года: статистический сборник / Генеральная прокуратура РФ, МВД России. – М.: ГИАЦ МВД России, 2024. – 72 с.

10. Зеленский, В. Д. Организация расследования преступлений: криминалистические и процессуальные аспекты: монография / В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2022. – 256 с.

11. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, С.А. Невский [и др.]. М., 2025.